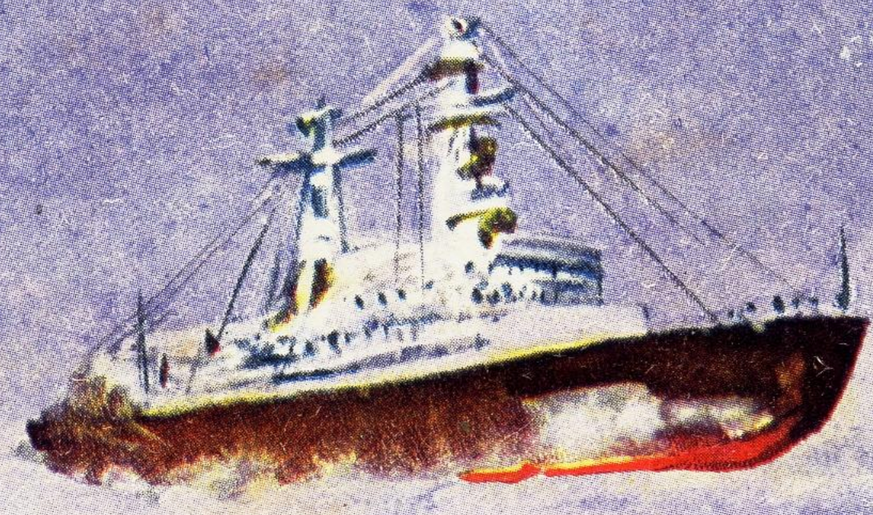
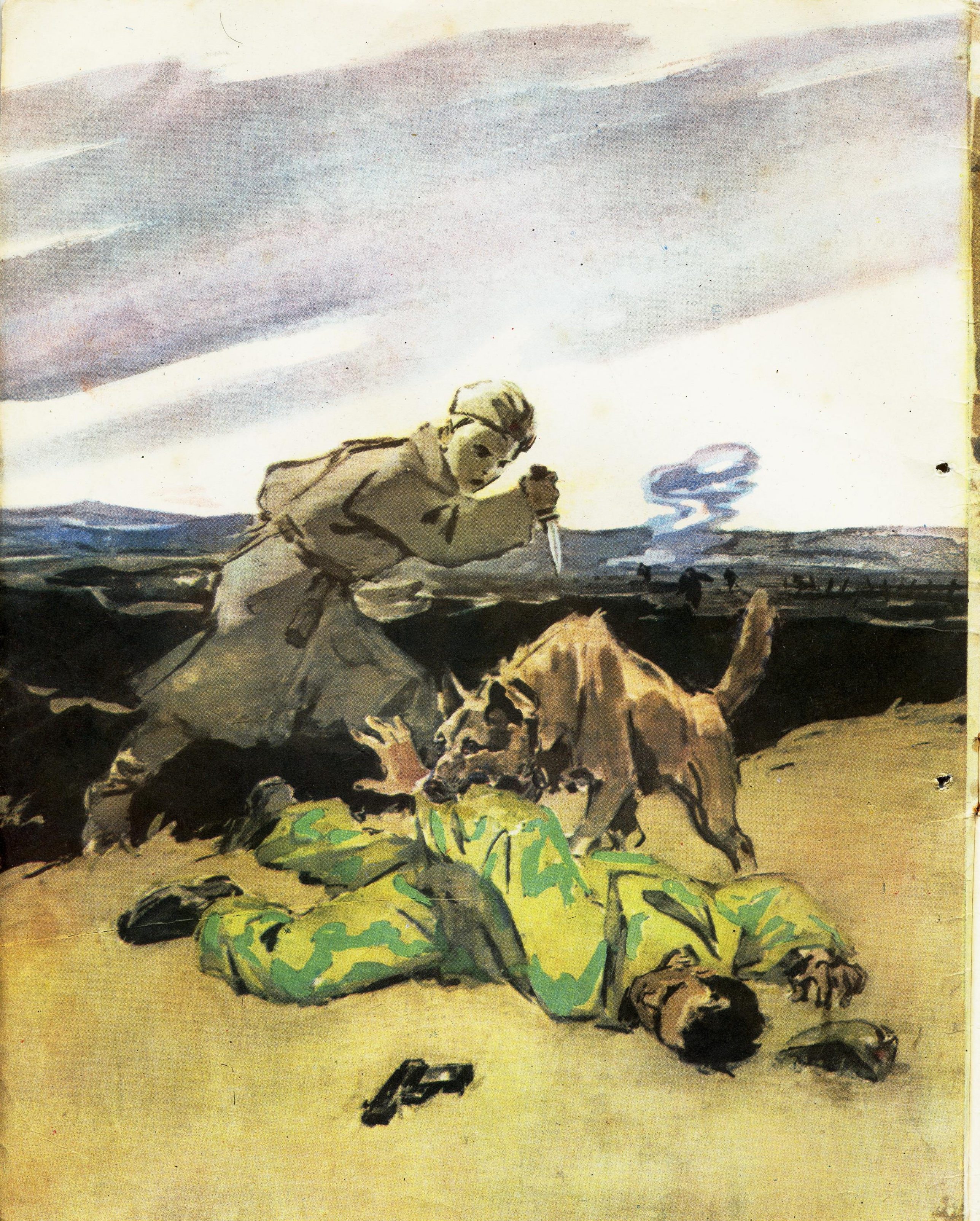
Костёр

2

ФЕВРАЛЬ
1962





Костёр

2

ФЕВРАЛЬ

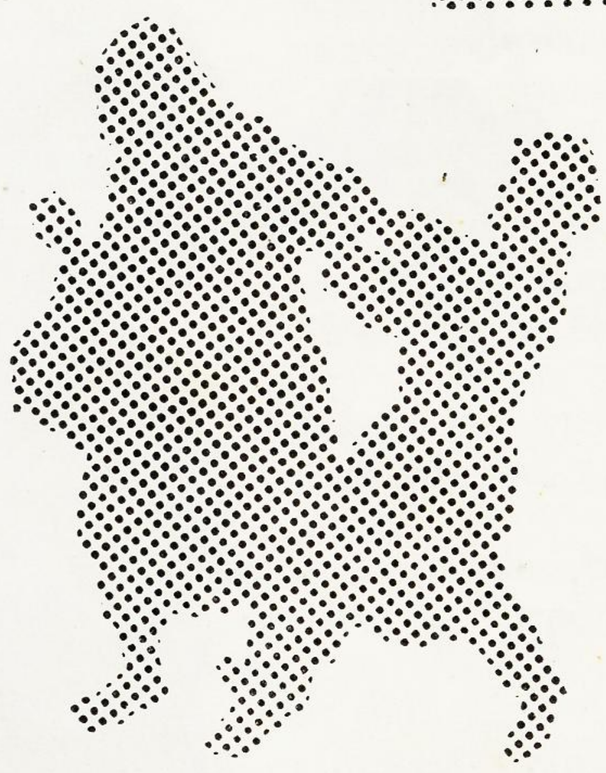
1962

Ежемесячный журнал ЦК ВЛКСМ Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина Союза писателей СССР

«Очень я не люблю слово «был» за его страшную, беспощадную вместительность. В нем — судьба друзей, кровь друзей, на полях войны отдавших самое дорогое — жизнь, ради нашей жизни, ради нашей победы.

Но без памяти жить нельзя. Это понятно каждому. И, как бы это ни было тяжело для моего сердца, я не могу отказаться от беспощадного глагола «был».

О СУРОВЫХ ДНЯХ ЛЕНИНГРАДСКОЙ БЛОКАДЫ, О ДРУЗЬЯХ СВОИХ, О ЛЮДЯХ, БОРОВШИХСЯ И ПОГИБШИХ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ, ВСПОМИНАЕТ СЕГОДНЯ НА СТРАНИЦАХ «КОСТРА» ПИСАТЕЛЬ МИХАИЛ ДУДИН.



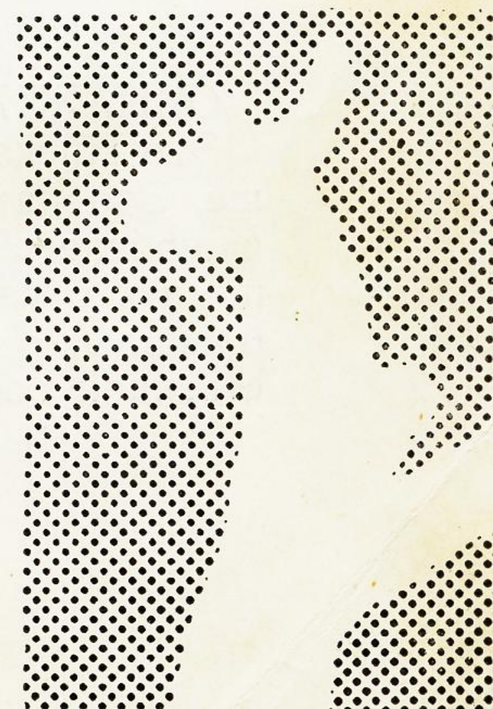
О БРИГАДЕ ГАГАРИНЦЕВ, О КОСТЕ ШМЕЛЕ И ЕГО ТОВАРИЩАХ, ОБ ОТВАЖНЫХ СОЛДАТАХ — ГЕРОЯХ МИРНОГО ВРЕМЕНИ И О МНОГОМ ДРУГОМ ЧИТАЙТЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ «КОСТРА»

«Полковник сдержал свое обещание. В тот день пионер Георгий Антоненко был зачислен в разведгруппу 98-го стрелкового полка — на все виды довольствия».

О МАЛЕНЬКОМ РАЗВЕДЧИКЕ, О БЕССТРАШНОМ ПИОНЕРЕ ИЗ ПЕТЕРГОФА РАССКАЗЫВАЕТ ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПИСАТЕЛЬ Н. ХОДЗА.

«Миноносцы останавливаются. К берегу идет шлюпка. За ней с тревогой следят сотни глаз. Чем это кончится? Ловушка или не ловушка?»

О РИСКОВАННОЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ ВОЛЖСКИХ МОРЯКОВ ВСПОМИНАЕТ УЧАСТНИК ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ Е. ФРЕЙБЕРГ.



ПАМЯТЬ О ГЕРОЯХ НЕ УМИРАЕТ

ПАМЯТЬ О ГЕРОЯХ ЖИВЕТ, РОЖДАЯ НОВЫХ ГЕРОЕВ

На второй странице обложки рисунок к рассказу «Сынок»

СВЯТАЯ ПАМЯТЬ ПОБЕДЫ

Михаил Дудин

ОБНАЖИТЕ ГОЛОВЫ!
Это Пискаревское кладбище. Это память о трагедии и победе Ленинграда. Это память о героических днях блокады, о Великой Отечественной войне.

ЗДЕСЬ ЛЕЖАТ ЛЕНИНГРАДЦЫ.
ЗДЕСЬ ГОРОЖАНЕ — МУЖЧИНЫ, ЖЕНЩИНЫ, ДЕТИ.
РЯДОМ С НИМИ СОЛДАТЫ — КРАСНОАРМЕЙЦЫ.
ВСЕЮ ЖИЗНЬЮ СВОЕЮ
ОНИ ЗАЩИЩАЛИ ТЕБЯ, ЛЕНИНГРАД,
КОЛЫБЕЛЬ РЕВОЛЮЦИИ.
ИХ ИМЕН БЛАГОРОДНЫХ МЫ ЗДЕСЬ ПЕРЕЧИСЛИТЬ НЕ СМОЖЕМ.

ТАК ИХ МНОГО ПОД ВЕЧНОЙ ОХРАНОЙ ГРАНИТА.
НО ЗНАЙ, ВНИМАЮЩИЙ ЭТИМ КАМНЯМ,
НИКТО НЕ ЗАБЫТ И НИЧТО НЕ ЗАБЫТО.
В ГОРОД ЛОМИЛИСЬ ВРАГИ, В БРОНЮ И ЖЕЛЕЗО ОДЕТЫ,
НО С АРМИЕЙ ВМЕСТЕ ВСТАЛИ
РАБОЧИЕ, ШКОЛЬНИКИ, УЧИТЕЛЯ, ОПОЛЧЕНЦЫ.
И ВСЕ, КАК ОДИН, СКАЗАЛИ ОНИ:
СКОРЕЕ СМЕРТЬ ИСПУГАЕТСЯ НАС, ЧЕМ МЫ СМЕРТИ.
НЕ ЗАБЫТА ГОЛОДНАЯ, ЛЮТАЯ, ТЕМНАЯ
ЗИМА СОРОК ПЕРВОГО — СОРОК ВТОРОГО,
НИ СВИРЕПОСТЬ ОБСТРЕЛОВ,
НИ УЖАС БОМБЕЖЕК В СОРОК ТРЕТЬЕМ.
ВСЯ ЗЕМЛЯ ГОРОДСКАЯ ПРОБИТА.
НИ ОДНОЙ ВАШЕЙ ЖИЗНИ, ТОВАРИЩИ, НЕ ПОЗАБЫТО.
ПОД НЕПРЕРЫВНЫМ ОГНЕМ С НЕБА, С ЗЕМЛИ И ВОДЫ
ПОДВИГ СВОЙ ЕЖЕДНЕВНЫЙ
ВЫ СОВЕРШАЛИ ДОСТОЙНО И ПРОСТО
И ВМЕСТЕ С ОТЧИЗНОЙ СВОЕЙ
ВЫ ВСЕ ОДЕРЖАЛИ ПОБЕДУ.
ТАК ПУСТЬ ЖЕ ПРЕД ЖИЗНЬЮ БЕССМЕРТНОЮ ВАШЕЙ
НА ЭТОМ ПЕЧАЛЬНО-ТОРЖЕСТВЕННОМ ПОЛЕ
ВЕЧНО СКЛОНЯЕТ ЗНАМЕНА НАРОД БЛАГОДАРНЫЙ,
РОДИНА-МАТЬ И ГОРОД-ГЕРОЙ ЛЕНИНГРАД.

Эти гордые слова, выбитые стальным резцом времени на гранитной стене памятника, написала сквозь горькие слезы невозвратных потерь перестрадавшая всю блокаду женщина, вмерзшая душой своей в ее неповторимый лед — Ольга Берггольц. Она имела право написать эти слова.

И если уж говорить об эпопее обороны Ленинграда в минувшую войну, то ради исторической справедливости, к слову нужно заметить: всю тяжесть фронта несли на своих плечах по траншеям и окопам мужчины, вся тяжесть блокированного города, вся его гражданская жизнь, естественно, легла на хрупкие плечи ленинградских женщин.

Мне хочется рассказать здесь об одной беспримерной судьбе.

Время отдаляет события и одновременно проясняет их, отбрасывая все лишнее. Я начну этот рассказ в том порядке, в каком он за два десятилетия постепенно откристаллизовывался в моей душе.

У меня очень заболел зуб.

В нашем полку не было стоматолога. Яша Гибель, наш полковой врач, выписал мне направление в Ленинград. И я пошел из Ново-Саратовской колонии, где мы тогда стояли, в стоматологический институт на Невском.

Зуб мой болел очень сильно. И я шел и думал и о своей жизни, и о чем угодно, но больше всего о зубе, потому что он не давал мне покоя. И, чтобы отвлечь себя от ощущения своей собственной боли, я начал думать о боли других.

Прежде всего я подумал о Пете Быкадорове. Он был крепче меня раз в десять. И когда мы брали первого языка, он умудрился наскочить на нашей стороне на противопехотную мину. Наскочил он на эту мину и, получив осколков двадцать, немножко очумел, но до санчасти добрел сам.

Он был настолько здоров, что Яша Гибель, которого Петя еще не знал в лицо, стал ему выковыривать эти самые осколки без наркоза. Осколки были маленькие, и когда дело дошло до последнего, кто-то из санитаров назвал врача по фамилии.

И тут с Петей случилось невероятное: он начал так брыкаться, что его пришлось успокаивать наркозом.

А зуб у меня все болел, и я начал вспоминать другое. Я стал вспоминать свою первую войну, на которую я попал, как все на свете солдаты.

Был снег и были сосны. И мы дней пять лежали в этом снегу, совершенно окоченев от холода. А комиссар нашего полка красавец Говгаленко взобрался на сосну и громким голосом прокричал:

— Впереди победа! Нас наградили орденом Ленина!

Я-то был солдатом и носил валенки, а Говгаленко носил хромовые сапоги. И я, вспомнив это сейчас, пожалел комиссара: наверно, ему тогда было в десять раз холоднее, чем мне.

Потом я вспомнил полуостров Ханко, где служил после первой моей войны. Был у меня там великолепный конь Министр. Я ездил на этом Министре, как герой, и он, конечно, гордился тем, что у его всадника есть медаль «За отвагу». А когда мы эвакуировались с полуострова Ханко, коней нельзя было эвакуировать, — их свели на одну поляну, предварительно заминировав ее, и — грохнули...

Отвлекусь немного в сторону и сознаюсь, что я был очень плохим наездником, и, когда были тактические учения полка, я загнал в темноте своего Министра на колючую проволоку. Министр сорвал колючую и упал.

Я перелетел через его голову. Ушибся я очень здорово.

Министр, потыкав меня мордой, сказал: «Вставай!»

Я встал и, увидев его разорванную грудь, повел его в поводу. Я отдавал ему хлеб и сахар. Но так как я тоже живой человек, и мне тоже хотелось сахару, однажды я Министру свою горшню не отдал. Наверно, мой зуб и болит от этого самого сахара...

Я перешел через Неву и вышел на проспект села Смоленского. Я шел по переметенной снегом тропинке, прикрыв раздувшуюся щеку рукавицей от ветра. Дорога была безлюдной. Навстречу мне попались только два грузовика, покрытые брезентом. Брезент был заляпан красными пятнами, и из-под него выглядывали наружу сжатые в кулаки руки с черными ногтями.

Немец обстреливал дорогу из дальнобойных орудий. Он все время переносил огонь, как бы сопровождая меня к Ленинграду. При первом разрыве я, по старой привычке артиллериста, лег в снег. Потом я перестал ложиться, а стал прятаться в подворотни. Бил он методично: через десять минут снаряд. Я это по часам заметил.

Зуб мой снова начал ныть нестерпимо. И я вспомнил своего хозяина из Ново-Саратовской колонии. Бывают же такие нелепости, думал я. Дело в том, что меня и художника Бориса Уткова поселили в избу к немцу-колонисту. Фамилия его была или Крамер или Мюллер. Он был тощ и длинен, как божье недоразумение. Трое ребятишек его мал мала меньше молча сидели на холодной печи, кутаясь в какое-то тряпье. Крамер был учителем. Его не успели эвакуировать. Он очень боялся, что его могут расстрелять, как шпиона. Мы с Борей Утковым не считали его шпионом и делились с его семьей и хлебом и супом, хотя нам самим триста граммов хлеба, сами понимаете, не хватало и на завтрак. Мы подозревали, что Крамер где-то считает себя виновником войны и блокады и думает, что все его, Крамера, ненавидят так же, как Гитлера, таким уж он был робким и осторожным. От этой робости он даже членораздельно говорить не мог, а только мычал что-то непонятное. Мы с Борей не считали его виновником войны, мы были заняты другим делом.

Сумерки перешли в ночь. Ветер утих. Немец перестал стрелять из своего дальнобойного орудия. Наступила тишина. Огромная луна встала над тишайшим городом. Казалось, что ничего, кроме этой зловещей луны в клочковатых облаках, тишины и снега и не было в этом горьком мире.

Я порядком устал и, чтобы сократить расстояние, свернул с дороги на тропинку, перелез через забор и пошел через кладбище Александро-Невской лавры. Я шел между крестов и читал про себя стихи. Стихи не помогали, очевидно, потому, что они не имели прямого назначения к зубной боли, которая прямо-таки разрывала мою челюсть.

И вдруг в этой тишине и нестерпимой боли я услышал четкие удары топора. На морозе они были особенно отчетливыми. Я прислушался и оглянулся по направлению звука. Я увидел какую-то странную фигуру, которая тюкала топором по основанию деревянного креста. Проваливаясь в снег, я подошел к этой странной фигуре и спросил:

— Что вы делаете?

Фигура выпрямилась и неопределенным голосом сказала:

— Я не чужой рублю, а мужнин. А ты посильнее меня, взял бы да и помог.

И, странное дело, я сбросил полушубок и доделал начатое. Я начисто срубил память о бывшем человеке, расколол ее, погрузил на санки и молча потащил их за странной фигурой по безлюдному Старо-Невскому проспекту мимо вмерзших в сугробы троллейбусов, мимо обвисших под тяжестью инея бесполезных проводов и перевернутых, запорошенных снегом кроватей.

Я дотащил эти санки до улицы Чайковского, до подъезда дома, от которого были видны в холодном свете жуткой луны сказочные деревья Летнего сада и черная решетка набережной Фонтанки.

За странной фигурой с неопределенным голосом я протащил санки в подъезд и приставил их к стенке под лестницей, потом взял в охапку разбитый на щепки деревянный крест и поднялся на второй этаж по осклизлой, загаженной лестнице.

Фигура открыла какую-то дверь, и мы прошли по бесконечному темному коридору в самый его конец. Потом мы вошли в комнату, и я положил дрова на пол прямо под ноги.

— Спички есть?

Я чиркнул спичку и сначала увидел костлявую, сморщенную руку, держащую гасик. Я подпалил фитиль и при слабом свете мышиного глазка пламени увидел землистое, как и рука, старческое лицо с живыми глазами, в зрачках которых колебалось красное пламя гасика.

— Сейчас будем ужинать, — сказала старуха. Она разделась и развела в буржуйке огонь и поставила на огонь чайник. Я снял полушубок и шапку и вытащил все мои богат-

ства из противогазной сумки: кусок хлеба, селедку и два куска сахару.

— Что у тебя? — спросила старуха, взглянув на мою щеку.

— Зуб! — сказал я.

— До свадьбы заживет!

На этом наш диалог закончился, и, странно, зубная боль стала затихать.

Потом старуха поделила все наше богатство на две части. Одну спрятала в стол. Другой мы закусили и запили кипятком. Она дала мне подушку. И я, укрывшись полушубком и сняв валенки, улегся на диване.

Я проснулся от солнца и стрекота. Ясное зимнее солнце било мне в глаза и стрекотало, как десять тысяч кузнечиков. Я открыл глаза и обрадовался тому, что мой зуб не тревожил меня нисколько. Боль ушла совсем. И во всем теле была какая-то необыкновенная легкость. И мысли мои были ясными и чистыми. Я открыл глаза и прислушался к стрекоту. Я увидел через раскрытую дверь в соседней комнате седенькую, старенькую женщину. Она сидела у окна против солнца, седенькая и чистенькая, вся с головы до ног пронизанная солнцем. Она сидела за швейной машинкой, и белая волна мадаполама сползала к ее ногам, как пена, вся в солнечных бликах и зайчиках. Как только я проснулся, она повернула в мою сторону маленькую седую голову, поправила тонкой рукой сползающую седую прядку волос и посмотрела на меня из-под очков чистейшими голубыми глазами. Посмотрела и сказала:

— Ну, здравствуй, гость! Встал? Теперь давай завтракать.

Вот так я познакомился с Глафирой Алексеевной в страшную ночь под третье января тысяча девятьсот сорок второго года.

Она была чудом. И мне хочется рассказать об этом чуде, потому что чудеса в жизни встречаются не так уж часто. Чудеса надо беречь и удивляться им. Человек, который не умеет удивляться, — мертвый человек.

Глафире Алексеевне было тогда за семьдесят. Всю свою жизнь она прожила в этом доме у Фонтанки. Он был предназначен для многочисленной царской прислуги. Молоденькая Глаша работала белошвейкой и жила в этом доме с матерью.

В 1905 году было ей семнадцать лет. Она была красивой, веселой и любопытной. Может быть, из-за этого любопытства, надев бархатную шубку на беличьем меху и белый шелковый платок, в морозный январский день девятого января и выскочила она из ворот. Наверно, молодость ее вытолкнула на улицу. И она пошла на Невский, присоединилась к праздничной толпе, и вместе со всеми отправилась к царскому дворцу на Дворцовую площадь.

Рядом с ней шел парень в бобриковом пальто. И не сводил с нее глаз, а потом, осмелев, спросил:

— Барышня, а где такие красивые родятся?

— Не для вас припасены, — ответила Глаша, — поищите на другой улице.

— Мне эта улица больше той нравится.

Так, болтая, они и дошли до площади.

А дальше все как-то смешалось в сознании Глаши. Она только помнит, как они бежали после выстрелов с этим парнем вместе, как завернули в какой-то переулок, и она перевязывала ему сквозную рану на плече шелковым платком. Перевязывала и почему-то плакала. И он утешал ее. И она привела его домой и целую неделю в очередь с матерью ухаживала за ним, пока он не встал на ноги. Через месяц слесарь Путиловского завода Николай Михайлович Мигунов переселился на второй этаж в дом царской прислуги. Через год Глаша принесла ему в подарок первого сына. Потом второго, потом третьего.

И я увидел на стене в косых лучах солнца в траурной рамке портрет могучего моряка с лихо закрученными усами, в кожанке и бескозырке.

— Это мой Коля, — сказала Глафира Алексеевна. — Он умер в двадцать первом от тифа.

И я взглянул на портрет ладного мужчины в косоворотке.

— Это первый сынок, Петя, — сказала Глафира Алексеевна. — Его застрелили кулаки в тридцать втором под Лугой.

И я посмотрел на третий портрет мужчины в морском кителе с нашивками капитана.

— Это Миша, второй, — сказала Глафира Алексеевна, — он погиб этим летом под Таллином.

И я взглянул на четвертый портрет молодого парня в полосатой футбольной майке и опять услышал неопределенный голос:

— Это Вася. Месяц назад он под бомбу попал на Кировском.

И как бы в подтверждение этого грохнуло почти за стеной. Наверное, этот проклятый немец опять стал стрелять из своего дальнобойного орудия, и портрет усатого комиссара в кожанке качнулся на стене, и подернутые морозным налетом стекла вздрогнули.

Они жили все вместе. По одному коридору четыре комнаты. Три сына и три невестки. Пять внучат и шесть внучек. И все они были сняты на общей карточке, и седая бабушка, сложив на коленях тонкие руки, сидела в середине. И эта карточка была обвита траурной лентой, и за ее стеклом лежало письмо лет-

чика из соседней квартиры о том, как горела на Ладоге баржа, подожженная немецкой гадиной, и на барже были три невестки Глафиры Алексеевны, и спасти с баржи никого не удалось.

— Вы коммунистка? — спросил я хозяйку.

— Нет. Они были все коммунисты, а я была их матерью, — сказала Глафира Алексеевна и принялась за свое шитье.

— Мне надо работать!

Она всю жизнь работала за своим «Зингером», который стрекотал, как десять тысяч кузнечиков. Она работала от артели на дому. Перед самым началом войны агент артели завез Глафире Алексеевне несколько кусков мадаполама и заказ на детские распашонки. Началась война. Началась блокада. Артель вместе со всеми агентами эвакуировалась в Буй и стала шить фуфайки. А Глафира Алексеевна осталась здесь. И каждый день садилась за стол и шила эти детские распашонки.

— Вот погоди, найдешь невесту, женишься, пойдут ребятишки, вспомнишь меня, старуху.

...Вот так с моей легкой руки почти весь наш полк и перебывал в комнате Глафиры Алексеевны на втором этаже в доме царской прислуги по улице Чайковского. И тот, кто у нее бывал, верил, что пошитые ею детские распашонки непременно ему пригодятся. Мы делились с ней всем своим хлебным и душевным довольствием. А когда у нее вышел мадаполам, старшина нашей батареи где-то достал ей трофейного парашютного шелка, и наша полковая бабушка снова застрочила на своем «Зингере», как десять тысяч кузнечиков.

Она стала нашей совестью и нашим оптимизмом. Бывал у нее и Саша Мазур. Впрочем, о Саше Мазуре я расскажу немного ниже.

Очень я не люблю слово «был» за его страшную, беспощадную вместительность. Это слово, особенно для тех, кто побывал на войне, как кладбище. В нем — судьба друзей, кровь друзей, на полях войны отдавших самое дорогое — жизнь, ради нашей жизни, ради нашей победы.

Но без памяти жить нельзя. Это понятно каждому. И, как бы это ни было тяжело для моего сердца, я не могу отказаться от беспощадного глагола «был».

Был у Ефросиньи Кузьминичны Малышевой единственный сын Василий... А впрочем, об этом надо рассказать по порядку. Недавно я получил письмо.

«Пишет Вам мать краснофлотца Василия Васильевича Малышева, 1921 года рождения, уроженца села Перцово Переславского района Ярославской области. Сын мой был мобилизован в 1939 году в Москве на заводе «Электросвет» по комсомольскому призыву Фрунзенским райвоенкоматом города Москвы в морскую школу в город Кронштадт.

После окончания школы в 1941 году, до начала Отечественной войны, был назначен на торпедный катер или подводную лодку (сейчас уже не помню) на полуостров Ханко.

Письма сына были очень краткими, и я мало знаю о его службе, но все же он писал, что его работа сложная, он занят по электрической части. В одном письме он писал, что у них есть свои газеты и есть поэты, которые описывают их жизнь. И вот у меня сложилось мнение, что вы и есть тот поэт, которого знал мой сын Вася.

Его последнее письмо было от 30 октября 1941 года, где он писал, что они оставили остров и вплавь добрались до берегов, и что краснофлотцы будут так же храбро биться на берегу, как и на море. Но вот 5 июля 1942 года я получила извещение, что мой сын погиб смертью храбрых 10 ноября 1941 года.

Дорогой товарищ Дудин, может быть, вы что и знаете о моем сыне, то прошу вас, напишите мне. Я буду вам очень благодарна. Может быть, в тех местах, где они высадились, известна братская могила или, может, мой сын чем-либо отличился.

Я уже старая женщина, и буду иметь хоть это утешение о моем единственном сыне».

Дорогая Ефросинья Кузьминична, добрая русская женщина! Да, я знал, Ефросинья Кузьминична, вашего Васю. Он действительно служил на базе подводных лодок на полуострове Ханко. А в конце июля был переведен на работу в нашу типографию, он был мастером, как вы говорите, по электрической части. Это была нелегкая служба — обеспечить электроэнергией и типографию и штаб военно-морской базы. Моторы всегда работали бесперебойно, и электричества нам хватало. Совесть Васи была чиста. У него всегда был, как он сам любил говорить, «полный ажур». Он был аккуратным человеком, немногословным и исполнительным. Да ему и не надо было приказывать. Он все понимал сам, сердцем своим, с полуслова.

Вместе с ним я эвакуировался с полуострова Ханко. Наш корабль подорвался на минах и стал тонуть. К нему стали подходить тральщики. Прежде всего надо было эвакуировать раненых, и ваш Василий помогал перетаскивать носилки с тяжелоранеными и передавать их с борта на борт. Сам он ушел с последним тральщиком.

Потом в последний раз я его видел в Кронштадте, он вместе с командой моряков уходил под Ораниенбаум на защиту сухопутных рубежей. Там, очевидно, он и погиб. Как он погиб, я не знаю. Могу сказать только, что трусость была не в его характере, что он встретил смерть достойно, как подобает комсомольцу, воспитанному труженицей матерью, которая всю жизнь свою не покладала рук своих ради счастья своего сына, ради счастья его сверстников.

Я не знаю, в какой могиле он лежит, но он лежит вместе со своими друзьями, беззаветно отдавшими жизни свои за Ленинград, за Родину, за то счастье, которым живет сейчас и полнится наша Земля, не забывающая своих защитников. И когда в Ленинграде в День победы гремит торжественный салют, одна ракета рассыпается разноцветными огнями в честь и славу вашего, Ефросинья Кузьминична, сына-воина Василия Малышева. Я должен здесь признаться, что собственно ваше письмо и заставило меня написать весь этот рассказ.

Выше я заговорил о Саше Мазуре. Так вот.

Майор Новицкий, начальник штаба нашего полка, был, если можно так выразиться, классически лысым человеком, его округлая голова была абсолютно гладкой, на ней не было

ни волоска, ни пушинки. Очевидно, поэтому у нашего начальника штаба была какая-то неистребимая ненависть ко всему лохматому. Все в полку ходили с головами, как биллиардные шары. Машинки для стрижки работали, как заведенные. А мы уже дослуживали свой срок. Нам по нашим подсчетам и по прогнозам полкового писаря Половнева оставалось дней сорок до демобилизации. И нам уж очень хотелось явиться домой хоть с миллиметровым ежиком. Но майор Новицкий был неумолим.

Одному только человеку в полку мы завидовали самой жестокой завистью. Это был Саша Мазур. Приказом командира полка ему разрешалось носить шевелюру. И над этой шевелюрой был невластен даже майор Новицкий. Дело в том, что пулеметчик второго батальона Александр Мазур был руководителем драматического кружка. Он играл Платона Кречета и Непутевого и читал Маяковского со сцены полкового клуба. Париков в клубе не было. И Мазур носил свою собственную шевелюру, лихо выпустив чуб из-под пилотки. Он жил при клубе. Носил хромовые сапоги и суконную гимнастерку. Он был по сравнению с нами щеголем. Он собирался поставить и сыграть Гамлета. Началась война, и этой затее не суждено было осуществиться. Вопрос «быть или не быть?» встал перед лицом земли в таких масштабах, какие не снились даже самому Шекспиру.

Саша Мазур кочевал из батальона в батальон, из роты в роту. У него был резкий, немного неприятный для незнакомого человека голос. Он немного картавил. Но мы прощали это, потому что он был нашим солдатским артистом, потому что он с какой-то необыкновенной лихостью изображал и передразнивал Гитлера и Геббельса. Он был желанным гостем в землянках и окопах, на командном пункте и в госпитале. Он чаще нашего бывал в Ленинграде и, конечно, был самым любимым гостем полковой бабушки. Он брал со стены гитару и дребезжащим голосом, подыгрывая себе и безбожно перевирая, пел старинный романс:

«Вот вспыхнуло утро, румянятся воды,
А быстрая чайка над морем летит...»

Наша полковая бабушка почему-то имела особое пристрастие к этому романсу и всегда просила Сашу Мазура спеть его, и сама что-то мурлыкала в такт Саше.

В свободную минуту мы мечтали с Сашей о разных пустяках. Мы разговаривали о Москвине и Тарасовой, о Мейерхольде и Шаляпине, читали стихи Маяковского и Киплинга. Саша любил повторять, когда был в ударе:

Там, где дымное лихо войны прошло,
Где усталая дремлет земля,
Я исправлю земле причиненное зло,
Семенами засеяв поля.

Он был узкогрудым и щупленьким и для службы в пулеметном взводе мало пригоден. Это понимали все, и командир полка тоже понимал, поэтому и выдумали для него не существующую на войне должность полкового артиста.

Он справлялся с этой должностью отлично. Но пришла пора и Саше Мазуру вернуться в свой батальон, в свой пулеметный взвод.

Это было в 1942 году под Колпино, около Теткиного ручья. После наступления наша бригада заняла оборону. Немцы в атаку на наш передний край пустили танки. Из расчета в живых остался только Саша Мазур. Ему перебило пулеметной очередью обе ноги. Танк шел прямо на пулемет. Мазур знал свои силы. Поэтому он подпустил танк, как можно ближе, и швырнул противотанковую гранату прямо под гусеницы. Он кидал наверняка.

Танк остановился в двух шагах от окопа и загорелся.

Осколком своей же гранаты Саше Мазуру раздробило висок. Он упал навзничь, откинув голову с черным чубом, которому мы так завидовали, и раскинул худые руки, измазанные глиной.

Быть или не быть? Он это решил по-своему.

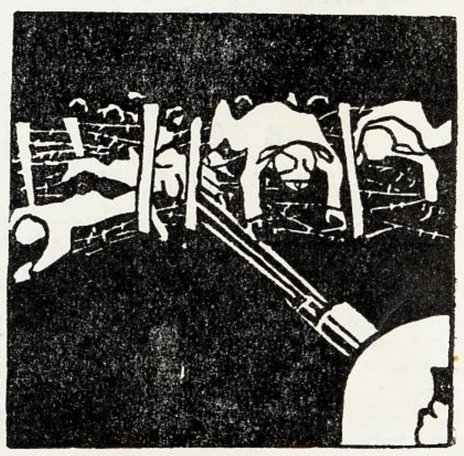
Борис Утков был широкоплечим, крепким парнем, плотным и ладным. Открытое загорелое лицо, вьющиеся русые волосы, голубые глаза с большими белками, милая улыбка и ослепительно белые зубы располагали и завораживали. Он был коренным ленинградцем и

24 июля 1941 года — „Защитник РОДИНЫ“ — № 6

ДЕЛО КРАСНОГО БОЙЦА — БИТЬ ФАШИСТОВ ДО КОНЦА

Рисунки красноармейца Б. Уткова
Стихи красноармейца М. Дудина

1. Если прется ряд за рядом,
Раскроши врага снарядом.



2. Если двигается ротой,
Прострочи из пулемета.

до армии учился в художественном училище. Он был самозабвенно предан своему искусству.

На Ханко во время войны он начал резать гравюры на линолеуме. Мы вместе с ним выпускали листовки. Он делал рисунки, я — стихотворные подписи.

В своем альбоме он сделал портреты почти всего полка. Талант его развертывался и углублялся. У него были свои планы, большие и продуманные до мельчайших деталей. Он собирался писать маслом серию картин о войне. Он работал в редакции дивизионной газеты «Защитник Родины». В каждом номере был его рисунок или карикатура. Его знали в полку все от командира до повара. Знали и гордились им, потому что видели в нем талантливого человека.

У него была жена — негритянка Катя Марио. И мы иногда вместе заходили к полковой бабушке, приносили свой фронтовой паек и устраивали пиры с кипятком и хлебом. Он был веселым и общительным человеком, и, когда делал что-нибудь хорошее для других, глаза его светились, и он улыбался трогательной, открытой улыбкой ребенка.

Он мечтал после войны поступить в Академию художеств и незаметно для других, исподволь, готовился к экзаменам.

Он знал войну, как солдат — во всех ее подробностях и тяготах и выносил эти тяготы, как должное, никогда не сетуя, не жалуясь.

Он погиб в бою под Красным Бором. Он пришел в роту на передний край вместе с журналистом Колей Черноусом зарисовывать отличившегося в бою снайпера. Начался артиллерийский налет. Осколком снаряда убило командира роты. Немцы пошли в контратаку. Борис спокойно взял командование на себя, и все в роте считали, что это самый подходящий человек на место убитого командира. Он погиб в атаке, наскочив на свинцовую очередь немецкого автомата. Он умер сразу. Пули прошили грудь и засунутый за отворот шинели альбом с недорисованным портретом.

Полковая бабушка всегда его вспоминала, когда включала репродуктор. В сорок втором году он провел ей радио.

Когда мне приходится бывать в Академии художеств, ходить по студии, глаза мои невольно, помимо моего сознания, ищут среди студентов ладную фигуру Бориса Уткова.

Ищут и не находят.

Пожалуй, никто из моих знакомых и друзей не любил стихи так, как их любил и понимал гвардии старший лейтенант Георгий Суворов. Он был родом из Хакассии, лихой и подвижный, с хитроватым прищуром резких глаз, с маленькими, редкими, но щеголеватами усиками на ровном загорелом округлом лице.

Он был обаятельным, доверчивым и бесшабашно-храбрым парнем. К нам на Ленинградский фронт он попал после госпиталя из Панфиловской дивизии, из-под Москвы. Во время атаки противопехотная мина попала Георгию в грудь и застряла между ребер. Застряла, но не разорвалась. Раздумывать было некогда. Георгий вытащил ее сам и отбросил в сторону, но из атаки не вышел и только потом без сознания от потери крови попал в госпиталь.

Мы встречались с ним в редакции, а чаще всего на шестом этаже в доме на Зверинской улице, в квартире Николая Семеновича Тихонова. У Суворова был необычный выговор. Когда он читал стихи, создавалось впечатление, будто он грызет кедровые орехи. Николай Семенович всегда смотрел на Суворова восхищенно, видимо, угадывая в нем и талант и характер. Георгий писал много. Писал, но не печатал. Он записывал свои стихи в самодельные тетради карандашом на случайных привалах. Почти каждое стихотворение он посвящал от щедрой души кому-нибудь из своих боевых товарищей, а в друзьях у него была вся гвардейская дивизия.

Ему предлагали пойти работать в газету. Он отказался. Он хотел быть в строю, драться оружием.

Он был влюблен в Ленинград и в музыку. Шел сорок четвертый год. Началось ленинградское наступление. Были освобождены Петергоф и Гатчина. Немцы откатывались к Кингисеппу. На день заскочил в Ленинград по какой-то надобности Георгий Суворов, радостно возбужденный победой и наступлением. Он зашел за мной, и мы, прихватив нашу полковую бабушку, по его предложению пошли в филармонию на концерт Марии Вениаминовны Юдиной, высокой худой женщины, в старинном черно-белом одеянии похожей на пингвина. Играла она божественно.

— Хочешь, — сказал Георгий, — это я тебе подарю? — И протянул мне сложенный вчетверо лист бумаги.

В этот же вечер он отправился в свой взвод противотанковых ружей под Нарву. На следующий день я получил извещение о его гибели. В полевой сумке, которую мне передали товарищи Суворова, я нашел две тетради со стихами. Четыре раза выходила книга стихов Суворова «Слово солдата», которой он так и не увидел, а стихотворение, которое он мне подарил в последний вечер, мне хочется привести здесь полностью.

Еще утрами черный дым клубится
Над развороченным твоим жильем,
И падает обугленная птица,
Настигнутая бешеным огнем.
Еще ночами белыми нам снятся,
Как вестники потерянной любви,
Живые горы голубых акаций
И в них восторженные соловьи.
Еще война. Но мы упрямо верим,
Что будет день, мы выпьем боль до дна,
Широкий мир нам вновь раскроет двери,
С рассветом новым встанет тишина.
Последний враг. Последний меткий выстрел.
И первый проблеск утра, как стекло.
Мой милый друг, а все-таки как быстро,
Как быстро наше время протекло.
В воспоминаньях мы тужить не будем —
Зачем туманить грустью ясность дней?
Свой добрый век мы прожили, как люди,
И для людей.

Война кончилась. Швейная артель вернулась в Ленинград. Глафира Алексеевна разыскала ее и сдала всю свою блокадную продукцию. Ее распашонки брали нарасхват, потому что у победителей рождались дети. Я зашел за полковой бабушкой в день, когда Ленинградская гвардия возвращалась в свой родной город из-под Кенигсберга. Стояла солнечная, как на заказ, погода. Навстречу героям вышли праздничные и задумчивые ленинградцы с цветами и с ребятишками на руках. Гвардия шла по Невскому на Дворцовую площадь. Мы с бабушкой остановились на углу Фонтанки и Невского.

Впереди шел, устало опираясь на палку, герой Ленинградского фронта, генерал-лейтенант Симоняк. Он заметил бабушку и отдал ей честь. Он тоже бывал ее гостем в квартире на Чайковской.

Когда-то я служил в этой части и знал в лицо каждого солдата и командира. Бабушка тоже многих знала. И мы вглядывались в лица солдат и командиров. Они были похожи на наших старых друзей, на тех, с которыми я когда-то служил. И все-таки это были другие. Тех, наших, не было, или они мелькали очень редко. А возвращавшиеся искали среди встречающих родные сердцу лица — и тоже не находили их.

Многих взяла Победа и навечно зачислила в свои списки.

Их нельзя демобилизовать.

Они на вечной службе у Победы.

У Победы есть память святая и торжественная. Перед этой памятью всем должно стоять по команде смирно и обнажать головы.

...Вскоре после Победы умерла Глафира Алексеевна. Меня не было в Ленинграде в это время и я не простился с ней. Я и не хочу с ней прощаться. Для меня она жива, как мать всего живого и справедливого.

В пятнадцатую годовщину Победы на Пискаревском кладбище открыли памятник героям-воинам Ленинградского фронта и ленинградцам, погибшим в героические дни блокады. Высоко на гранитном пьедестале возвышается над братскими могилами бронзовая фигура печальной и строгой женщины, олицетворяющей собою Мать-Родину. Иногда она мне кажется похожей на Глафиру Алексеевну. Впрочем, это мое частное дело.

В день Победы сюда стекается много народа. Трубы захлебываются печальной музыкой, и на гранитных постаментах медленно увядают живые цветы. Приходят сюда в эти дни и пожилой, чем-то похожий на старого Гоголя архитектор Левинсон и поэт блокадного Ленинграда Ольга Берггольц. Не придет сюда только скульптор Вера Исаева, изваявшая бронзовую женщину.

Я люблю приходить сюда под вечер, когда музыка замолкает, а народ разойдется. Я прихожу сюда один и кладу около вечного огня скромную лилово-фиолетовую ветку иван-чая. Я почему-то очень люблю эти неприхотливые цветы, растущие на развалинах и пепелищах.

Я стою в задумчивости долго и смотрю, как парень и девушка целуются, присев за цветущей сиренью на гранитную стенку могилы. Я впервые поцеловался тоже на кладбище, но это не имеет к рассказанному никакого отношения. Они молоды, очень молоды, эти двое. Они могли быть моими детьми. У меня нет своих детей, поэтому я, наверно, и смотрю на них.

Но у меня есть знакомый Вовка. Он живет в Пушкинских горах, куда я иногда заезжаю порыбачить и поработать. Мать Вовки работает кассиром в магазине, а отец был летчиком-испытателем, и Вовке сказали, что он улетел в небо. Вовка собирается быть летчиком, чтобы вернуть отца. Может быть, это ему и удастся.

У нас с Вовкой доверительно мужские отношения. Как-то я его спросил:

— Почему ты вчера капризничал и не ложился спать?

Вовка со всей своей пятилетней серьезностью ответил:

— Я не буду спать, там фашисты.

Оказывается, ему приснился сон. Будто бы он попал в плен к фашистам, и они повели его расстреливать.

— Но я хитрый, — говорит Вовка, — как только они нацелились, я проснулся и убежал, и они там меня во сне ищут, как я засну, так и найдут.

И мне от этого признания стало горько. А когда мне бывает горько, у меня начинает болеть зуб. По правде говоря, не зуб, у меня их осталось после блокадной цинги меньше половины, а начинает болеть то место, где был зуб. Боль бывает очень острой и от зуба переходит куда-то глубоко, глубоко в сердце, и мне начинает вспоминаться очень многое...

Автолитографии художника А. Пахомова из серии „Ленинград в блокаде".

„Мать-Родина" — скульптура В. Исаевой. Фрагмент памятника защитникам Ленинграда.

Если тебя что-то волнует,
если ты хочешь поспорить
или не находишь ответа на вопрос —
пиши нам.
Клуб открыт для всех,
кроме равнодушных.

ВАШ БИЛЕТ?!

Дорогая редакция! У нас был сбор про коммунизм. Мне сказали, что меня в коммунизм не пустят, потому что у меня двойки и дисциплина хромает. Кого же тогда пустят? Только отличников, что ли?

Коля Сивков, г. Свердловск.

Может быть, и в самом деле, коммунизм — это поезд, в который одних пустят, а других оставят на перроне?

Может быть, и в самом деле в один прекрасный день начнут раздавать билеты на вход в коммунизм, и когда очередь дойдет до Сивкова, ему скажут:

— А тебя в списке нет...

Может, от человека только всего и надо, что быть отличником?

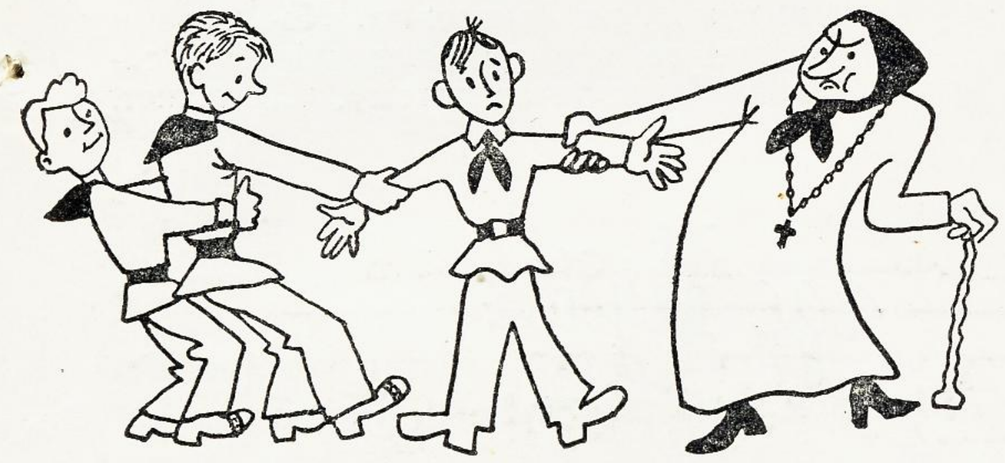
А вы как думаете, ребята? Напишите нам в клуб.

Пусть пишут все — и отличники и троечники. Даже двоечники, если хотят. Всех интересно послушать.

У нас в классе есть брат и сестра — Сибиряк Саша и Сибиряк Тина. Они веруют в бога. Мы просто не знаем, что с ними делать. Класс идет в кино — их нет. Идем кататься, а они не идут. Спросишь — отвечают: «Это грех». За всю жизнь они ни разу не ходили в кино, не читали книг. Однажды наши дружинники пошли к их родителям. А родители говорят, что их дети пионеры, а остальное их не касается. Какие же они пионеры, когда они не знают, кто такой Владимир Ильич Ленин?! На сборе многие предлагали, чтоб их исключить из рядов пионеров, а я предлагаю, чтоб все взялись и помогли им.

Борис С., г. Самарканд

А ВОТ ЧТО НАМ ПИШУТ ПИОНЕРЫ СЕЛА РУДНИКИ ЛЬВОВСКОЙ ОБЛАСТИ



В журнале «Костер» № 9 1961 года пионеры многих школ Советского Союза познакомились с учеником Рудницкой средней школы Степой Пясецким в рассказе «Степа говорит: Ни». Он не состоит в нашей пионерской дружине имени Павлика Морозова потому, что его родители сектанты и не разрешают. С сентября месяца Степа получил около 100 писем, много фотографий, книгу «Овод». Пишут Степе пионеры, комсомольцы, ученики. Письма помогли Степе — он начал на уроках пения петь наши прекрасные советские песни. Однако отвечать на все письма Степа пока не решается. Поэтому я, председатель пионерской дружины Аня Сподарик, прошу редакцию журнала «Костер» передать благодарность всем, всем (перечислить все фамилии и адреса даже невозможно), кто пишет Степе Пясецкому и тем самым помогает нам в работе с ним и его родителями.

Он говорит, что на земле есть русалки

Дорогая редакция! Я опишу вам все подробно. Случилось это так. Один мальчик из нашего класса сказал мне, что на земле есть русалки. Я пришел в класс и сказал: «Ребята! Он говорит, что на земле есть русалки». Некоторые ребята стали говорить, что есть. Один сказал: «Моя мама в лесу русалку видела». Другой сказал: «А моя тетя в озере видела русалку». Я им говорю: «А вы сами-то русалок видели?» «Нет». «Так чего же вы говорите?»

Я им доказывал, доказывал, говорил, говорил, но им как стене говорить, что она грязная. Когда я пришел из школы, я взял лист бумаги и написал вам это письмо.

Сережа Акилов
Мурманская обл., Тюва-губа

Сереже отвечает писатель, аквалангист-любитель Николай Иванович Сладков

В народных преданиях почти всех стран мира упоминается о женщинах с рыбьими хвостами вместо ног. Эти полурыбы-полулюди живут, якобы, в воде и чарующими голосами заманивают путников в пучину. В разных странах их называют по-разному: русалками, нереидами, наядами. Многие моряки видели их будто бы соб-

К Ю К

ственными глазами. Однажды на корабле прозвучала тревога: человек за бортом! Все увидели, что недалеко от корабля стоят по грудь в воде три человека и отчаянно сигналят руками. Среди них была женщина: она прижимала к груди ребенка. Корабль немедленно развернулся и стал приближаться к ним. И тут вдруг утопающие нырнули, и изумленные моряки увидели, что у людей вместо ног были рыбьи хвосты.

А в одной научной книге, напечатанной в 1726 году, была нарисована русалка и под рисунком написано: «Сия морская дева — существо, напоминающее сирену, была поймана на берегу Борнео. Длина ее около 1,5 метров. Она прожила в бочке, наполненной водой, 4 дня и 7 часов. Время от времени тихо пищала, как мышь. В бочку бросали моллюсков, крабов, рыбу, но она ничего не ела».

И все же русалок и нереид, полулюдей-полурыб на Земле нет. Живут они только в преданиях, сказках и легендах. Только суеверные люди верят в их существование. Нет ни русалок, ни нереид, ни наяд. Но есть сирены — дюгони, ламантины, манаты — удивительные водяные животные. Они-то, скорей всего, и положили начало легендам о морских девах. Посмотрите вот на этот рисунок, сделанный с фотографии. Это пойманные дюгони. Видите, как они похожи на людей. Вот такие-то дюгони и ввели в заблуждение моряков, которые приняли их за людей, потерпевших кораблекрушение. Такого вот

молодого дюгоня выловили моряки и посадили в бочку с водой.

Сейчас спортсмены-аквалангисты подробно обследовали подводный мир озёр и морей. Ученые в батискафе опустились в неизведанные темные глубины океана. И ученые и спортсмены узнали много интересного и открыли много доселе неизвестных морских животных. Но никто и нигде не встречал под водой русалок. Не встречал потому, что их нет.

А у вас — что интересного?

Вы, может быть, будете удивлены, что я живу в городе Лисичанске, а учусь в городе Пролетарске. Я объясню вам все подробно. Пролетарск, Лисичанск и город Верхний — соседние города, и они уже совсем соединились и отделяют их друг от друга разве что названия улиц. Поэтому школа от нашего дома совсем близко.

Леня Изотов
Луганская обл., г. Лисичанск

Прошлым летом мы работали в совхозе. Мы с товарищами расставляли по пшенице противни с патокой. На запах патоки прилетали бабочки, зерновые совки. Они садились в патоку, оттуда больше не могли выбраться и вредить посевам.

С приветом!
Витя и Алеша, а также все пионеры Энбекши.
Оренбургская обл.

Где Куба?
Я в ней живу!

Дорогие кюковцы! В прошлом номере журнала был вопрос: «Где в СССР Куба?» Одну Кубу я знаю, потому что я в ней живу. Расположен наш город вблизи высоких снеговых гор. Недавно в нем открылся сельскохозяйственный техникум, построен новый универмаг, посажен красивый городской парк. У нас много фруктов. Кубинские яблоки известны далеко за пределами Азербайджана, а фруктовые консервы можно встретить во всех уголках Союза. Вот что я могу сказать о нашем городе. Если хотите, напишите мне. Мой адрес: Аз. ССР, г. Куба, с. Алексеевка, Тане Чернышевой. У меня тоже есть вопрос: как объяснить слово Куба?

КЮК ОТВЕЧАЕТ:

Государство Куба названо так по одноименному индийскому городу, который был основан в давние времена на острове, возвышающемся над океаном. Любопытно, что на возвышенности расположен и город, где живет Таня Чернышева. Вероятно, это название возникло от древнего кюринского слова «гюбба», что означает — купол, возвышенность.

ВНИМАНИЕ! ОСТРОВ КУБА, О КОТОРОМ СООБЩИЛА КЮКУ ОКСАНА СИЗОВА (см. «Костер» № 1), ЕЩЕ НЕ НАЙДЕН.
ПОИСКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ.

ОТВЕТЫ БОЦМАНА РУМПЕЛЯ
(Вопросы в «Костре» № 12 1961 года)

1. Яхта вошла в Севастопольскую бухту.
2. Вполне возможно, что рапана отложила свои яйца на корпус судна в каком-нибудь Тихоокеанском порту. Молодь вывелась, когда судно прибыло в Черное море.
3. Нужно увеличить длину троса так, чтобы оба судна одновременно всходили на волну.
4. Остров, висящий в воздухе, это обман зрения, вызванный рефракцией. — изменением оптических свойств атмосферы.
5. Лёва может выполнить задание. Для этой цели надо применить узел, который называется «удавка со шлагом».
6. Стрелка компаса покажет на юг, если компас поместить на одной прямой линии между северным географическим и магнитным полюсами земли.

Четыре драгоценности

о которых рассказывает заслуженный деятель искусств Владимир Михайлович Конашевич

Одна девятилетняя девочка прислала нам в редакцию свой рисунок. Она нарисовала дом, в котором жила летом. Небольшой белый домик с пристройкой, где, вероятно, помещается кухня. За домом сад: нарисованы вершины деревьев. Слева, за заборчиком, колодец. Она нарисовала его совсем маленьким, ведь он далеко. К колодцу ведет дорожка. А справа от дома дерево с обрубленными сучьями. Все это разглядеть не так-то просто, потому что у девочки нет еще уменья, нет навыка. Рисунок вышел невыразительный, не яркий, но он нам понравился. Пусть это самые первые, робкие шаги, но шаги по верному пути. Внимательно и с любовью наблюдать то, что тебя окружает, и стараться передать в рисунке эти свои наблюдения, впечатления — одна из главных задач художника.

Другая девочка, тоже девяти лет, сделала рисунок, который называется «Венера». Венера — это планета, на которую, может быть, скоро отправятся наши космонавты. На рисунке как раз изображен момент прибытия на Венеру ракеты. Ракета стоит на маленьком островке среди воды. Девочка, вероятно, слышала, что на Венере много воды и водяных паров. Из воды поднимается еще один остров, а на нем вулкан, извергающий огонь, дым и лаву, которая течет прямо в море. Из моря торчат гигантские пальмы и кактусы. На Венере все огромное, даже улитка и та больше острова, на котором стоит ракета. Все это девочка придумала, все это фантазия. А фантазия, вымысел, так же нужны художнику, как и внимательный, острый глаз. Вот ты, скажем, прочел сказку, и тебе хочется сделать к ней картинку — то, что называют «иллюстрацией». В сказке много такого, чего нет и никогда не было в действительности. Приходится все это выдумывать, приходится фантазировать. Но последи за собой: за каждой твоей выдумкой будет стоять что-то реальное. Тебе надо изобразить страшного дракона. Ты читаешь в сказке его описание: огромный хвост, лапы с длинными когтями, три головы, два крыла, чешуя... И ты невольно вспомнишь маленькую безобидную ящерицу, которую видел летом. Если ее увеличить до огромных размеров — чем же не дракон! Остается только добавить ей еще две головы да два крыла, наподобие крыльев летучей мыши — и дракон готов!

Все вы знаете, конечно, кто такой Ганс Христиан Андерсен. Все читали его чудесные сказки. Какой он фантазер, какой выдумщик! И вместе с тем мало кто умел так верно и ярко, как он, изображать обыкновенных, не сказочных животных и людей — взрослых и маленьких. Вспомните Кая и Герду из сказки о Снежной королеве, их бабушку, Дюймовочку, мышь, у которой та жила в норке. Какие они все живые и настоящие, хоть и живут в мире фантазии!

Вспомнил я об Андерсене не случайно. С малых лет Ганс Христиан любил стихи. Как-то ему попалось стихотворение знаменитого датского поэта Эленшлегера. Оно ему так понравилось, что он старательно и как только мог красиво переписал его на листе бумаги и поставил под ним свое имя: «Ганс Христиан Андерсен». Потом он останавливал всех знакомых и незнакомых и говорил:

КЮК

— Хотите, я прочту вам стихотворение, которое я написал?

И начинал торжественно его декламировать. Но с первых строк всякий восклицал:

— Так ведь это же стихотворение Эленшлегера!

— Да, — говорил Ганс Христиан, — Эленшлегера, но и мое тоже! Я его очень, очень люблю; посмотрите, как красиво я его переписал! И я выучил его наизусть.

Но все только смеялись над ним. Он очень был огорчен этим и никак не мог понять, почему чужие стихи, хотя бы они и очень нравились, нельзя все-таки считать своими.

Так вот и к нам в редакцию ребята часто присылают картинки, срисованные откуда-нибудь из журнала или книги. Они не указывают, откуда срисовали или перевели, а, как Ганс Христиан чужие стихи, просто подписывают их своими именами. Но чужая картинка, хотя бы и перерисованная старательно, все равно остается чужой. Незачем перерисовывать чужое, как бы это хорошо не было сделано. Ну, была одна картинка, теперь стало две — кому от этого радость и польза? Мы ценим только те рисунки, в которых художник показал свое собственное отношение к миру, сказал что-нибудь новое о событиях, людях, животных — такое, что только он один подметил. Это зрителям интересно, это их радует, да и вам самим полезней и интересней.

В одной китайской сказке я прочел о девочке, которая писала письмо своей маме. Послушайте, как об этом рассказано в сказке: «Она взяла четыре драгоценности (запомните: «драгоценности!»): тушь, тушницу, бумагу, кисть, разложила все это и стала писать».

(Китайская тушь — это палочка черной краски, а тушница — каменная дощечка в виде лоточка. На нее наливают чуть чуть воды и растирают тушь, пока вода не станет черной. Тогда обмакивают в нее кисть и пишут или рисуют.)

По вашим рисункам, ребята, видно, что относитесь вы к своему делу далеко не так любовно, как девочка из китайской сказки. Вы рисуете на клочках бумаги, неровно обрезанных или оборванных. А часто даже на страничках, вырванных из тетради для арифметики! Так что ваши рисунки надо рассматривать через сетку мелких клеточек. Это неуважение к своему собственному труду.

Бумага, кисти, краски, карандаши — ведь это ваши «драгоценности». Они драгоценны не потому, что дорого стоят — они вовсе не дороги. Их надо беречь, как драгоценности, чтобы они были вам верными товарищами в работе. Бумага должна быть подходящей для рисования, чистой, ровной, а не смятой. Кисть после работы надо хорошенько прополоскать в чистой воде, вытереть тряпочкой, уложить в пенал или поставить вверх волосом в какой-нибудь стаканчик на вашем столе. А некоторые порисуют и бросят кисть куда попало, среди книжек и тетрадок; она там разлохматится, станет негодной для работы.

Я надеюсь, что ребята, которые прочтут то, что я здесь написал, станут относиться к рисованию так, как китайская девочка, что писала своей маме. И я увижу это по тем рисункам, которые вы нам пришлете в следующий раз.

На вклейке: рисунки юных художников изостудии Ленинградского Дворца пионеров

КАВГОЛОВСКИЙ ТРАМПЛИН

Юра Макаренко 7-й класс

ПРОГУЛКА

Митя Абрамов 6-й кла́сс

Гальяны

р. Кама

Ярмаска

Симониха

Сарапул

Баржа смерти

Е. Фрейберг

Восемнадцатый год... На широком плесе Камы стоят на якорях красные миноносцы «Прыткий», «Ретивый» и «Прочный». Они пришли с Балтики по распоряжению Владимира Ильича Ленина.

Раннее утро, темно. На «Прочном» пронзительно засвистели дудки, закричали вахтенные:

— А ну, живо в кубрик! Давай все! Шевелись, братва!

В кубрике за длинным столом сидели командующий Волжско-Камской флотилией и комиссар флотилии Колбин. Вокруг толпились моряки со всех трех миноносцев.

Когда все собрались, поднялся комиссар.

— Товарищи военные моряки! Вы знаете, что в Сарапуле брошено в тюрьмы около семисот наших товарищей. Две недели назад мы сильно потеснили беляков. Враги посадили заключенных в старую баржу. В случае бегства из Сарапула они не задумаются пустить баржу на дно вместе с людьми. Наших товарищей истязают, морят голодом. Мы не можем этого терпеть. Решено сделать попытку освободить заключенных.

Комиссар обвел глазами моряков. Они стояли молчаливой плотной стеной.

— Баржа стоит у Гольян, — продолжал комиссар, — и мы пойдем в Гольяны. Пойдем под видом белых. От вас, товарищи моряки, потребуется железная выдержка. В оптические прицелы вы увидите лютых врагов, но стрелять не будете. Один выстрел — и операция сорвана, а наши товарищи останутся в плену. Помните это. А теперь — по местам. Счастливого плавания!

Медленно проплывают пустынные берега. Даже в деревнях не видно людей. Миноносцы все дальше углубляются во вражеский тыл. Развеваются андреевские флаги, командиры в золотых погонах внимательно всматриваются в берег, стараясь запомнить фарватер на всех поворотах реки.

Повстречался белогвардейский катер, подошел вплотную к миноносцам, но ничего не заподозрил и повернул назад — предупредить береговые батареи, что идут свои.

— Слева по носу большое село! — доложил сигнальщик. — Наверное, Гольяны.

— По времени похоже, — подумал вслух командующий флотилией. — А вон и баржа. Внимание, товарищи!

Миноносцы медленно входили на широкий плес. На левом берегу реки, против села, горят костры, дымят походные кухни, толпятся солдаты. У каменного дома — пушка. Она настороженно разглядывает миноносцы черным зрачком дула.

На якоре посредине реки — громадная баржа. На палубе тоже солдаты. Возле пристани дымит буксирный пароход.

Командующий подносит к губам рупор.

— На буксире! — властно раскатывается его голос. — Я флаг-офицер адмирала Старка князь Маврокордато. Пришел за баржей с арестованными. Красные бандиты должны быть доставлены в ставку его высокопревосходительства адмирала Колчака. Приказываю взять на буксир баржу с арестованными и следовать за мной в реку Белую. Выполняйте немедленно!

Миноносцы, чуть работая машинами, разворачиваются по течению. Рискованный маневр. Если пушка откроет огонь, и если она не одна, — всем конец.

Командующий флотилией облегченно вздыхает. Корабли повернули и выровнялись в линию. Моряки словно застыли на своих боевых постах. Лица суровы, спокойны, как будто и нет вокруг белогвардейцев.

И вдруг на мостках, идущих к пристани, появляется группа офицеров. В утренних лучах сверкают погоны. Один офицер, размахивая какой-то бумагой, бежит к берегу.

— Ну, дорогой, — не поворачивая головы, говорит командующий флагманскому артиллеристу, — приготовься открыть огонь. Похоже,

додумались беляки, потребуют письменное распоряжение нашего адмирала. Погибать будем весело, беляков тут — до черта.

— Стойте! — кричит офицер. — Полковник просит передать пакет адмиралу Колчаку! Срочное донесение!

Миноносцы останавливаются. К берегу идет шлюпка. За ней с тревогой следят сотни глаз. Чем это кончится? Ловушка или не ловушка?

Моряк выпрыгивает на берег. Обменивается приветствием с белым офицером. Белогвардеец передает пакет, моряк расписывается в получении. Идет к шлюпке. Шлюпка отваливает от берега, подходит к миноносцу.

— Поднять «буки»! — гремит команда. Белый треугольный флаг с красным яблоком в середине — сигнал увеличить ход — взвивается на рее «Прочного». Миноносцы рвутся вперед, вода яростно бурлит у них под кормами.

И опять плывут берега. Лента реки разматывается в обратном порядке.

— Прямо по носу «Волгарь»! — докладывает сигнальщик.

Стройный, внушительных размеров «Волгарь-доброволец» сближается с миноносцами. Опасность позади! Дальнобойные морские орудия «Волгаря» могут надежно прикрыть отход.

И снова командующий берет рупор.

— Приказываю подойти к барже и разоружить белый караул! Срочно откройте трюм!

Через четверть часа белогвардейцы на барже разоружены, а военные моряки поднимают доски, прикрывающие трюм.

В трюме темно, тихо. Оттуда пахнуло душным, спертым воздухом. Живы ли заключенные? Почему молчат?

И вдруг радостный возглас:

— Товарищи! Да ведь это наши! Свои!

Целая буря криков, беспорядочных восклицаний, стонов раненых, восторга, рыданий. И поверх всего:

— Да здравствует советская власть!

Тысячи людей встречали баржу.

Подвиг моряков Волжско-Камской флотилии был отмечен обелиском. Его поставили на берегу Камы, в Сарапуле, в 1928 году. Тогда исполнилось десять лет освобождения борцов за советскую власть, запертых в барже смерти. Их было четыреста тридцать два.

Звёздочка

Вячеслав Кузнецов

Я шинель суконную
под замок закрыл.
Звездочку
с фуражки
дочке подарил.
...Жил я так, что вроде бы
с неба звезд не брал.
Подарил мне звездочку
добрый генерал.
Подарил мне строгую,
в пять земных лучей, —
словно бы
от счастья
пять литых ключей.
Подарил, чтоб сделал я
много добрых дел,
чтобы с этой звездочкой
к звездам полетел.

Я пошел по свету,
распахнув глаза;
я четыре ветра
взял себе в друзья.
Пятым другом был мне
купол голубой.
Я звезду суровую
звал моей судьбой.
Я прошел сквозь вьюгу,
грелся у костров.
И была мне звездочка
выше всех даров.
...Маленькая дочка,
синий огонек,
я ее,
высокую,
для тебя сберег.

ВОСЬМОЙ — ГАГАРИН

На большом заводе «Львовсельмаш» собралась маленькая бригада.

— Юрий Алексеевич Гагарин — бывший литейщик. Зачислим его, ребята, к нам! — предложил Богдан Ковальский.

— Правильно, — поддержал Игорь Мандзей. — нас семеро, а работать будем за восьмерых.

— И не просто работать, а по-ударному. Как он за нас — в космосе, — добавил Степан Мончак.

На следующий день все рабочие литейного цеха читали обязательство бригады Михаила Марина:

«...Мы, формовщики завода, в ознаменование подвига первого в мире космонавта обещаем работать так, чтобы перевыполнять нормы не только за себя, но и за восьмого члена нашей бригады Юрия Гагарина».

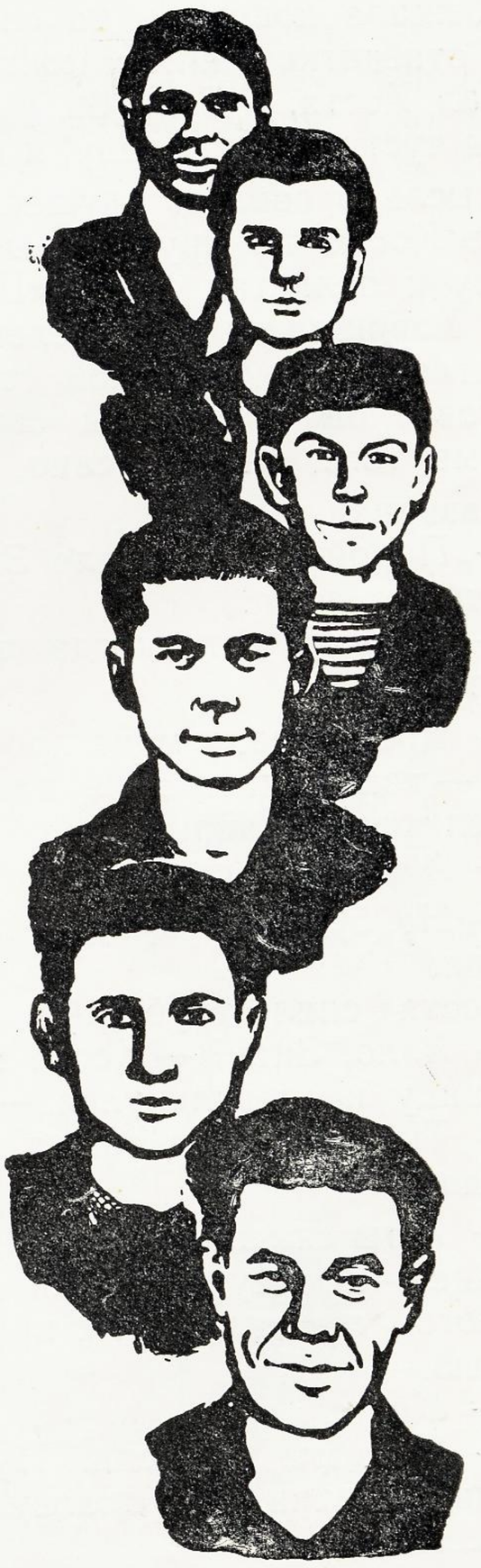
Это было 12 апреля 1961 года.

За обещанием последовали дела: рационализаторские предложения, борьба с браком, с простоями конвейера.

К XXII съезду партии бригада Марина стала бригадой коммунистического труда.

Вот они на рисунке: Марин, Ковальский, Мончак, Дульский, Кулиняк, Митрофанов. Мандзея зарисовать не удалось — он был в отпуске. Но его товарищи не снижали выработки, трудились теперь уже вшестером — за восьмерых.

— Маринцы-гагаринцы! — говорят о них на заводе.



Наташа Левицкая, юнкор «Костра»

Рисунки — по фотоснимкам юнкора «Костра» Коли Мусаеляна г. Львов

БОРЬКА, Я И НЕВИДИМКА

Юрий Томин

Рисунки В. Бескаравайного

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Костя стоял у окна и смотрел вниз на штабеля дров, засыпанные снегом. Сверху двор выглядел как город: дома — поленницы и между ними — улицы, покрытые только что выпавшим чистым снегом. По одной из улиц пробежала кошка, и на снегу виднелись четкие отпечатки лап. «Можно выследить, — подумал Костя. — Если бы у меня была собака, я бы пустил ее по следу, и они бы подрались».

Мысль о собаке, идущей по следу, натолкнула Костю на другую мысль. Он подошел к столу и полистал книгу «Щупальцы осьминога». Хорошая книга, в зеленой обложке, очень толстая. Если бы такой стукнуть по затылку Дутова, он и сам бы свалился под парту. Кроме того, там описано, как один шпион...

Зазвонил телефон.

— Подойди, — сказала Зинаида, — если меня, то нет дома.

— Почему нет, когда ты дома? — сказал Костя.

— Костенька, у меня просто послезавтра зачет, — взмолилась Зинаида.

Телефон все звонил.

— А будешь на меня маме жаловаться?

— Не буду, не буду, — нервно сказала Зинаида.

Костя снял трубку:

— Алло! Зину? — Костя искоса взглянул на Зинаиду и ухмыльнулся. — Сейчас посмотрю.

— Ты что, с ума сошел? — прошептала Зинаида.

— А ты сначала объясни, почему ты врешь? А еще — почему я должен врать из-за тебя? — шепотом ответил Костя, прикрывая трубку ладонью.

— Костя!

— Нет, ты объясни. Ну чего ж ты молчишь? Смотри, а то позову. Сама всегда говоришь: Костя да Костя... Врать нечестно!.. А сама — честно?

— Господи! Ну ладно, нечестно! — простонала Зинаида, прикрывая рукою рот.

— Сознаешься?

— Сознаюсь.

— Так и запомним, — прошептал Костя. — Алло! Вы слушаете? Зины нет дома.

Едва сияющий Костя повесил трубку, Зинаида бросилась к нему. Костя хохоча нырнул под стол и вылез с другой стороны. Зинаида обежала кругом, а Костя — снова под стол.

— Чертежи опрокинешь! — крикнула Зинаида.

— А ты не ври! — отозвался из-под стола Костя. — Вам можно, а мне нет, да?

— Ты со мной не сравнивайся, тебе еще до меня учиться и учиться.

— У тебя научишься, — ответил Костя.

Спорить с Костей было бесполезно. Зинаида знала — у него всегда в запасе тысяча слов, только папа мог его унять. Но папа далеко, он на льдине. Зинаида вздохнула:

— Вылезай, не трону.

— Дай слово!

— Даю.

— Дай честное комсомольское.

— Честное комсомольское. Пластырь! Липучка! Зануда!

— Студентка — лаборантка — врунья, — немедленно отозвался Костя, вылезая из-под стола.

Нет, соревноваться с Костей было бесполезно. Зинаида снова вздохнула и взялась за чертеж. Костя уселся на диван и принялся вспоминать, о чем он только что думал. Это было что-то очень важное. Следы на снегу... Собака... «Щупальцы осьминога»... Вспомнил.

Костя побежал к телефону и набрал номер. После короткого разговора он схватил пальто и устремился к двери.

Продолжение. См. «Костер» № 1, 1962 г.

— Куда? — крикнула Зинаида. — Поешь сначала.

Но Костины каблуки грохотали уже где-то на третьем этаже.

На втором этаже Костя позвонил. Дверь открыл Борис.

— Здоро́во! — сказал Костя.

— Тихо ты, — прошептал Борис.

— Чего тихо?

— Указатель велел не шуметь. Он пишет чего-то.

«Указатель» — подполковник в отставке и Борькин сосед — был очень строг. Он состоял в домовой комиссии. Он наблюдал за порядком и ругался с дворниками. В остальное время он писал стихи для детей. Эти стихи не печатали. Их возвращали «Указателю» в конвертах со штампами: «Комсомольская правда», «Мурзилка», «Пионерская правда», «Костер», «Пионер», и за это «Указателя» в доме уважали и побаивались.

— Подумаешь, «Указатель», — сказал Костя. — Идем во двор.

— Некогда.

— Всегда тебе некогда!

— Я приемник собираю, — сказал Борис.

— Всегда ты приемник собираешь. Не видал я твоих приемников! Какой приемник? Покажи.

Борис повел Костю в комнату. На столе, покрытом газетой, лежали какие-то детальки, проволочки, кусочки олова. Рядом на проволочных козлах дымился электропаяльник.

— А где приемник? — спросил Костя.

Борис засмеялся.

— На столе.

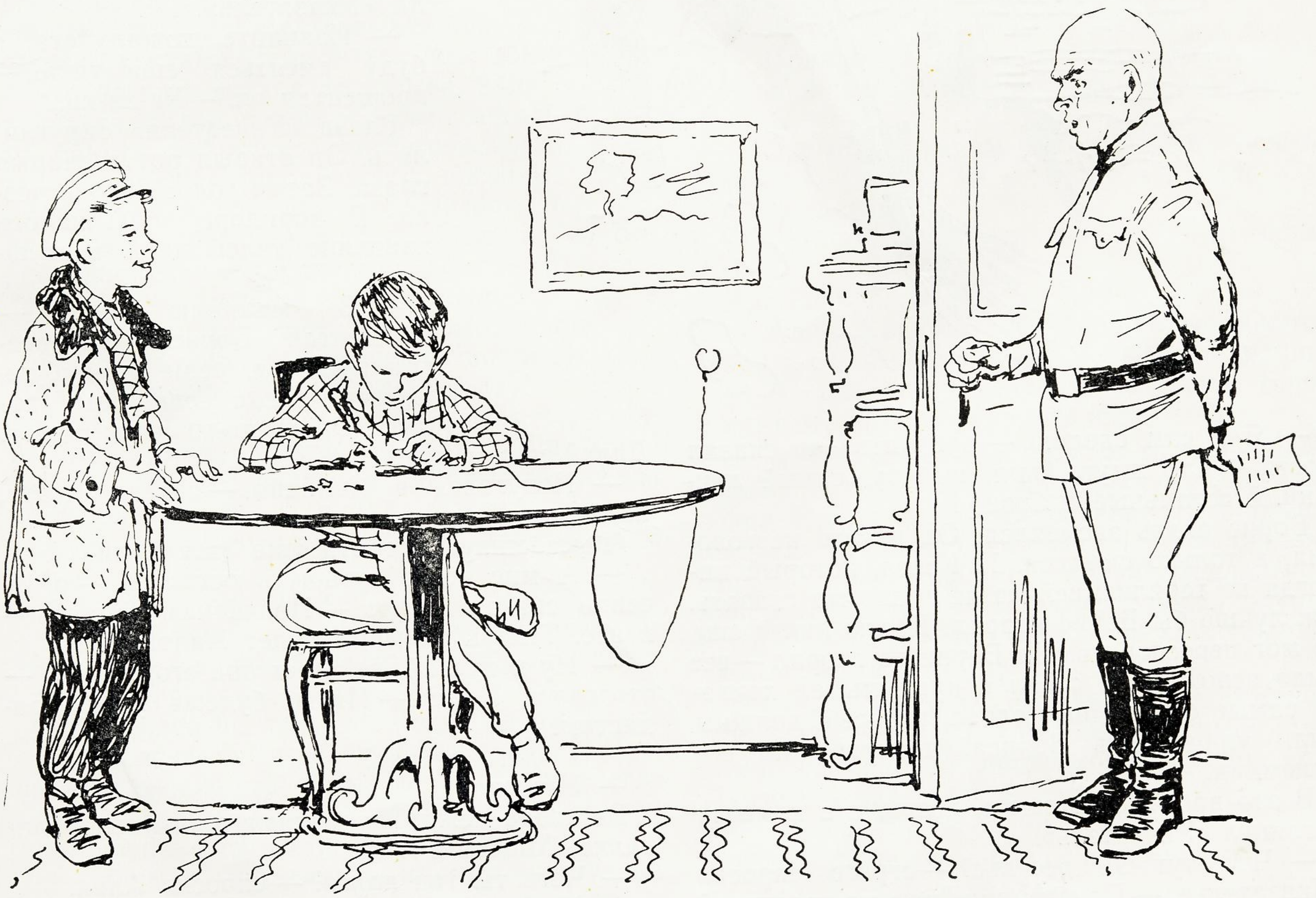
Костя еще раз внимательно оглядел стол, но не увидел ничего похожего на приемник.

— Да вот же! — Борис показал на маленькую дощечку, на которой были прикреплены белые и красные проволоки и какие-то маленькие детальки.

— А-а, — протянул Костя. — А я думал, что это телевизор. «Знамя»! Или «Рубин».

— Честное слово, приемник, — сказал Борис. — Он на полупроводниках, потому и маленький. Его можно в карман засунуть и слушать.

— Врешь, — вяло сказал Костя. Он понимал, что Борис не врет, он слышал уже о таких приемниках, они действительно помещаются в кармане. Можно на уроке слушать транс-



ляцию со стадиона или, если зададут на дом стихотворение, а его передают по радио... слушай и повторяй за артистом. Костя давно мечтал о таком приемнике. А Борис вот взял и сделал. Костя даже чуть-чуть обиделся:

— Хочешь, я потом тебе сделаю? — предложил Борис.

— Я и сам сделаю, — презрительно сказал Костя. — Сто штук. Один выберу, самый лучший. А остальные выброшу!

Борис опять засмеялся. Он ничего не говорил, а только смеялся. И Костя, который никогда не терялся, сейчас не знал, что сказать. Уж лучше бы Борис спорил. Костю никто еще не мог переспорить. Но Борис не спорил — все было ясно. Костя стоял и придумывал какие-то самые остроумные слова, которые должны были уничтожить Бориса, несмотря на его приемник.

В это время отворилась дверь, и в комнату заглянул «Указатель».

— Что тут за веселье? — строго спросил «Указатель». — Почему шум на всю квартиру?

Ох, и не во время появился «Указатель». На свою голову открыл он дверь в Борькину комнату. У Кости даже мурашки по спине пробежали от удовольствия. Он знал свои права.

— А разве нельзя смеяться? — вежливо спросил Костя.

Борис подозрительно взглянул на Костю. Он не доверял Костиной вежливости, а с «Указателем» лучше не связываться.

— В общем так, — сказал «Указатель», — прекратить смех. Вы мешаете мне работать.

Костя думал недолго. Он очень не любил «Указателя».

— Ха-ха-ха, — четко произнес Костя, глядя прямо в глаза «Указателю». — Это я смеюсь, — пояснил он. — Очень тихо. Так можно?

Лицо «Указателя» налилось свекольным цветом.

— Как твоя фамилия? — грозно спросил «Указатель».

Костя зачем-то обошел вокруг стола и снова уставился на «Указателя».

— Извините, пожалуйста, я буду смеяться еще тише, — прошептал он. — Ха-ха-ха...

Глаза «Указателя» округлились. Он открыл рот и закрыл глаза. Затем голова его исчезла. В коридоре послышалось хрипение телефонной вертушки.

— В милицию звонит, — прошептал Борис. — Он всегда ругается, если кто-нибудь шумит. Даже если мимо ходят... Он какие-то стихи пишет. Давай уйдем лучше.

— Испугался я милиции, — сказал Костя, подвигаясь к двери.

Через минуту ребята уже стояли внизу.

— А мне всего чуть-чуть осталось, — огорченно сказал Борис. — Полчасика попаять — и все. Теперь он маме будет жаловаться.

— Ну и пускай, не знает она его, что ли, — отозвался Костя. — Идем, будешь у нас радистом.

— У кого у вас?

— Узнаешь.

Во дворе между штабелями дров уныло слонялись Мишка и Алик.

— Чего ты так долго? — спросил Алик.

— Меня в милицию чуть не забрали, — от-

ветил Костя. — Давайте скорее! Кто будет лейтенантом?

— Я! — крикнул Мишка.

— Ты уже был в прошлый раз, — возразил Алик. — Костя, пусть он лучше будет майором.

— Правда, Мишка, — сказал Костя. — Давай майором. Все равно лейтенанта в середине ранят. А майор все-таки главный.

Мишка для виду поупирался немного, но согласился на майора.

Борька знал азбуку Морзе, и поэтому само собой выходило, что его нужно назначить резидентом вражеской разведки. Он должен был передавать по радио всякие сведения и вербовать новых агентов.

Надо сказать, что Борька пока ничего не понимал. Он не знал, кого вербовать и куда передавать. Борька был мало образованным человеком — он не читал книжек про шпионов.

Славные книжечки в зеленых и голубых обложках! Их читают до и после уроков. Иногда — во время уроков. А чаще всего — вместо уроков. А Борька читал рассказы Аркадия Гайдара и Джека Лондона. «Тома Сойера» он прочел восемь раз. Ничего не поделаешь — такой уж чудак Борис Таланов! Он даже не знал толком, как закапывать парашюты, каким способом при случае можно отравить знакомого, как пользоваться для шифровки донесений стихами Лермонтова, как обезвредить бомбу за пять секунд до взрыва, куда должен целиться шпион, чтобы не убить, а только легко ранить лейтенанта госбезопасности (лейтенант должен продолжать погоню), как... Впрочем, нам следует остановиться, перечислять можно без конца. А у Кости и без Бориса достаточно трудностей. Попробуйте сделать, чтобы все было по-настоящему, как в книге, если у вас всего трое помощников.

Где взять молодую красивую шпионку? (Эх, Лина Львовна! Вот ее бы сюда).

Откуда на дровяном дворе возьмется колхозный сторож Карим Умаров? (Он же — Вернер фон Штраух, он же — мистер Глэн Поуз, он же — сэр Арчибалл Дуглас).

А инженер, который должен влюбиться в шпионку?..

А бандит-уголовник?...

А запутавшийся шофер, который развозит агентов на машине директора одного из крупных заводов?

Нет, людей не хватало. Костя понимал, что у них получается не совсем как в книге. Пропадали лучшие страницы. Поэтому, как всегда перед началом, Костя был озабочен. На вопрос Бориса-резидента он ответил:

— Ничего тебе делать не нужно. Будешь говорить: «Помните, у нас длинные руки» — раз. «Он слишком много знал» — два. Понял? Еще будешь стучать на ключе — какие-нибудь цифры. Шифр. Понял?

— Понял, — согласился Борис. — Только неинтересно.

— Поинтереснее, чем твои проволочки.

Костя залез на поленницу. Там он постоял немного и спрыгнул вниз. На снегу отпечатались следы его галош. Теперь это были уже следы вражеского агента.

Борис и Алик (пограничники) бросились к Косте. Они навалились на него, выворачивая руки.

— Пустите! С ума сошли! — зашипел Костя. — Нельзя сразу. Я же еще только на границе.

«Пограничники» расступились. Костя сердито посмотрел на них и вдруг, что-то вспомнив, бросился к ближайшей парадной. Скоро он вернулся с большой метлой.

— Отвернитесь.

«Пограничники» послушно отвернулись. Костя бесшумно прошел между ними, заметая следы метлой, и скрылся за одной из поленниц. Мишка и Алик посмотрели ему вслед. Можно было начинать.

— Следы, — сказал Мишка.

— Следы, — согласился Алик.

— Интересно, чьи же это следы?

— Правда, интересно, — подтвердил Алик.

Мишка встал на четвереньки и понюхал снег.

— Посыпано каким-то порошком, — сказал Мишка. — Собака не может взять след. Звоните на заставу.

— Есть звонить на заставу! — отозвался Алик.

Алик приложил кулак к уху:

— Алло! Квадрат 47. Какой-то неизвестный человек с неизвестной целью перешел границу.

— А мне чего делать? — спросил Борис, у которого начали мерзнуть ноги.

— А ты молчи, ты уже в тылу, — сказал Мишка и тоже приложил руку к уху. — Вас понял. Продолжайте наблюдение. Докладываю генералу. — Мишка крутнул воображаемый диск. — Алло! Товарищ генерал! Докладывает майор Летицкий. — Внезапно Мишка опустил руку и заорал: — Костя! Костя! Про генерала забыли, кому звонить?

Из-за поленницы выглянул рассерженный Костя. Он обвел взглядом двор. У самой стены дома, размахивая продуктовой сумкой, шла Люська — дочка дворничихи.

— Люська! Хочешь играть?

Белые Люськины брови полезли вверх. Она подумала, что ослышалась.

— В кого... играть?.. — тихо сказала она.

— С нами, будешь генералом.

— Я не умею... генералом... — прошептала Люська, замирая от счастья.

— Мишка тебе будет звонить, а ты отвечай: «Это задача со многими неизвестными».

— Со многими... неизвестная... — повторила Люська и вдруг вспомнила: — А меня мама за хлебом послала.

— Все равно не успеешь, скоро перерыв.

— Скоро перерыв... — согласилась Люська.

Костя снова скрылся в дровах.

— Алло, товарищ генерал! — повторил Мишка. — Докладывает майор Летицкий...

— Со многими... неизвестная... — отозвалась Люська.

Игра продолжалась. Теперь все шло как по книге. Алик и Мишка носились по двору, разыскивая Костю. Алик все время рвался вперед, а майор Мишка одергивал его. Одновременно майор разговаривал на многих иностранных языках:

— Ит из э лэмп! Гив ми зе эппл! Нина хэз э дог! — орал майор, вспоминая учебник пятого класса.

Несколько раз ребята пробежали мимо сарайчика, из которого торчали Костины ноги. Но сейчас Косте нельзя было мешать, он ставил бомбу замедленного действия. Под ногами путалась счастливая Люська. Она бегала, размахивая продуктовой сумкой, и распевала: «Много неизвестная... много неизвестная...» Только Борис, не зная, что ему делать, тоскливо уминал снег. Он хотел было побежать разыскивать Костю, но ребята не разрешили. Они сказали, что резидент вообще должен сидеть в подполье.

Наконец, Костя свистнул. Алик и Мишка рванулись к сараю, выхватив «пистолеты». Шпион бешено отстреливался.

— Сдавайтесь! — крикнул майор.

— Сдавайся! — взвизгнула Люська.

В ответ из сарайчика вылетело полено. Оно слегка задело по ноге Люську. Люська подумала немного, села на снег и заплакала. А борьба только еще разгоралась.

— К-х-х, к-х-х, — слышалось из сарая.

— Та-та-та-та, — отвечал автомат лейтенанта.

Увлекшийся Костя высунулся из сарая.

— К-х, — сказал майор. — Я тебя убил. Вылезай!

Это было уже не по книге. Шпиона нельзя убивать сразу. Разгневанный Костя открыл было рот, но майор уже осознал свою ошибку.

— Пуля просвистела у тебя около уха! — крикнул Мишка.

Перестрелка продолжалась.

Наконец, майор бросился к двери. Оттуда высунулась рука шпиона. Пистолет был направлен прямо в сердце майора. Но оба — и шпион и майор — смотрели на лейтенанта. Лейтенант, позабыв свои обязанности, продолжал строчить из автомата.

— Алик! — крикнул шпион.

Только тут лейтенант опомнился. Он бросился вперед и грудью заслонил майора.

— К-х-х.

Лейтенант со стоном опустился на снег. Майор прыгнул на шпиона. Они катались по полу сарайчика, и Мишка никак не мог одолеть Костю. Он был слабее. А Костя, ушибив ногу об угол, обиделся и не хотел сдаваться. Костя подмял под себя майора, сел на него верхом и принялся кормить снегом. Мишка извивался и выл так, что даже Люська удивилась и перестала плакать.

— Пусти! Пусти, а то узнаешь, вот дам сейчас! — кричал майор.

Но тут Костя пришел в себя. Он слез с майора и поднял руки. Помятый майор поднялся, отряхивая снег.

— Не буду я играть, — буркнул он.

— Но я же сдаюсь, Мишка! Смотри, я руки поднял. Допрашивай!

— Ит из э лэмп? — неохотно спросил Мишка.

— Нихт, — ответил Костя.

— Гив ми зэ эппл, — строго сказал Мишка.

— Нихт.

— Нина хэз э дог! — крикнул Мишка.

— Нихт, — ответил Костя. — Можете меня расстрелять, — добавил он на чистом русском языке.

Повеселевшая Люська с восторгом слушала этот волшебный разговор. Она ничего не понимала с самого начала, и от этого все казалось ей еще интереснее. Она даже попробовала вставить: «Со многими... неизвестная». Но на нее прикрикнули.

Легко раненный лейтенант тоже принял участие в допросе. Допрашивал он почему-то на французском языке.

— Сэ си бон? — спросил лейтенант.

— Нихт, — ответил Костя.

— А где сэ си бон? — нахмурился лейтенант.

— Нихт. Не скажу, — ответил Костя.

Допрос длился не очень долго — пока хватило иностранных слов. Теперь шпион должен был скрыться. Его следовало упустить — так говорила книга. Алик и Мишка отошли в сторону, и Костя скрылся «в неизвестном направлении». Снова начались поиски. Ребята обшарили сарайчики, заглядывали под доски, залезали под поленницы. Шпиона не было.

Откуда-то из угла двора донесся торжествующий смех и крик Люськи:

— Вот он! Вижу, вижу, спрятался!

Алик и Мишка побежали на крик. Но только лишь затем, чтобы стукнуть Люську по шее. Генерал не должен был принимать участия в операции. Это было не по книге.

Между тем Костя разыскивал резидента. Он должен был передать срочное донесение, а резидент словно сквозь землю провалился.

— Эй, ребята! — крикнул Костя.

— Ага, — отозвались Мишка и Алик.

— А где Борька?

— Не знаем.

Костя объявил перемирие, и все трое принялись искать резидента.

— А он домой ушел, я видела, — объявила вездесущая Люська после десятиминутных поисков.

— Чего ж ты раньше не сказала?

— Я боялась.

— Чего боялась?

— Бить будете, — честно призналась Люська.

Ребята захохотали. Кажется, Люська всерьез вообразила себя человеком. Бить такую пигалицу! Смешно. Можно, конечно, мимоходом шлепнуть по затылку. А бить... найдется кто-нибудь и постарше.

Люська не знала, почему смеются ребята. Но ей было приятно, так приятно, как никогда в жизни. Ведь все-таки ее не гнали, с ней разговаривали.

— Можно, я за него буду? — храбро спросила Люська.

Костя снисходительно усмехнулся:

— Тоже мне резидент. Может, тебя еще президентом?.. Эйзенхауэром можешь?

— Эйзенхауром... могу, — Люська мотнула головой. Она была готова на все.

Ребята снова захохотали. Засмеялась и Люська. Она повизгивала, запрокинув голову, и даже слегка приплясывала. Вдруг Люськино лицо вытянулось. Она застыла, глядя в сторону дома.

— Что же это такое? — закричала дворничиха еще издали. — Суп на стол поставила! За хлебом послала...

Люська с надеждой взглянула на ребят: может, заступятся? Но ребята даже отодвинулись немного в сторону. Люська стояла одна — беспомощная и виноватая.

— Да ты никак и не ходила?! Где ж ты была? — спросила дворничиха, выхватывая из Люськиных рук сумку.

— Я была... перерыв... — прошептала Люська.

— Да перерыв-то час назад кончился. Иди домой сейчас же, уродина!

Дворничиха грозно оглядела ребят:

— Господи, вот она метла-то где! А я ее целый час искала. Вы зачем метлу взяли?

— Мы двор подмести хотели, — льстиво сказал Алик.

Но дворничиха хорошо знала своих жильцов.

— У-у, чучелы.

Метла взметнулась в воздух и опустилась на спину майора. Шпион и лейтенант не стали дожидаться своей очереди. Все трое разбежались в разные стороны. Их легко можно было найти по следам на снегу. Но дворничиха, очевидно, не читала зеленых книг. Она вздохнула и пошла к дому, волоча за собой Люську.

Люська не плакала. Даже дома, получив свою порцию подзатыльников, Люська молча села есть суп без хлеба. Плакать ей не хотелось. Она вспоминала, как была генералом и как чуть было не стала президентом. Это был лучший день в ее жизни...

„ВЫ МЕНЯ ГУБИТЕ!“

К физкультуре можно было не готовиться.

С географией Костя справился. С арифметикой — тоже. И только на литературу не хватило времени: проиграл в шпионы. Конечно, если подумать, то именно задание по литературе нужно было подготовить в первую оче-

редь. Тогда можно было бы спокойно ждать Владимира Ивановича.

С Владимиром Ивановичем шутки плохи. Нет, не так... С ним шутки хороши. Или нет... В общем, дело не в шутках. С Владимиром Ивановичем можно шутить и говорить о чем угодно. И все же он такой... Короче говоря, шутить он умеет не хуже Кости. Даже лучше. И разозлить его невозможно. Никогда не кричит, а все слушаются — даже странно.

Косте, например, самому было удивительно, что он слушается Владимира Ивановича. Как-то все само собой получается — не хочешь даже, а слушаешься. Так было с самого начала.

Владимир Иванович преподавал первый год в их классе. А всего он преподавал третий год.

Когда он пришел на урок в первый раз, ребята разглядывали его с любопытством, даже с усмешкой. Учитель был в узких брюках. Правда, не такие чтоб уж совсем узкие, но узковатые. Мало того: галстук был завязан тонким узлом, ботинки начищены, рубашка — белоснежная. Как будто не на урок явился, а на первомайскую демонстрацию. Но это еще не все. В руках учитель держал не портфель, а папку.

По классу прокатился легкий шепоток. Громче всех, конечно, прозвучало слово Кости:

— Стиляга!

Костя сказал это, ни к кому не обращаясь. Может быть, себе. Может быть, соседу. А может быть...

Впрочем, новый учитель понял, кому это было сказано. Он с любопытством взглянул на Костю. Все видели, что он не обиделся и не рассердился, а просто ему было интересно рассмотреть, что за человек Костя.

И Костя уже приготовил сто слов в свою защиту.

Но учитель ничего не сказал. Он даже улыбнулся. И очень весело. Кажется, ему было смешно и ничего больше.

Костя заерзал на скамейке.

А учитель сел за стол и сказал:

— Меня зовут Владимир Иванович. Сегодня первый урок. О чем бы нам с вами поговорить?

— О стилягах, — пискнул кто-то из угла.

— Давайте о стилягах, — согласился учитель. — Правда, жалко тратить на это время. Но — давайте. Какие же они бывают — стиляги?

Класс молчал. Одно дело — пискнуть, другое — говорить в открытую. Наконец, кто-то осмелился:

— С прической.

— И еще? — сказал учитель.

— С попугайчиками.

— Еще?

— С обезьянками.

— С конскими хвостами на голове.

Учитель терпеливо слушал. Ребята оживились. Урок становился все веселее.

— В пиджаках.

На секунду установилась тишина, а затем класс дружно ринулся в атаку.

— В узких брюках.

— С галстучками.

— В рубашечках.

— В начищенных ботиночках.

— С папками.

— Стоп! — сказал учитель.

Класс замер: сейчас начнется.

— Не любите стиляг?

— Нет! — заревел класс.

Учитель перегнулся через стол и посмотрел вдоль первого ряда. Ребята, не понимая, в чем дело, с удивлением уставились на него.

— А ну-ка, поднимите руки, у кого ботинки начищены.

Ребята переглянулись. Затем класс грохнул каблуками, пряча под парты ноги.

— Неужели ни у кого? — удивился учитель. — Ну ладно. Это неважно. Ноги под партой — их не видно. Можно и не чистить. А у кого галстуки выглажены?

Ребята завертели головами, разглядывая соседей. Половина класса была без галстуков, у остальных на шее болтались грязноватые сосульки.

Алик Летицкий решил постоять за общество:

— А у нас пионерские галстуки, а не стильные!

— А разве пионерские галстуки должны быть грязнее стильных?

Возразить было нечего. Пожалуй, грязнее не должны... Учитель попал в самое больное место. Вернее, они сами попались, что ли? Тут не поймешь. Класс по чистоте прочно сидел на последнем месте. О таких вещах, как воротнички и галстуки, вспоминать не любили. Это же просто глупо вышло, что они сами заговорили о галстуках. Уж лучше придумать что-нибудь другое. Но теперь придумывать было поздно. Нужно искать спасения. Срочно!

— У Даниловой чистый воротничок! — с отчаянием крикнул Алик.

Учитель улыбнулся. Он улыбался не зло и не ехидно, а вполне дружелюбно. Но от этого все получалось еще глупее, и всем было понятно, что одного воротничка на тридцать шесть человек маловато. Наиболее нетерпеливые сорвались с места и забегали по рядам. Костя сдернул с шеи галстук и спрятал его в карман. Он поднял голову и увидел, что учи-

тель смотрит на него. Учитель, конечно, видел. Косте на все было чихать. Но в этот момент чихать ему не хотелось. Стиляги не прячут галстуки, они выставляют их напоказ. Костя был хуже стиляги.

Но учитель ничего не сказал. Он сидел за столом и с любопытством поглядывал на класс, ожидая, чем кончится возня. Ему даже как будто нравилась эта возня.

Наконец, все утихомирилось. На целый класс оказалось пять чистых воротничков, три не очень мятых галстука и пара вычищенных ботинок.

Из них:

один белоснежный воротничок — у Вики Даниловой,

один не очень мятый галстук — у Вики Даниловой.

вычищенные ботинки — у Вики Даниловой.

В тот день Вика прославилась навсегда. Но остальным от этого было не легче.

— Если вы думаете, что стиляги — это те, которые опрятно одеты... Ну что ж, будьте стилягами.

Класс вздохнул, но стерпел.

— Можете даже носить блестящие ботинки и чистые пионерские галстуки.

Класс стерпел и это.

— А так... Оказывается, вам до стиляг еще далеко, — сказал учитель.

Это стерпеть было уже невозможно. Костя взвился над партой.

— Дело не в этом... И не брюки! Вот! И вообще...

— Ну-ну, — подбодрил его учитель.

— Стиляга — он вообще ненормальный! — выпалил Костя. — У него галстук с обезьянами... И он ничего делать не хочет... Вот! Даже если без обезьян...

— Правильно или нет? — учитель взглянул на ребят.

— Правильно! Верно! — заорал класс, мгновенно возненавидевший всех стиляг на свете.

— А если бы сейчас в класс вошел стиляга? — улыбаясь, спросил учитель.

Класс вздохнул. Это было бы сказочно хорошо! Если бы... Его разорвали бы в клочья! Вместе с обезьянами.

— Ну и хорошо, — сказал учитель. — А теперь я вам почитаю.

Читал Владимир Иванович здорово. Как актер. Он умел читать даже стариковским и женским голосом.

Когда прозвенел звонок, никто не шевельнулся, ожидая конца рассказа. И когда Лена Никифорова напомнила учителю, что он ничего не задал на дом, никто не дернул ее за косу. И даже Костя, у которого всегда была в запасе тысяча слов, до конца перемены не мог придумать ничего остроумного. У него было ощущение, что его обманули — как-то очень ловко и совсем не обидно.

К доске Владимир Иванович вызывал редко и только ленивых. Обычно он расхаживал по классу и разговаривал, просто разговаривал. И все время задавал вопросы. Ему отвечали с места. И всегда получалось так, что неверный ответ поправляли сами ребята. А когда разгорался спор, Владимир Иванович садился за стол и слушал. Ему нравилось слушать, как ребята спорят. А в конце урока человек пять или шесть получали отметки. Обычно уроки литературы проходили шумно. Поэтому всегда можно было узнать, кто не подготовился. Они сидели тихо.

Сегодня Костя должен был сидеть тихо. Это получалось даже обидно. Не выучил, например, географии, и сиди себе тихо. Повезет — не спросят, и все в порядке. И здесь не спросят — все равно видно, что не выучил. В общем, чем тише сидишь, тем хуже.

Перед уроком Костя полистал хрестоматию. Он читал, перескакивая со страницы на страницу. В голове у него ничего не осталось. Почему-то запомнилась только одна фраза: «Вы меня губите! — закричал Дубровский». Но зато эту фразу просто невозможно было выбить из головы. Костя помнил даже страницу — 183. И чем больше старался Костя вспомнить что-либо другое, тем назойливее лезла в голову эта фраза. Костя даже видел ее — черным по белому: «Вы меня губите!»... Страница 183.

Когда Владимир Иванович вошел в класс, Костя вскочил и громче всех хлопнул крышкой. Владимир Иванович отметил, кого нет на уроке. Костя громко подсказывал дежурному, хотя его не спрашивали. Вообще Костя начал суетиться с самого начала — он боялся сидеть тихо.

— Ну вот. Мы теперь уже прочли всего «Дубровского», — сказал Владимир Иванович. — Так?

— Так! — согласились ребята.

— Так! — крикнул Костя.

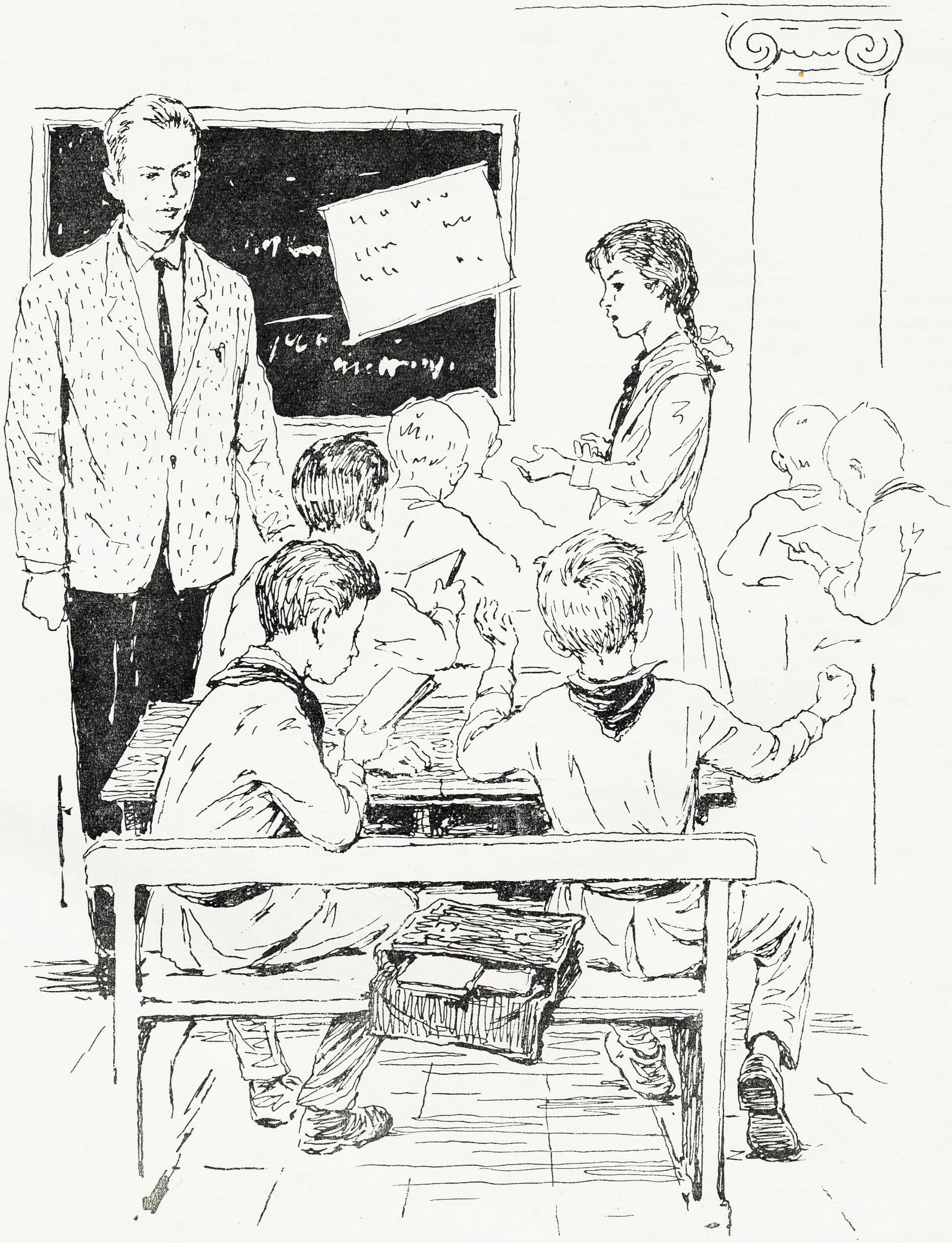
— Давайте поговорим об основных героях. Только, пожалуйста, сами. Кто хочет?

Лена Никифорова подняла руку.

— Я хочу про Дубровского. Он был смелый. И сильный. И никого не боялся... И... и вообще он был хороший.

— Почему ты думаешь, что он был хороший?

— Потому что он был смелый. И еще — он любил Марью Кирилловну... — Лена замолчала.



— Что ты еще знаешь о Дубровском?

— Вообще он мне понравился.

— Мне он тоже нравится, — сказал Владимир Иванович. — Только понимаешь, когда ты говоришь о человеке, что он хороший или плохой, то этого мало. Нужно еще объяснить, почему ты так думаешь. Чтоб и другим было ясно, что он хороший. А то ведь тебе могут просто не поверить.

— Он ненавидел Троекурова, — сказал кто-то.

— За что?

— За то, что Троекуров отнял у них дом.

— Правильно, — сказал Владимир Иванович. — За это, конечно, не полюбишь. Но человека прежде всего узнают по его поступкам. Какие же поступки Дубровского говорят о том, что он смелый, сильный и, как сказала Лена, хороший?

— Он не побоялся и убил медведя, — сказала Лена.

— Верно, Владимир Иванович, он же не побоялся, — вставил Костя.

Владимир Иванович мельком взглянул на Костю. Затем он встал, прошелся по классу. Так он ходил с минуту. Пользуясь передышкой, ребята зашелестели страницами: они выискивали поступки Дубровского.

— Ну вот что, — сказал Владимир Иванович. — Слушайте: в Кистеневку пришли фашисты. Что делает Дубровский?

Шелест страниц прекратился. Все с удивлением смотрели на Владимира Ивановича. Он сел за стол и веселыми глазами оглядел класс.

— Тогда еще фашистов не было, — неуверенно сказал кто-то.

— Не было, — согласился Владимир Иванович. — Но мы на минуту представим, что были.

— Он будет с ними сражаться, — сказала Лена.

— Пожалуй. Почему ты так думаешь?

— Потому, что он не побоялся медведя.

Но тут уже с Леной стали спорить другие ребята. Одно дело медведь, а другое — вооруженные фашисты.

Кто-то сказал, что Дубровский Троекурова не побоялся: выгнал его, а у Троекурова было много слуг. С Троекуровым все боялись связываться, а Дубровский не испугался. Наконец, вспомнили, что сто пятьдесят солдат штурмовали укрепления Дубровского. А он, раненый, был впереди.

— А еще влюбился в Марью Кирилловну, — басом сказал Дутов. — И еще он...

Но Дутову говорить не дали: речь шла о мужестве, любовь тут не при чем.

Постепенно выяснилось, что Дубровский был смелый и решительный человек. Теперь это стало совершенно ясно по его поступкам. Все были согласны — Дубровский не согнется перед фашистами и вообще перед кем угодно.

— А Шабашкин? — спросил Владимир Иванович.

— У-у-у... — завыл класс.

Этот гад Шабашкин стал бы, конечно, полицейским или старостой.

— Почему? — спросил Владимир Иванович.

С Шабашкиным расправились в две минуты. Каждому ясно, что человек, который кланяется богатому и издевается над бедными, — человек трусливый и подлый.

Владимир Иванович больше молчал. Говорили ребята. Только Костя, которому говорить было нечего, время от времени кричал: «Верно!» или «Неверно!» Зато кричал он громче всех — Костя боялся сидеть тихо.

Потом фашисты ушли из Кистеневки, и там стало спокойно. Потише стало и в классе. Но не надолго.

— В реке тонет человек, — сказал Владимир Иванович. — Подумаем, кто как поступит.

Через несколько минут выяснилось:

Дубровский поплывет спасать.

Троекуров пошлет слугу.

Кузнец Архип бросится в воду во всей одежде (если тонет не Шабашкин).

Шабашкин подождет, пока человек утонет, и составит протокол.

Марья Кирилловна разнервничается и заплачет.

И каждый раз Владимир Иванович спрашивал: «Почему?» И ребята старались доказать, почему. Это было очень интересно — доказать. И это было не так уж трудно для тех, кто заранее прочитал повесть. Только для Кости время тянулось медленно. Он уже чуть не охрип, вставляя свои «правильно» и «неправильно». А как он старался. Он ужом вертелся на парте, вскакивал, садился, прикладывал руку к сердцу и даже погрозил кулаком Дутову, когда тот сказал про Марью Кирилловну. Но, кажется, он немного перестарался. Забывшись, он грохнул кулаком по крышке в тот момент, когда случайно в классе было тихо.

— Неправильно! — рявкнул Костя.

— Что неправильно? — спросил Владимир Иванович.

Костя ошалело заморгал глазами. Он и сам не знал, что неправильно.

— Так что же неправильно, Костя? — повторил Владимир Иванович.

Костя мучительно соображал. Он даже запыхтел, как Дутов. На секунду ему стало

противно. Но только на секунду. Нужно было выкручиваться.

— Неправильно... вот это... что Дутов говорил!

— Про Марью Кирилловну?

— Ага! — обрадовался Костя. — Про Марью Кирилловну. Верно неправильно, Владимир Иванович?

— Ну, это ведь мы давно выяснили — сказал Владимир Иванович. — А сейчас что неправильно?

— Сейчас?

— Да, сейчас.

— Сейчас... А вот... — Костя напрягся, ожидая подсказки.

Но класс молчал. Все ждали, что скажет Костя. Ведь это же Костя! Никому и в голову не пришло, что ему нужно подсказывать.

— Вот это... — И тут Костя вспомнил: — Они хотели его погубить! — воскликнул он.

— Кого погубить?

— А Дубровского! — радостно сказал Костя. — Он сам кричал: «Вы меня губите!»

— Ну и что же?

— Вот и неправильно, что его хотели погубить.

Владимир Иванович улыбнулся. Косте стало нехорошо.

— Кто же хотел его погубить?

— А там... на странице 183.

Ребята еще ничего не поняли. По классу пронесся шелест страниц. Все искали страницу 183. Там действительно было написано: «Вы меня губите! — закричал Дубровский».

— Так кто же хотел его погубить? — спросил Владимир Иванович. — Эти слова он говорит Марье Кирилловне.

— Вот она и хотела.

Ребята засмеялись. Но не от восторга. Смеялись над Костей, он чувствовал это.

— Но сейчас мы говорили об Андрее Гавриловиче, — сказал Владимир Иванович.

Владимир Иванович по-прежнему улыбался. Голос у него был ровный. Казалось, он просто не понимает, что Костя не подготовился.

«Притворяется», — подумал Костя. Но отступать было некуда.

— Андрей Гаврилович тоже хотел его погубить.

Ребята захохотали.

— Эх, Костя, — сказал Владимир Иванович. — А ведь Андрей Гаврилович — отец Дубровского.

Костя насупился и сердито взглянул на Владимира Ивановича.

— Я не читал про Дубровского, — сказал Костя.

— Не успел?

Терять было уже нечего.

— Нет, — сказал Костя, — я в шпионов играл.

— В каких шпионов?

— Книжки такие! — закричали ребята. — Библиотека военных приключений. Знаете? Зеленые. Там про шпионов, про летчиков.

— Интересно?

— Очень! — отозвался класс.

Владимир Иванович взглянул на часы.

— Хорошо, — сказал он. — Тема сегодняшнего урока: характеры основных героев повести «Дубровский». Кажется, мы все выяснили. Есть еще немного времени. Давайте поговорим о шпионах.

Предложение было принято с восторгом. Ребята задвигались, усаживаясь поудобнее. Наступила тишина.

— Я предлагаю сочинить книгу, вроде тех зеленых, которые вы читаете, — сказал Владимир Иванович. — Согласны?

— Согласны!

— Очень хорошо. Только условимся: будете отвечать хором. Сначала — действующие лица. Итак?

— Шпион!

— Раз, — начал считать Владимир Иванович.

— Майор!

— Два.

— Лейтенант!

— Зачем лейтенант? — спросил Владимир Иванович.

— Майору помогать.

— Ладно. Три, — согласился Владимир Иванович. — А как же шпион перейдет границу?

— На парашюте.

— А его сразу не поймают?

— Нет! — запротестовали ребята.

— Ну, конечно, — догадался Владимир Иванович. — Тогда и писать незачем. Зачем шпион перешел границу?

— За чертежами!

— Молодцы! — сказал Владимир Иванович. — Все наперед знаете. Кто ловит шпиона?

— Майор! Лейтенант!

— Лейтенант горячий?

— Очень! — вскричали ребята. — Он молодой! Неопытный! Его ранят!

— А не убьют?

— Нет! — категорически заявили ребята.

— Как же поймают шпиона? — спросил Владимир Иванович.

— Его выследят! Дом, где он скрывается...

— А потом?

— Придут, а его уже нет.

— Куда же он делся?

— В неизвестном направлении, — пояснил Алик Летицкий.

— А майор скажет: «Все надо начинать сначала»?

— Ага! — хором ответили ничего не подозревающие ребята.

Костя молчал. Он не хотел сочинять книгу. Он подозрительно поглядывал на учителя. Кажется, Владимир Иванович не так уж плохо знал шпионские дела. Что-то обидное для зеленой книги было в этом разговоре. Особенно то, что ребята отвечали хором все одинаково. Ведь книги-то разные... и героев зовут по-разному... И бывают не майоры, а подполковники. И не лейтенанты, а сержанты. Все это Костя знал. И все-таки получалось так, что книга, которую сочинял класс, была до обидного похожа на Костины книги.

Между тем дело шло своим чередом. Шпиону понемногу наступали на пятки. Он ехал в поезде. За ним следили.

— Как же он скроется от слежки? — спросил Владимир Иванович.

— Выпрыгнет в окно.

— А майор?

— За ним.

— Убьется?

— Нет! — возмутился класс.

— А шпион?

— Тоже нет.

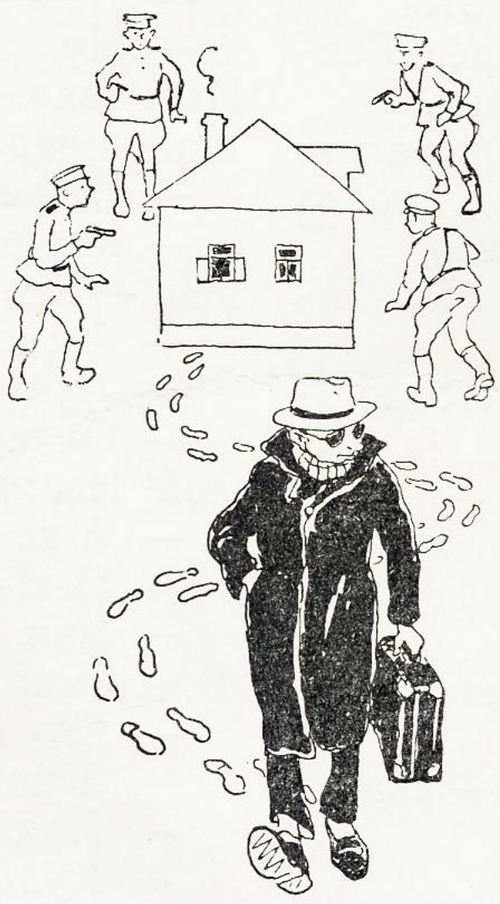
— Почему?

Ребята молча переглядывались. Они не знали, почему шпион, который на полном ходу прыгает из поезда, никогда не убивается. Просто так всегда получается. Вопрос был задан не по правилам.

— Я думаю, — сжалился учитель, — если он убьется, то его нельзя будет допрашивать. Да и книжка кончится быстро. Верно?

— Верно, — согласился класс.

Минуты три ушло, пока за шпионом гонялись по всей стране. Гонялись на самолетах и в автомобилях. В самолетах были заложены бомбы, которые вовремя обезвреживали. Эксперты фотографировали следы автомобильных покрышек и устанавливали, что именно здесь проехал шпион. Но в это время шпион был уже где-то в Средней Азии. Ему подошло время встретиться с резидентом, который недавно был прислан в СССР. Резидент всячески отбрыкивался, чтобы не ехать, но его все же послали за то, что его агенты все время проваливались. А ехать ему страшно не хотелось. Наверное, он боялся встретиться с авторами зеленых книг, которые все наперед знали.



Итак: Средняя Азия, ночь, заброшенный особняк.

— Он входит и зажигает свет, — сказал Владимир Иванович.—Майор в комнате. В руке пистолет. Он говорит: «Мы вас давно ждем». Что делает шпион?

— Прыгает в окно, — подсказал класс.

— Да-да, — вспомнил учитель. — Верно. Но внизу стоит лейтенант.

— Ага! — подтвердил класс.

— Но ведь шпион сильнее лейтенанта. Он опять может удрать.

Класс только улыбнулся такой наивности. Всем было отлично известно, что лейтенант отлично владеет приемами самбо.

— Но у него же в воротнике ампула, — сопротивлялся учитель.

— Не успеет, — пояснил Алик.

— А может быть, успеет? — с надеждой спросил Владимир Иванович.

— Нет! — возмутился класс.

Ребята, конечно, были правы. Главного шпиона всегда брали живым, даже если он приплывал на подводной лодке.

— Ну вот и все, — сказал Владимир Иванович. — Мы сочинили книгу. Очень интересную книгу. Потом мы ее запишем и выкрасим в зеленый цвет. Будет как настоящая.

— Не будет, — угрюмо сказал Костя.

— Почему?

— Потому что вы не придумали. Вы все из книг взяли.

— Разве так похоже? — спросил Владимир Иванович.

— Очень даже похоже, — язвительно сказал Костя.

Но учитель, казалось, не заметил его тона. Он обратился к классу.

— А правда, ребята, разве эти книжки на нашу похожи? Я их мало читал.

— Не все, — неуверенно сказал кто-то.

— Названия разные? — спросил учитель.

— Разные, — подхватил класс.

— Ну если разные, — тогда конечно, — согласился Владимир Иванович. — И все же ради одного названия нашу книгу читать не будут.

— Еще как будут! — закричали ребята. — Все читают!

— Но это, верно, те, кому делать нечего?

— Все! Все! — продолжал упорствовать класс.

Прозвенел звонок.

— Интересный сегодня был урок, — сказал Владимир Иванович. — Странно. Мне про вас говорили, что вы не активные, а вы вон какие активные.

— Мы пионерской работы не ведем, — сказала Вика Данилова.

— Да? — Владимир Иванович задержался у двери. — А на лыжах катаетесь?

— Не все катаются, — ответила Вика.

— Так поедем в воскресенье на лыжах, — предложил Владимир Иванович. — Только все. Хорошо?

— Хорошо! — отозвалась половина класса.

Другая половина молчала. Ребята раздумывали о зеленой книге. О своей. Эта книга как две капли воды была похожа на прочитанные раньше. И она не казалась интересной. Они еще не понимали, почему.

Продолжение следует

Надежда Полякова

КОТ

Вышел кот на улицу
И от снега жмурится:
— Ни тропинки не найду,
Ни завалинок —
Очень холодно коту
Жить без валенок!

Но решил, что не продует
Его шубу ветерком,
И пошел, как на ходулях,
По забору прямиком.

СОСУЛЬКА

Каплями забулькав,
Плакала сосулька:
— Я хотела сесть повыше,
Я хотела влезть на крышу.
А ступила на карниз —
И боюсь свалиться вниз
Кап! Кап! Кап!

Охота с фото-аппаратом

Н. Сладков

Фоторужье — не детская игрушка. В нем все, как в настоящем ружье. Объектив — это ствол. Видоискатель — прицел. Спусковая кнопка — курок. Кассета с пленкой — магазин с патронами. И ложе есть, и приклад.

Из фоторужья, как из настоящего ружья, можно«стрелять» с прицела и на вскидку. Бывают счастливые фотодублеты и досадные фотоосечки. И тут нельзя при выстреле дергать за спуск: если не промажешь по цели, то смажешь изображение.

Все как в настоящем ружье!

И также надо уметь разбираться в следах, уметь бесшумно ходить и терпеливо сидеть в засаде.

Все как на настоящей охоте!

Но только фоторужье лучше простого ружья, а фотоохота интересней ружейной охоты.

Ведь ружье, даже *самое лучшее,* только пятизарядное, а фоторужье — тридцатишести! На охоге с ружьем, даже при самой большой удаче, одним выстрелом подстрелишь двух уток. А на фотоохоте одним выстрелом можно добыть сразу всю утиную стаю. Можно даже подстрелить весь тетеревиный ток, забрать домой весь выводок лис или увести лося.

С фоторужьем

ты великан!

В кассете, в твоем охотничьем фотоягдташе, сможешь поместить десятки зверей и птиц. Но от этого их в лесу не станет меньше. С фоторужьем ты сказочный великан: стреляешь — не убиваешь, берешь — не трогаешь, уносишь, но оставляешь.

Вот что такое фоторужье,
И вот что такое фотоохота!

Белые фигуры

Всю ночь таинственно перешептывались деревья: что-то творилось в лесу. Утром стало видно: в лес пришла зима. Под холодными лесными сводами, покорно склонив головы, застыли скорбные белые фигуры. Очарованная тишина. Заколдованное белое царство...

Вместе со снегом в лес налетели и набежали диковинные, невиданные существа. Они расселись по пням и сучкам, взобрались на елки и сосны: странные молчаливые фигурки, неподвижные, незнакомые, но на что-то очень похожие...

Вот вылез из сугроба лесной человечек в огромной папахе и бурке. Вылез и уставился на побелевший лес.

А, может, и не на лес, а вот на эту печальную фигурку, похожую... нет, ни на что лесное не похожую! Обласкало солнце пригорюнившуюся фигурку, и с мохнатых ресниц ее закапали слезы...

Но тут кто-то бодрый вскинулся на дыбки: то ли зайчик, то ли белочка, то ли собачка. И эта непонятная зверюшка прискакала в лес вместе со снегом и вместе со снегом пропадет из леса. Это зверек-оборотень. Сделай шаг в сторону, и он вмиг исчезнет: прикинется простым сучком, запорошенным снегом.

Вот птица — не птица, зверь — не зверь. Шею вытянуло, крылья свесило: того и гляди улетит! А тронь — упадет и рассыплется в прах. Останутся на снегу вмятинки — следы неведомого существа.

Белые медведи и белые совы. Белые зайчики-елочки стоят столбиками, ушки на макушке, лапки на пузечке: насторожились и замерли. И не спеша бредет средь дремучих снегов белый сказочный слон. Полон лес диковинных зверей и птиц. Знает снежный человечек: нигде таких не увидишь, только в лесу и только зимой.

Сынок

Мечту пронесите
через года
и жизнью наполните!..
Но о тех,
Кто уже не придет
никогда, —
Заклинаю —
помните!

Роберт Рождественский.

Н. Ходза

Рисунки Н. Кустова

В жаркий воскресный день я сидел на берегу Финского залива и наслаждался тишиной. Это было, пожалуй, единственное место, где пляж, даже по воскресеньям, не оглашался звонкими голосами молодежи, где не раздавались глухие удары по волейбольному мячу, не слышался визг ребятишек. От берега и до самого шоссе тянулось большое тенистое кладбище. И люди старались не нарушать торжественно-печальный покой этого места. Только жадные чайки, слету падая за добычей в воду, издавали пронзительный писк.

Солнце пошло на закат, пора было возвращаться домой. Я взглянул на часы — автобус в Ленинград уходил через сорок минут. Можно было не торопиться, и я решил побродить по кладбищу.

Одна из кладбищенских тропок привела меня к зеленой, свежевыкрашенной решетке. За решеткой я увидел усыпанную цветами могилу. На обелиске было написано:

ГЕОРГИЙ ФЕДОРОВИЧ
АНТОНЕНКО

Род. 21.VIII. 1927 г. Погиб 5.X.1941 г.

Разведчик Отечественной войны

Белая черемуха низко склонилась над могилой мальчика. Дерево было буйным, непокорно-раскидистым. Я сорвал густо цветущую ветку и положил ее на могилу.

«Мальчик, совсем еще ребенок! — с горечью подумал я. — Проклятая война!»

Я снова взглянул на обелиск и вдруг встретился с пристальным взглядом светлых мальчишеских глаз. От неожиданности я даже вздрогнул, но тут же понял, почему не заметил сразу прикрепленного к обелиску портрета мальчика. Весь портрет был покрыт цветами. Свободным оставался только узенький просвет, через который разведчик Великой Отечественной войны Георгий Антоненко упорно, не мигая, глядел сегодня на мир.

Я собирался уже уходить, когда услышал за спиной шаги. У решетки стоял какой-то человек. Должно быть, он видел, как я положил на могилу мальчика ветку черемухи. На широкие плечи незнакомца был накинут морской китель. Человек молча прошел внутрь ограды, сел на узенькую скамейку и облокотился на крохотный, врытый в землю, столик.

Я понимал, что мне надо уйти, что я здесь лишний, но, сам не зная почему, сказал:

— Ужасно! Мальчик... пионер... Ничего не успел увидеть, ничего не успел сделать, и уже погиб...

Серые глаза незнакомца вдруг потемнели, и только сейчас я заметил, что смуглую щеку его прорезал глубокий светлый рубец.

— Ничего не успел сделать! — повторил он мою фразу. — Да что вы знаете о нем, чтобы говорить такое? Что?!

— Я ничего не знаю о нем, но в четырнадцать лет...

— Где вы были во время войны? — перебил меня моряк.

— В Ленинграде...

— Значит, вы помните, как фрицы обстреливали наш город?

— Еще бы! Сколько раз попадал под обстрел! Чудом жив остался. Случайно.

— Случайно? А, может быть, вы и сотни других ленинградцев потому и живы сегодня, что жил в Петергофе пионер Жора Антоненко! Потому что не захотел он эвакуироваться в тихий тыл, а остался у стен своего пылающего города!

— И все же непонятно, как мог спасти меня от смерти неизвестный мне мальчик?

Моряк невесело усмехнулся, вздохнул и вдруг повелительным жестом указал мне на место рядом с собой. Я сел и ждал, что будет дальше. Я почти не сомневался, что услышу сейчас рассказ о мальчике. И я не ошибся. Я узнал историю петергофского пионера и записал рассказ моряка слово в слово. Вот он, этот рассказ.

...Война застала меня на флоте старшиной первой статьи. А вскорости, если не ошибаюсь, в конце августа, списали меня в морскую пехоту и назначили командиром полковой разведки. Это были горькие дни. Мы отступали. И докатился наш полк в сентябре от Пскова до Петергофа. Вот тогда я и увидел впервые у нас в штабе Жору, Георгия Антоненко. Поначалу командир полка отказался даже разговаривать с ним. Война — не парад! Нужны солдаты, а не юные барабанщики!

Вышел Антоненко из штаба, а куда ему идти — не знает. Мать эвакуировалась в Ораниенбаум, в Петергофе — немцы. И решил он заночевать в лесу, в сторожке, чтобы утром пораньше снова прийти в штаб. Потому что не терял мальчик надежды уговорить полковника.

Что случилось дальше, узнал я от Жоры дней пять спустя, когда он уже был в моей разведгруппе. А случилось с ним вот что. В сумерки по дороге в сторожку встретил он знакомую бабку — тетю Улю. Она работала в Петергофе, в заводском общежитии. Ее весь Петергоф знал. Почему? А потому что в этом городе она была единственным неграмотным человеком. Не умела ни писать, ни читать. Сколько раз уговаривали ее учиться, старушка только посмеивалась:

— Я и без грамоты, родненькие, не плохо живу. Зарплату мне платят, как грамотной. Дай бог здоровья советской власти!

Это у нее была постоянная присказка: «Дай бог здоровья советской власти!»

И вот сейчас Жора встретил ее в столь необычном месте. Мальчик не удивился. За последние дни все так изменилось, так перемешалось, что никто ничему не удивлялся. Оказалось, что старушка бежала из Петергофа и сейчас пробиралась в Ораниенбаум.

— В Ораниенбаум, тетя Уля, — сказал Жора, — надо в другую сторону. Заблудились вы...

И он объяснил ей, как пройти менее опасной дорогой. Старушка долго благодарила парнишку, называла себя темной, неграмотной дурой, ругала по-всякому немцев, а потом спросила:

— А ты, родненький, что здесь делаешь в лесу?

Мальчику не хотелось открывать свое тайное убежище, и он сказал, что на опушке у него назначена встреча с его другом Лешкой Зайцевым. Они будут пробираться в Ленинград.

Когда паренек добрался до сторожки, в лесу стало уже темно. Он постелил в углу свое поношенное серое пальтишко и улегся. Где-то поблизости немцы вели минометный огонь, из Кронштадта била наша тяжелая артиллерия, в черном небе рвались огненными брызгами зенитки. Невозможно было уснуть в таком грохоте, и Жора вышел из сторожки. В этот момент в небе повисла осветительная ракета, и он увидел поблизости какую-то фигуру. Это было так неожиданно, что мальчик не поверил собственным глазам. Он уже знал, как обманчиво все выглядит при мертвом, зеленоватом свете ракеты. Это мог быть человек, но мог быть и обыкновенный куст...

Где-то на шоссе грохнул снаряд и одновременно со взрывом погасла в небе ракета. Мгновенно все погрузилось в непролазную темь. Человек или куст? А вдруг враг? Немецкий разведчик? Жора распластался на земле, отполз немного в сторону и выкрикнул на всякий случай:

— Кто такой? Стрелять буду!

— Свои, свои, батюшка, не стреляй! Заблудилась я...

Женский голос показался Жоре знакомым.

— Кто такая? — снова выкрикнул он.

— Из Петергофа я... От немцев бежала... заблудилась...

Теперь Жора узнал этот голос.

— Тетя Уля, вы!

— Я, родненький, я, — забормотала старушка. — А ты откуда меня знаешь?

— Я вас по голосу узнал. Это опять я, Жо-

ра Антоненко. Идите сюда. Здесь можно переночевать.

В сторожке тетя Уля долго и подробно рассказывала, как она по дороге в Ораниенбаум сбилась с пути и опять попала в этот лес.

— Надо же! Второй раз встретились. А я думала, ты уже к Питеру шагаешь, а ты эва где...

— Лешка не пришел, а мы условились вместе, — выкручивался Жора.

Перед тем, как уснуть, тетя Уля долго ругала фашистов:

— Глаза им надо повыкалывать, иродам! На кусочки мелкие резать!.. Ножами тупыми!..

Наконец она затихла и уснула. А Жора никак не мог забыться. Он все думал, как сделать, чтобы его зачислили в армию. И он решил написать письмо Буденному.

«Дорогой товарищ Буденный! — сочинял он, лежа на полу. — Мой отец был кавалеристом. Он был коммунист. Он пал смертью храбрых во время боя. Его убили финские фашисты...»

Сочинять письмо мешала старуха. Спала она неспокойно, ворочалась и стонала. И вдруг Жора разобрал, как тетя Уля пробормотала во сне: Russischen Hund... hasse *

Этому невозможно было поверить: безграмотная тетя Уля, которая не умела ни читать, ни писать, говорила во сне по-немецки.

Теперь мальчику было не до сна. Замерев, он прислушивался к каждому движению старухи, ожидая, что она снова заговорит во сне. Но старуха не произнесла больше ни единого слова. На Жору напали сомнения: не ослышался ли он? Может быть, ему только почудились немецкие слова?

На рассвете тетя Уля поднялась и снова начала расспрашивать у Жоры безопасную дорогу на Ораниенбаум.

— Я тоже решил идти в Ораниенбаум, у меня там мать, — сказал Жора, — со мной не заблудитесь.

Они вышли из сторожки и двинулись в путь. В лесу было тихо, пахло прелым листом и грибами. Пересвистывались беззаботные синицы. Невозможно было представить, что еще несколько часов назад этот мирный лес был наполнен воем бомб, свистом снарядов, ревом тяжелых бомбардировщиков.

Они прошли меньше километра, как вдруг старуха остановилась, начала шарить по карманам, потом всплеснула руками и запричитала:

— Ах, я, ворона! Забыла паспорт в сторожке! Куда же я без паспорта в такое время! Ты уж подожди меня здесь! Только не уходи никуда!

«Хочет сбежать, ясное дело!» — решил Жора. Как только тетя Уля скрылась, он сейчас же последовал за ней.

Маскируясь в кустах, прячась за деревьями, Жора неотступно полз по следам старухи. Наконец, тетя Уля вышла к сторожке, миновала ее и остановилась у старого дуба. Какое-то время она стояла неподвижно, точно прислушиваясь к чему-то, потом быстро вытащила из-за пазухи конверт и сунула его в дупло...

...Старуха застала Жору на старом месте. Мальчик сидел на пенечке и жевал травинку.

— Нашла, родненький, нашла, дай бог здоровья советской власти, — тараторила старуха. — Паспорт у меня завсегда с собой.

Едва они вышли на дорогу, как поблизости начали рваться снаряды. Жора подивился, с какой быстротой старуха скатилась в придорожную канаву. Он укрылся невдалеке и не спускал с нее глаз. Мальчишка не знал, что ему сейчас делать. Бежать к дубу? Но тогда он упустит старуху. Стеречь старуху, пока не кончится обстрел? Но обстрел может продолжаться несколько часов. За это время конверт из дупла наверняка попадет в руки фашистов.

— Нам по шоссе идти нельзя, — сказал Жора, — я вас выведу другой дорогой. Идемте скорее!

Как они шли, какой дорогой — об этом он мне не рассказывал. И вывел он эту самую тетю Улю прямо к штабу дивизии. Часовой крикнул им, чтобы они убирались. Штатским в этом районе находиться не полагалось. Старуха сейчас же шарахнулась в сторону, но Жора вцепился в нее обеими руками и молча тянул к часовому.

— Пусти! — шипела старуха. — Не положено здесь ходить!

Но Жора упорно тащил ее к штабу.

— Эй, парень! — закричал часовой, — оглох, что ли? Мотай отсюда!

В это время из штаба вышел командир полка.

— Товарищ полковник! — крикнул, задыхаясь, Жора. — Товарищ полковник, арестуйте ее!

— Чего он вцепился!? Я его знать не знаю! — завизжала старуха.

— Арестуйте ее скорее! Я вам сейчас все расскажу!

— Рехнулся малый! Я же — тетя Уля! Меня в Петергофе все знали! Дай бог здоровья советской власти!

---

* Русская собака... ненавижу...

— Вы почему оказались в запретной зоне? — спросил полковник.

— Это он меня сюда затащил, сбил меня, старую, с дороги! Уж вы мне помогите, прикажите солдатику проводить меня, убогую, в безопасное место.

— Не отпускайте ее! — кричал Жора. — Она, когда спит, по-немецки разговаривает. И конверт в дупло бросила!

Старуха трясущимися руками совала полковнику паспорт:

— Тетя Уля я. Из Петергофа! Врет он все, окаянный! Глаза ему за это выколоть мало! Тупым ножом его резать надо! Чтоб на мелкие кусочки! Дай бог здоровья советской власти!

До сих пор полковник сомневался: точно ли шпионка эта женщина? Уж очень не походила маленькая сутулая старушонка на опасного врага. Но едва она выкрикнула злобные свои слова, полковник насторожился:

— Вам, гражданка, о боге пора уже думать, а вы вон что говорите, — сказал он хмуро. — Ступайте оба в штаб.

Жору допрашивал какой-то майор. Рядом с майором сидел полковник. Когда Жора рассказал все, что знал о старухе, командир полка сказал:

— Если слова твои подтвердятся, сегодня же будешь зачислен в разведгруппу на все виды довольствия.

Жоре особенно понравилось это выражение: «На все виды довольствия».

Слова мальчика, конечно, подтвердились. У дуба была устроена засада, и задержан немецкий шпион. На нем была форма офицера Красной Армии. В конверте оказалась схема расположения наших зенитных батарей.

Полковник сдержал свое обещание. В тот день пионер Георгий Антоненко был зачислен в разведгруппу 98-го стрелкового полка — «на все виды довольствия». А вскоре он узнал, что

«неграмотная уборщица» тетя Уля в действительности была немецкой шпионкой. Ее забросили в Советский Союз за много лет до войны.

С этого времени и до минуты гибели Жоры я, можно сказать, не расставался с ним. Было в моей разведгруппе пять братков, и все мы называли его сынком.

Немало потрудились мы в те дни, многое зависело от нас — от разведки. Но вот беда: и я и мои братки из разведгруппы плохо знали эту местность. Выручал нас Антоненко. Шустрый, маленький, с озорными синими глазами, он знал свою округу лучше, чем матрос корабль. Лесные тропки, овраги, болота, обходные пути, заброшенные, заросшие стежки — все здесь было им исхожено не раз. Для разведчиков такой парень ценнее штабных карт!

В свободные минутки научил я Жору бросать гранаты да еще кое-каким нашим хитростям. А из карабина он бил не хуже любого из нас.

Вскорости взял я его с собой на одну высотку. Выбрали мы подходящее место и стали следить в бинокли за немецкой передовой. Залив был виден нам, как на блюдечке. Смотрим, буксирчик показался на заливе. Пыхтит, работяга, тянет за собой три больших баржи: везет из Питера в Ораниенбаум боеприпасы. А залив такой спокойный, ясный, как зеркало. Хоть глядись в него. Вдруг грохнуло где-то орудие, и завихрились вокруг баржи водяные смерчи, заухали разрывы. Багровое пламя и черный дым — вот и все, что мы видели теперь на заливе. А когда ветер унес последние клочья черного дыма, — ни буксирчика, ни барж. И был залив по-прежнему чист и гладок, как зеркало.

Я посмотрел на Жору. Лицо мальчика стало мертвенно-бледным.

— Откуда они бьют, откуда они бьют? — спрашивал он, как одержимый. — Скажи, откуда они бьют?

Я молчал. Я ничего не мог ему ответить. Я и сам не знал, откуда сейчас били немцы, где установлена их батарея. А он, не поднимаясь с земли, шарил биноклем по горизонту и все повторял:

— Откуда они бьют? Откуда они бьют?

И словно в издевку, над нашими головами просвистел новый снаряд, за ним — второй, третий, четвертый. Разрывов мы не услышали. Только злобный визг врезался нам в уши.

Жора поднял на меня глаза, и я понял его молчаливый вопрос.

— Теперь они бьют по Ленинграду, сынок, — сказал я, — поэтому мы и не слышим разрывов...

— Значит, в Ленинграде сейчас рвутся снаряды?

Я кивнул головой.

— А мы здесь сидим и ничего не делаем. Там людей убивают, а мы здесь...

Я молчал. Что я мог сказать ему?

— Надо накрыть эту проклятую батарею! — он вскочил на ноги и заторопил меня. — Пойдем к командиру! Надо ему сказать! Надо накрыть ее!

Он был еще мальчик и не умел ждать. Ему казалось все очень просто: он доложит командиру полка, тот прикажет накрыть фашистскую батарею, и — готово дело! Но я-то знал: подавить такую батарею — тяжкий солдатский труд.

Я пытался объяснить это Жоре, но он, как одержимый, твердил только одну фразу: «Ее надо уничтожить! Ее надо уничтожить!»

Едва мы вернулись к себе, как меня потребовал полковник. Надо же, такое совпадение! Именно моей разведгруппе приказывалось подорвать фашистскую батарею, ту самую, что потопила сегодня три баржи и обстреляла Ленинград. Штабу было известно, что батарея расположена в районе деревни Троицкой.

Я сообщил приказ своим браткам. А подобрались они — один к одному — злые, рисковые матросы. Таких фрицы называли «черная смерть». Запугать их было невозможно. И сейчас они задали мне только один вопрос:

— Когда выходим?

Я не спешил с ответом. Пока что многое мне было неясно. Идти на такую операцию, не зная точно, где расположена батарея, как она охраняется, это означало не просто погибнуть, а глупо, бессмысленно погибнуть, не выполнив боевого задания.

— Это та самая батарея? — спросил Жора.

— Та самая.

— Она бьет из Троицкой?

— Точно...

— Я знаю все подходы к Троицкой. Я пойду в ночную разведку и найду эту батарею.

Я пытался отговорить его:

— Риск большой. Вдруг попадешься...

— Не попадусь, — сказал он убежденно. — У меня знакомые в Троицкой есть... Я лесом пойду, в обход... Через болото...

В ту же ночь я проводил Жору до передовой линии наших траншей, обнял его, и он исчез в темноте промозглой октябрьской ночи.

Было до этой Троицкой километров шесть, если идти обычной дорогой. Но какой же разведчик идет по шоссе или большаком? Жора шел лесом и неведомой немцам болотной тропинкой. Это немалое искусство — отыскать дождливой октябрьской ночью единственную

узенькую тропинку на болоте. Но Жора нашел ее. Он был прирожденный разведчик и следопыт.

Вместо шести километров Жора Антоненко прошел не менее двенадцати. И почти все двенадцать — в расположении врага. Только разведчик знает, что такое преодолеть ночью двенадцать километров в районе боевых действий. К рассвету Жора достиг околицы деревни.

В крохотный просвет между тучами пробился лунный свет. Жора заметил неподалеку заброшенный сеновал. Там он и укрылся. Скинув с себя мокрую одежду, мальчик зарылся в сено. Его знобило, он долго не мог заснуть от холода, но в конце концов монотонные звуки дождя, однообразный шум деревьев усыпили его.

Жору разбудил орудийный выстрел. Он приник к щели, но ничего не мог разобрать. Еще только-только светало.

Наблюдения Жоры прервал новый оглушительный залп. На этот раз он отчетливо увидел орудийную вспышку. И тогда мальчик понял, что напал на след проклятой батареи. Не меньше часа прождал он, прежде чем батарея дала новый залп. И Жора снова увидел вспышку... Теперь ему было почти ясно, что фрицы установили свои орудия в роще.

Но для разведчика не существует понятия «почти ясно». Для него все должно быть ясно.

Весь день просидел Жора на сеновале, а когда наступил вечер, он покинул свой наблюдательный пост и начал пробираться к роще.

И он нашел эту батарею. Можно сказать, она сама себя обнаружила: весь вечер фрицы

обстреливали Ленинград. Разведчик полз на звуки орудийных залпов. И, наконец, оказался чуть ли не рядом с батареей...

Ранним утром Жора вернулся в часть. Он сидел передо мной, мокрый, голодный, грязный, но такой веселый, каким я не видел его никогда.

Не переодевшись, он сразу же начал докладывать результаты разведки. И я поразился его памяти, его наблюдательности. Он запомнил, сколько выстрелов дала батарея, сколько фрицев ее обслуживает, с какой стороны разводящий приводит смену часовых, где находится караульное помещение, где расположены блиндажи....

Все доложив, он сел за дощатый стол. Я поставил перед ним котелок дымящегося чечевичного супа, и он быстро заработал ложкой. Съев полный котелок, Жора попросил добавки, но, пока я ходил за ней, мальчик уснул. Уснул, сидя за столом, прижавшись лбом к шершавой, неоструганной доске.

Я перенес его на койку. Он что-то пробормотал, повернулся на бок и, совсем как маленький, положил голову на ладонь. Так, не меняя позы, он проспал более двенадцати часов.

Вечером наша разведгруппа двинулась к Троицкой. Саперы расчистили от мин узенький коридор, и мы перешли линию фронта. Впереди полз Жора, за ним — я, за мной — пятеро братков — злых, бесстрашных матросов. Каждый из нас нес в заплечных мешках коробки с толом. Прикрывал нашу группу замполит полка. Все мы были вооружены гранатами и ножами — этими надежными спутниками разведчика.

Ночь с четвертого на пятое октября выдалась дождливой и темной. Я опасался, что наш маленький проводник собьется с тропинки или потеряет направление. Была такая тьма, что мы не видели друг друга на расстоянии шага. Но Жора уверенно вел нас за собой.

Неожиданно по небу воровато забегал луч прожектора. Мы поспешно приникли к земле. Обшарив лохматые тучи, острый луч уперся в залив, чиркнул по верхушке леса и погас.

Шаг за шагом приближались мы к цели. Настырный дождь, не переставая, барабанил по капюшонам наших маскхалатов. Жора был без маскхалата. Ничего подходящего ему по росту не нашлось. На нем, как всегда, было серое пальтишко, перепоясанное солдатским ремнем. К ремню подвешены гранаты и нож.

Мы шли к батарее медленнее, чем я думал. Чересчур часто приходилось бросаться на пожухлую, мокрую траву и ждать, когда минет опасность: погаснут осветительные ракеты, перестанут тарахтеть на дороге мотоциклы, замрет прожекторный луч, умолкнет картавая речь фашистского патруля. Ждать, распластавшись в канаве, ждать, укрывшись за толстым стволом дерева, ждать, сидя в овраге... Ждать... Ждать...

И мы ждали. Самым нетерпеливым оказался Жора. Ненависть его к этой батарее была столь велика, что он готов был пренебречь любой опасностью, только бы скорее уничтожить ее. То и дело мне приходилось сдерживать мальчишку. Это было не просто. Разговаривать на территории врага, в этой обстановке — безумие. Жестов в такой темноте не различишь. В опасную минуту я прижимал мальчика к земле и, лежа, продолжал держать руку на его плече, чтобы он не вскочил раньше времени.

Было далеко за полночь, когда мы достигли цели. До батареи, по словам Жоры, оставалось не более ста метров. Я приказал ему отползти в рощу и ждать нас. И тут мне при-

шлось нелегко. Мальчишка отказывался выполнять мой приказ. Он хотел сам заложить взрывчатку. В ярости я прошептал:

— Пионер Антоненко! Тебе приказывает коммунист! Оставайся на месте! Жди нас!

Такому приказу Жора подчинился.

Теперь нам нужно было вплотную приблизиться к батарее. В темени, когда нельзя рассмотреть и собственной руки, не так-то просто обнаружить и неслышно снять часового. А без этого нечего было и думать о благополучном исходе операции.

Выручили нас сами фрицы. Тогда еще они были наглые, самоуверенные, чувствовали себя в полной безопасности. Часовым надоело молча стоять в разных концах батареи. Сначала ветер донес до нас обрывки немецких фраз. Потом мы услышали, как один из них затянул какую-то песню. И, наконец, мы увидели крохотный желтый язычок пламени. Часовые сошлись, чтобы выкурить по сигарете. И мы поползли на огоньки их сигарет. Что вам сказать? Это были последние сигареты в их жизни.

Немного времени потребовалось нам, чтобы начинить дула орудий взрывчаткой. Затлелся бикфордов шнур, и мы бросились к роще, где оставили Жору. Не знаю, сколько мы успели пробежать по лесу, когда один за другим грохнули три взрыва. Проклятая батарея умолкла навеки!

Но едва замерли раскаты взрыва, как раздались выстрелы, крики, свистки.

За нами началась погоня. В небе повисла осветительная ракета. Зловещий свет ее вырвал из тьмы часть леса, поляну, какую-то канаву. Мы бросились в канаву и выждали, когда потухнет эта окаянная лампада.

Где-то совсем близко протопали фрицы, стреляя наугад в темноту трассирующими пулями. Мертвый доселе лес наполнился звуками. Стреляли отовсюду. Казалось, из-за каждого дерева строчит немецкий автоматчик. Непрерывно врезались в воздух разноцветные ракеты.

Во что бы то ни стало требовалось оторваться от погони.

Мы петляли по лесу, чтобы сбить противника со следа. Нас спасала ночь. В темноте немцы боялись перестрелять своих. И когда на востоке едва-едва пробилась узенькая полоска рассвета, выстрелы и голоса фрицев раздавались далеко в стороне. Но я понимал — главная опасность впереди.

Линию фронта нам предстояло перейти в незнакомом месте. Только солдат знает, что такое перейти без предварительной разведки передний край противника! К тому же ночная погоня за нами, выстрелы, ракеты, автоматные очереди — все это взбудоражило противника, насторожило его. Немцы были сейчас начеку по всему участку фронта.

И хотя полоска рассвета стала шире, нам все еще помогала ночь. Мы ползли по земле, стараясь не дышать. Но вдруг под одним из матросов хрустнула сухая ветка. В ночной напряженной тишине этот хруст показался нам оглушительнее взрыва. В ту же секунду раздался окрик немецкого часового:

— Albert? *

Мы молчали.

— Albert, du? ** — выкрикнул тревожно часовой.

Мы продолжали молчать.

Тогда немец выстрелил из ракетницы. Мы были обнаружены.

— Огонь! — крикнул я, вскочив на ноги.

Отстреливаясь, мы отходили, веря неколебимо, что пробьемся к своим.

---

* Альберт?

** Альберт, ты?

Но случилось худшее. Немцы пустили по нашим следам овчарок. Вначале их лай был едва различим, затем он стал приближаться к нам. К этому времени ветер рассеял тучи, и в белесом свете предутренней луны мы уже отчетливо видели друг друга.

Из-за пригорка выскочил взвод немецких автоматчиков. Они спустили с поводков двух псов, сами же попытались зайти в тыл и отрезать нам отступление.

Пошли в ход гранаты. Первым метнул гранату Жора. Бежавший впереди длинный немец скорчился, схватился за живот и грохнулся о землю.

— Молодец, сынок! — крикнул замполит и дал очередь из автомата.

Псы, эти злобные твари, казались неуязвимыми. В призрачном лунном свете они выглядели чудовищно большими. Распластавшись за пнем, я отстреливался из пистолета. И вдруг на спину мне прыгнула овчарка. Она вцепилась клыками в мою правую руку и плотно прижала меня к земле. Я понял, жить мне осталось считанные секунды. И тут произошло чудо. Пес разжал челюсти и свалился с меня. Точно сквозь пелену увидел я Жору. С ножа его капала кровь. Рядом лежала, дергаясь в предсмертных судорогах, овчарка. Вторую овчарку срезал выстрел замполита.

Казалось неправдоподобным, что все мы были еще живы и даже не ранены. По-прежнему, отбиваясь гранатами, мы держали путь к своим. И мы достигли все-таки ничейной земли. Теперь самое трудное было позади. Но разве на войне знаешь, где и когда тебя ждет беда? Осколками последней гранаты, которую швырнули в нас фрицы, был смертельно ранен Георгий Антоненко, разведчик 98-го стрелкового полка.

Двое братков подняли сынка на руки, мы же остались прикрывать огнем их отход.

В горячке боя мы не заметили, как появился отряд нашей морской пехоты. И через несколько минут все было кончено. Гитлеровцев постигла судьба их собак.

Моряк умолк. Я тоже молчал. Любой вопрос казался мне сейчас неуместным. Да и какие тут могли быть вопросы?

Наконец, я сказал:

— Быть может, вы правы, и я, действительно, жив только потому, что мальчик помог вам взорвать фашистскую батарею. Нельзя, чтобы о нем ничего не осталось в памяти людей...

Моряк провел ладонью по шраму, встал, подошел к могиле и поправил венок.

— Сегодня был сбор пионерской дружины... дружины имени Жоры Антоненко, — сказал он. — Эти цветы принесли пионеры. Значит, неверно вы сказали, что в памяти людей ничего не осталось о Жоре. Но имя его носит не только дружина. Мой сын... Впрочем, это не важно. Я пойду, меня, наверно, уже разыскивают...

Мы вышли на дорожку, что вела к шоссе. Я спросил:

— Почему вы оборвали свою фразу на полуслове? Что вы хотели сказать о вашем сыне?

— Что хотел сказать? Ну, вот видите! Так я и знал! Меня ищут!

Навстречу нам шагал светлоглазый, стройный, спортивного склада подросток. Ветер с залива трепал его пионерский галстук.

Впервые на лице моряка промелькнула улыбка. И на какую-то секунду суровое лицо его стало добрым и мягким.

— Я знал, где искать тебя, отец! — голос мальчика был звонкий и веселый. — Идем, мама беспокоится...

— Это мой сынок, — сказал моряк. — Петергофский пионер. Его зовут Георгий... Жора...

И, положив смуглую большую руку на плечо сына, он спросил меня:

— Теперь вы знаете, что я хотел сказать... какая еще осталась на земле память о Жоре Антоненко...

И, кивнув мне, моряк, не снимая руки с плеча сына, зашагал к автобусу.

Стихи Володи Суворова

Село Гремячее — в Тульской области. Высокие холмы, речка. Природа самая русская, но уже попадаются беленькие мазанки, совсем как на Украине.

В Гремяченской школе выходит стенная газета, и в каждом номере появляются новые стихи ее редактора восьмиклассника Володи Суворова.

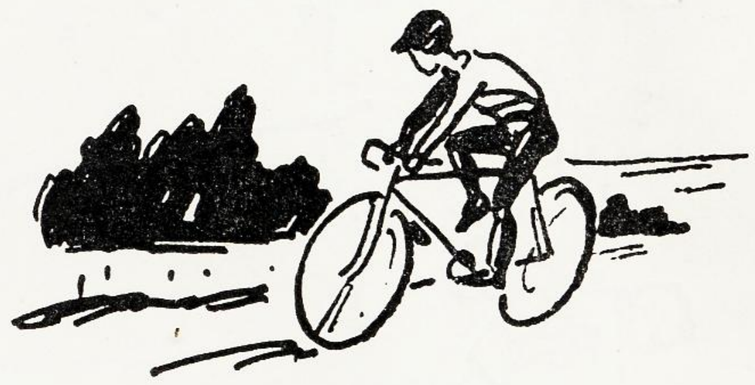
Володя твердо решил стать врачом. И еще одно он знает твердо: рядом с ним всегда будут его стихи. Недавно Володя написал нам так:

«С некоторых пор я стал понимать, что стихи — очень трудное и очень серьезное дело. Раньше я нанизывал строчки одну на другую (лишь бы размер был да рифма соблюдена), а теперь чаще задумываюсь над содержанием. Больше стал работать над стихами».

Но ведь Володя будет врачом. Разве врачу обязательно нужно писать стихи?

Да, стихи нужны каждому человеку. А читает он их или сам пишет — это неважно.

«Костёр» уже печатал Володины стихи. Вот еще три стихотворения.

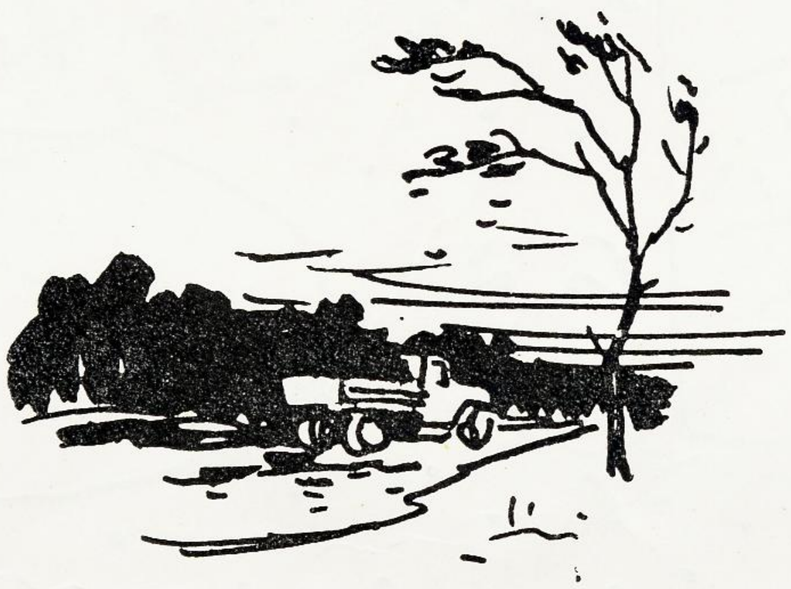


Конь

На манер кавалериста
Я завел себе коня.
Утром свежим, утром чистым
Разбудите-ка меня!

Только конь седла не носит,
Только конь — не вороной.
Сена свежего не просит
Конь железный, конь стальной.

Нагоняя километры,
По дорогам полечу,
Полечу быстрее ветра,
Эх, любого прокачу!



Осень

Тоскует лес глубокой осенью.
Опал, бедняга. Что ж, пора!
Взгляни на небо — ясной просинью
Оно не радует с утра.

Вон там машина запоздалая
Спешит закончить долгий путь,
Где осень, словно мать усталая,
Присела тихо отдохнуть.

Жаркий день

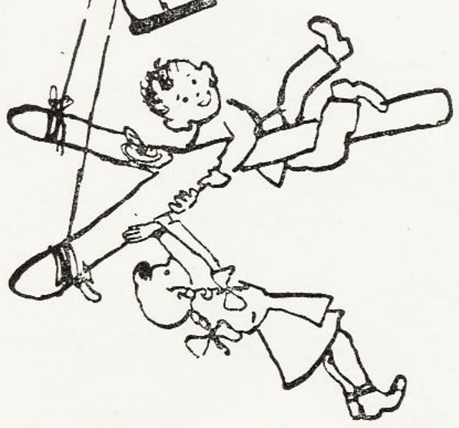
Ах, жара, жара, жара,
Истомились люди.
Небо чистое с утра,
Скоро ль дождик будет?
По дороге чуть пройдешь —
Сразу пóтом изойдешь.
Ах, жара!

Дождик, дождик, пожалей,
Ну, полей же, ну, полей
Ливнем мутноватым,
Чтоб эскадры кораблей
Запускать ребятам,
Напоенная земля
Чтобы посвежела,
Чтоб пшеница на полях
Враз зазеленела.
Дождик! Землю напои!

Будет дождь, друзья мои!

ГАЗДА

САТИРА
И ЮМОР



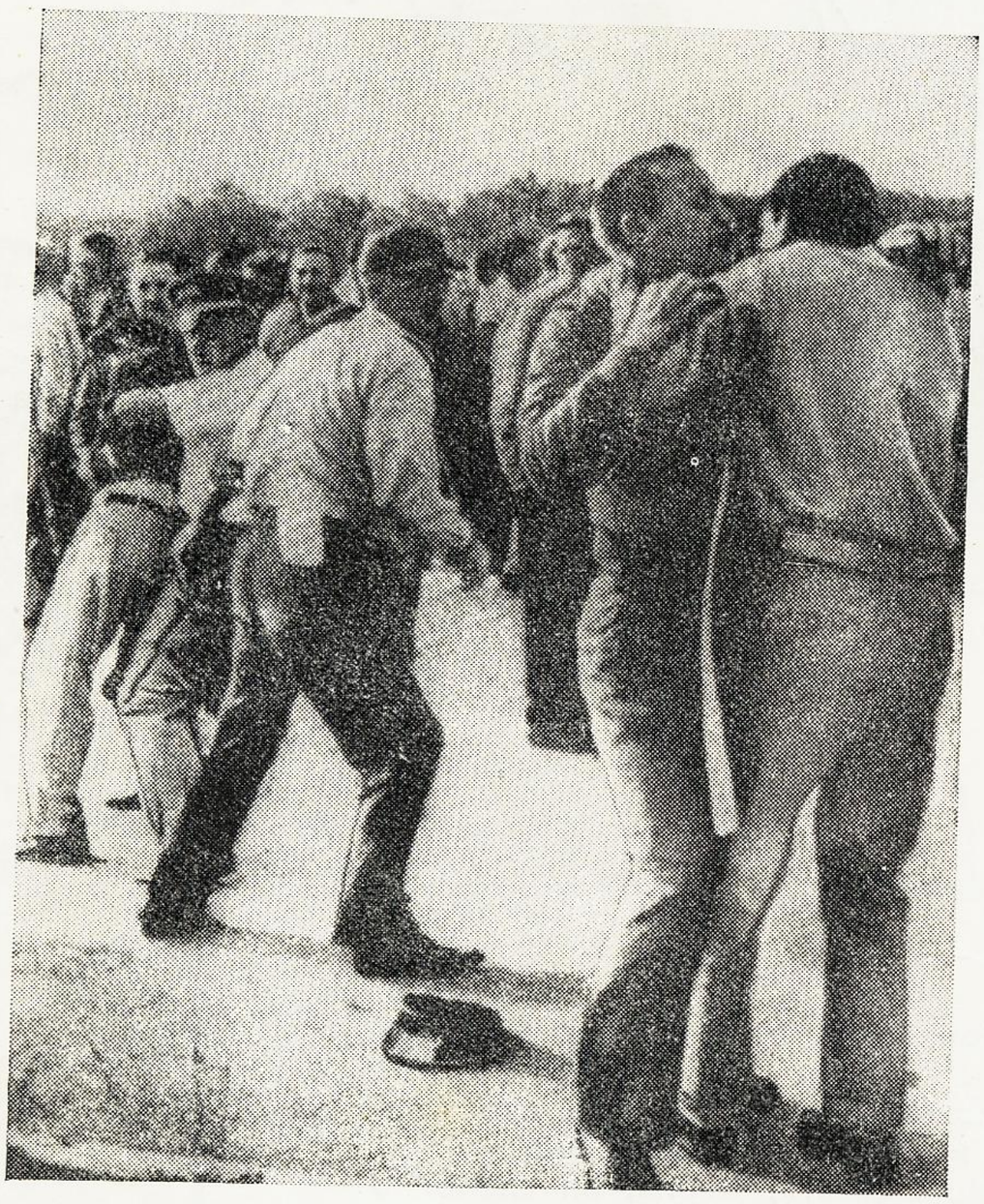
В Западной Германии запрещена пионерская организация. Пионеры собираются потихоньку.

Видишь, в одном доме собрался пионерский отряд. Уже все пришли, нет только Карла Бруннера. А вот и он идет по дорожке.

За ним следят. Но, если агенты полиции схватят Карла, он спокойно скажет им: «В чем дело? Я иду к товарищу готовить уроки!»

Вот почему в руке у Карла Бруннера портфель. А уроки он давным-давно приготовил.

Негр хотел равноправия. Его избили.



Бастующие рабочие выставили пикеты. Их разогнали.

СУД ЗА ОКЕАНОМ

Вызвали человека в суд.

— Не крал?

— Не крал.

— Молодец. Отсидишь полгодика. Безработных защищал?

— Защищал.

— Получи еще четыре года. Разоружения хотел?

— Хотел.

— О'кей. Приплюсуем десять лет. Какой это цвет?

— Красный.

— Какой, какой?

— Красный.

— Ага. Сам сознался.

— Оглашаем приговор: двести сорок один год тюрьмы, месяц каторги и доллар штрафа.

Где так судят?
За океаном.
Кто?
Богачи.
Кого?
Коммунистическую партию Соединенных Штатов Америки.
За что?
Читай сначала.

Я. Стремглав

Рисунок на вклейке Ю. Данилова

ЗА СТО ШАГОВ УЗНАВАЙ ВРАГОВ

Западногерманскую молодежь
готовят к захватническим войнам

Из такого головастика
Вырастает жаба-свастика.

ВЕСНА В ТУНДРЕ

М. Смирнов

Уже май, а в тундре полно снега и ночи еще стоят морозные. И все же весна дает себя чувствовать. Большое оранжевое солнце выкатывается из-за горизонта и быстро набирает высоту. Днем оно основательно припекает. Снег темнеет, становится пористым, намокает.

Оживленно весной в тундре! В многочисленных озерах и на побережье океана плещутся тысячи уток, гусей, лебедей. Ночью в едва оттаявшем болоте дико гогочет самец белой куропатки, вызывая на бой противника. А у северных оленей наступает пора отела, горячее время для оленеводов. Не уследишь, отобьется от стада оленуха и легко может попасть в беду нежный и совсем еще слабенький олененок. Шныряют по тундре волки в поисках легкой поживы, да и другие хищники непрочь полакомиться свежатинкой. Заметили вороны отставшую в тундре оленуху и ну каркать, звать сородичей, может и на их воронью долю что-либо перепадет. Но напрасно стараются серые разбойницы. Не даст в обиду своего детеныша оленуха, до последнего будет биться с врагами, а там смотришь и подмога подоспеет. Обнаружит пастух пропажу и поспешит на поиски оленухи и олененка...

Рисунок И. Ризнича

Следующая остановка — Москва

М. Лазарев ***Рисунки Т. Ксенофонтова***

Из лабиринта деповских путей вынырнула высокая крутолобая машина. Тепловоз ТЭ7-013 осторожно ткнулся в красно-желтый состав «дневного экспресса», пошумел дизелями, прогудел два раза, проверяя тормоза, и затих. Из кабины сошел на платформу человек в форменной фуражке, черном открытом кителе и при галстуке. Это и был Василий Андреевич Шмакалов.

У дальнего конца платформы пока еще горел красный свет. Но по радио предупредили о скором отправлении. Другие локомотивы приходили и, подбирая свои составы, уводили их куда-то вдаль: пригородные, пассажирские, скорые.

ТЭ7-013 — самый быстроходный тепловоз дороги — всегда водил скоростной.

— Поехали с нами, — предложил Шмакалов. — Через шесть часов в Москве. Там поужинаем, там и поговорим.

Он так просто сказал: «Поужинаем в Москве», точно речь шла о соседней трамвайной остановке.

— Соседняя остановка для нас Бологое, — уточнил Шмакалов. — А следующая за ней — Москва.

— Зеленый, — предупредил из кабины помощник.

Мы забрались в тепловоз.

— Отправление!

Дежурный поднял свернутый желтый флажок. Шмакалов потянул на себя белую рукоятку регулятора. Затем двинул ее еще и еще. Спина прижалась к спинке сидения: тепловоз набирал скорость. «Семьдесят», «восемьдесят», «сто» отсчитывала стрелка скоростемера...

Самый быстрый поезд страны

Когда-то писатель Радищев написал «Путешествие из Петербурга в Москву». Он ехал лошадьми несколько дней. Потом в Москву пошли поезда, и дорога туда постепенно перестала считаться путешествием. Перед войной курьерский поезд добегал до Москвы за половину суток. Теперь знаменитая «Красная стрела» идет всего девять часов, а наш «дневной» экспресс и того меньше.

На пульте управления тепловоза имеется надпись: «Расчетная скорость сто сорок километров в час». И ТЭ7-013 делает столько, сколько рассчитали инженеры.

На станциях торопятся предупредить: «Внимание, внимание! Будьте осторожны!» На горизонте появляется желтый луч и тотчас же становится белым. Дежурный покрепче нахлобучивает красную фуражку и отступает от края платформы. И сразу гул дизелей накрывает станционные постройки. Дробный топот колес. Оранжевая лента огней на уровне вагонных окошек. И вот уже только рельсы гудят вдогонку красным капелькам фонарей хвостового вагона. Тридцать-сорок метров в секунду. Два с половиной километра в минуту. Сто сорок километров в час.

Через три часа единственная остановка. Десять минут на разминку. Десять минут на осмотр вагонов.

А потом опять: «Отправление!» И поезд снова срывается в путь.

Рядом с белой рукояткой регулятора красная ручка — тормоз. Две ручки. Две пары внимательных глаз. Справа сидит машинист, слева — его помощник.

— Входной зеленый!

— Вижу зеленый!

Зеленый. Зеленый. Зеленый. Шестьсот пятьдесят километров, шестьсот пятьдесят светофоров, и на каждом — зеленый свет. Это уже не обычная «зеленая улица». Это целый «зеленый проспект». Товарные, пригородные, пассажирские, даже скорые поезда уходят по приказу диспетчера на запасные пути, становятся на «обгон», как говорят на железной дороге. Внимание! Следует номер пятый! Следует скоростной! Самый быстроходный на Октябрьской железной дороге! Самый быстрый в стране!

Как надо варить воду

— Полжизни мы проводим на локомотивах, — заметил как-то Шмакалов. — И каковы бы они ни были, они запоминаются навсегда.

С тяжелым крутобоким паровозом серии «Э» Шмакалова породнила война. Мирная на вид товарная машина несла необычную службу артиллерийского тягача. Она выводила на огневые позиции могучее дальнобойное орудие, которое давило и уничтожало вражеские батареи.

После войны Шмакалов расстался с локомотивом. Старая машина стала работать на маневрах, а машинист Шмакалов получил пассажирский паровоз.

Странная это была машина. Поджарая, стройная, быстроходная — известной серии «СУ». Но слава у нее была дурная. Даже не понятно, как успевал закоптиться до черноты этот паровоз. Потому что он не вылезал из ремонтов.

— Рекорда на нем не поставишь, браток, — сказал прежний хозяин паровоза. — На свалку ему еще рановато, а в капитальный ремонт — бесполезно. Одно слово: «гроб на колесах».

Шмакалов обиделся за паровоз. С завода они выходят все одинаковые. И если про паровоз идет дурная слава, то виновата в том не машина, а люди.

— Ребята, — сказал он товарищам. — Надо прежде всего ее оттереть.

И когда паровоз был отчищен и отмыт, помощник с удивлением произнес:

— Оказывается, она синяя.

Про синий «СУ» в депо вскоре забыли. Перестал он возвращаться после рейса в ремонт и стал обыкновенной машиной. Ничуть не лучше других паровозов. Но и не хуже.

Но вспомнили про синий локомотив вот почему: заметили вдруг, что синий перестал являться на промывку. У каждого паровоза есть срок: прошел семь тысяч километров, пора промывать котел. Шмакаловский же «СУ» прошел уже четырнадцать тысяч. А накипи в котле все нет.

— Воду тоже надо варить умеючи, — шутил Шмакалов и тут же предложил товарищам: — Дадим рекорд!

И синий прошел еще шестнадцать тысяч, так и не заходя на промывку.

Водительские права

Друзья спросили Шмакалова:

— Сколько можно учиться?

— Всю жизнь, — ответил машинист.

Недаром два раза в неделю он отправляется на Москву. Больше половины пути над тепловозом висит контактная электрическая сетка. Значит: скоро до самой Москвы электровозы пойдут.

С паровоза на тепловоз перейти было непросто. Паровоз машина громоздкая, но простая. А «ТЭ7» — целая электростанция на колесах. Дизеля вращают генераторы, те передают ток на моторы, которые сидят на осях. Электровоз тот немного проще: ни дизелей, ни генераторов. Само собой решилось: надо получить на них права. Потом засел за изучение электросекций.

— Ну, а пригородные электрички вам зачем?

— Это они только покамест пригородные, — отвечает Шмакалов. — Вот помяните мое слово, скоро до Москвы обыкновенные электрички пойдут. Такие же, как пригородные. Только удобнее будут и быстроходней.

И не понять, он в шутку это или всерьез.

А он всерьез:

— Ну, вот последние права получаю.

— А дальше что?

— Не за горами курсы. Посложнее. Еще на атомных локомотивах поработаем.

Штормовой вечер

Скоростной не должен опаздывать, не имеет на это права. Впустую горят зеленые огни. Взволнованно приказывает по селектору диспетчер. Начальник дороги не отрывается от телефона.

С безвестной станции сообщили:

— Остановился скоростной.

Головная секция ТЭ7-013 вышла из строя. А до Бологого еще сто семьдесят километров пути или две трети пути до Ленинграда.

Начальник дороги приказывает:

— Поставить в Бологом резервный паровоз. Поставить в Малой Вишере электровоз на подмену.

Но на далекой станции нет локомотивов. Да и на всей дороге нет таких локомотивов, что сравнились бы в скорости с тепловозом «ТЭ7».

На станции принято решение:

— Отцепляй аварийную, — командует Шмакалов. — Двинемся на одной.

Легко сказать: «Двинемся». Вторая секция — это всего лишь половина тепловоза. В два раза меньше мощности. Да и повернута она «лицом» к Москве. Туда же смотрит и прожектор...

Дежурные по станции растерянно докладывают:

— Проследовал... кажется, скоростной.

С тревожными гудками мчится странный поезд. Всего половина локомотива, и та задом наперед.

А скорость обычная: сто сорок. Чтоб видеть сигналы и путь, Шмакалов с помощником высовываются из окошек. Второй помощник дежурит в задней — теперь передней — части. Рукоятка повернута на «задний». Рукоятка довернута на «полный». Дизель работает за двоих.

В Бологом отказываются от подмены. Скоростной не должен опаздывать. А пассажирский «П36», нет спору, быстроходная машина, но сто сорок километров она не даст.

— Пойдем на одной секции до Ленинграда, — упрямо повторяет Шмакалов. — Давайте, разверните тепловоз.

Тепловоз поставлен кабиной к Ленинграду. Рукоятка повернута «вперед». Рукоятка поставлена на «полный». Одна секция работает за двоих. Впереди Ленинград. С платформы не разглядеть усталое лицо машиниста. Встречающие недовольны: почему опоздали?

И только диспетчер докладывает начальнику дороги:

— Опоздание могло быть бóльшим.

Рукопожатие в Москве

В столицу он прибывал по вечерам. Впервые Шмакалов приехал в Москву утром, когда его послали на съезд. Однажды он проходил кремлевскими площадями. Невысокий человек вместе с несколькими женщинами направлялся к Дворцу Съездов. У них шел громкий разговор, и голос человека показался ему знакомым. Он вспомнил, о чем просил его парторг.

— Никита Сергеевич, здравствуйте! — сказал Шмакалов. — Я должен передать Вам привет.

И он сказал про то, что просили передать его товарищи, которые его послали.

— За привет большое спасибо, — ответил Первый секретарь. — Вы хорошо работаете. Но надо еще лучше.

И они пожали друг другу руки. Водитель самого быстрого поезда в стране и руководитель самого передового в мире Советского государства.

Наш корреспондент позвонил в редакцию военной газеты.
— Посоветуйте, пожалуйста, о чем нам рассказать в февральском номере «Костра»!
— О героях! — коротко ответили в трубке.
— Герои в мирное время? — удивился корреспондент.
И вот перед нами конверт с вырезками.
Мы перепечатываем их почти без изменений. Читайте!

Лед отступил

Северная Двина разбушевалась, вышла из берегов. Вода поднялась на восемь метров — ей преграждали путь ледяные заторы.

На борьбу с наводнением прибыли на вертолетах воины гарнизона.

На пятнадцатиметровом гребне, балансируя над штормовыми волнами, устанавливали они заряды взрывчатки в сто шестьдесят килограммов весом.

Подполковник Ермолин, капитан Сурайкин, сержант Тюрев, рядовые Орлов и Губеладзе — все они сейчас были равны по отваге.

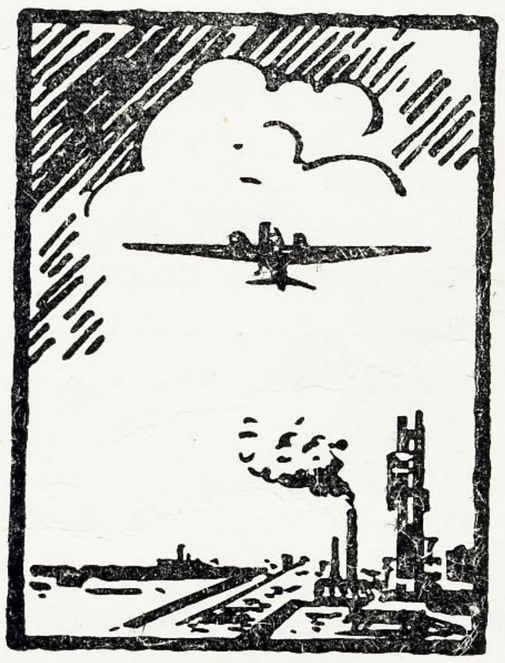
Грянули взрывы. Ледяная стена рухнула, освободив дорогу воде. Угроза бедствия миновала.

Над пропастью

Самолет шел на посадку. А правая нога шасси не выходила.

Одноногий самолет не посадишь. Шасси же как назло — ни туда, ни сюда.

Ефрейтор Владимир Шемет открыл люк.



— Подержи-ка, — попросил он бортмеханика.

Бортмеханик держал Шемета за ноги. Владимир повис под самолетом вниз головой, изогнулся, изловчился, дотянулся до шасси — и исправил.

Самолет сел.

Без скафандра

Был океан. Был шторм в восемь баллов. И была неисправность с винтами, которую требовалось немедленно устранить.

Старшина первой статьи Алексей Жилкин полез в ледяную воду.

Работать приходилось вслепую, задержав дыхание. Волны захлестывали. Только когда они

на секунду отступали, удавалось набрать в легкие воздуха.

Старшина работал три часа.

Потом он поднялся, переоделся и весь остаток ночи провел в машинном отделении — ремонтировал с товарищами двигатель.

И только когда подводная лодка развила ход, ушел отдыхать.

В обнимку со смертью

Снаряд обнаружился в двух шагах от железнодорожного полотна. Он лежал в котловане, стапятидесятимиллиметровый «поросенок». Часть взрывателя срезана ножом бульдозера. Ударник торчит наружу и чудом до сих пор не сработал.

Вызвали саперов.

Капитан Вилли Бахидзе и шофер рядовой Николай Синченко аккуратно, чуть дыша, подняли снаряд, донесли до машины и уложили на песок.

Полчаса шел автомобиль к месту подрыва. Полчаса капитан Бахидзе сидел возле снаряда, руками оберегая его от толчков.

И все. Будничное задание, выполненное по-будничному — на «отлично».

Командир уходит последним

— Оторвался! — крикнул кто-то тревожно.

Обрывок троса валялся рядом с лебедкой. Аэростат с десантниками уходил все выше и выше, в свободный полет.

Нарастает высота. Ветер крепчает. Гондола — как лодочка без руля и весел в открытом океане.

Выход в таких случаях один — прыгать.

Один за другим покинули борт аэростата десантники. А младший сержант Виктор Степаненко медлил.

Каждая лишняя минута грозила гибелью. Уже доотказа раздулась в разреженном воздухе оболочка.

А Степаненко медлил. Он спасал аэростат.

Выпустил из оболочки газ. По-уставному привел в порядок гондолу. И только после этого прыгнул — без кислородного прибора, с огромной высоты.

И человек, и летательный аппарат приземлились благополучно.

Борьба с огнем

Рядовой Владимир Большаков дежурил у электроагрегата. Началась гроза. От удара молнии в помещении возник пожар.

Горела проводка. Вода тут плохой помощник. Большаков израсходовал запас углекислотных огнетушителей. А пламя не унималось.

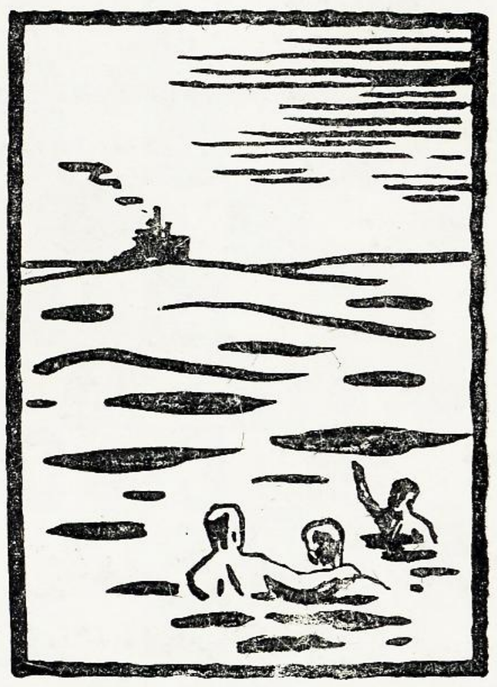
Тогда Большаков надел резиновые перчатки и сорвал со стены обычный, пенный огнетушитель, хотя пользоваться им при пожаре электросети смертельно опасно.

Рядом находились два бензодвигателя. Каждую секунду они могли взорваться. Но и об этой опасности не думал солдат.

Пожар был потушен.

Человек за бортом

Шел по Черному морю корабль. Курсант Владимир Кузнецов



пробегал по палубе, споткнулся и упал за борт.

В ту же секунду спасать товарища прыгнули Игорь Иванов и Валерий Субботин. Они не успели подать тревоги. И на корабле не заметили беды.

Курсанты остались в открытом море. С одним спасательным поясом на троих.

Всю ночь плыли они, помогая друг другу. Боролись с судорогами. Отдыхали по очереди, держась за пояс.

Их нашли и подобрали через десять часов. И они очень удивились, что их называют героями:

— Подумаешь, геройство — не утонули!

Не бьют пушки. Не трещат пулеметы. А в газетах появляются правительственные указы о награждении героев.
Вот какие люди служат в Советской Армии.
С такими защитниками Родина может трудиться спокойно.

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА КОРЧНОГО

За шахматным столиком «Костра» — чемпион мира Михаил Моисеевич Ботвинник

— Алло, Ботвинник? Завтра вечером вы играете в сеансе с Капабланкой.

— Спасибо, но скажите, нельзя ли получить один входной билет?

— Билет? Для кого?

— Для брата...

— Для брата? Может быть, и для знакомых?

— Да, конечно!

— Сколько же вам билетов? Десять — хватит?

— Пожалуй, да.

— Так вы не получите ни одного. Билетов нет! И радуйтесь, что вам представилась возможность сыграть с чемпионом мира!

Этот разговор происходил 19 ноября 1925 года. На следующий день, в новенькой коричневой косоворотке, купленной мне мамой по такому торжественному случаю, я отправился в Филармонию.

— Собственно говоря, чему радоваться? — философствовал я по дороге. — Ведь сильнейшие шахматисты первой категории не играют. Почему же обязали играть меня? Значит, меня не причисляют к сильнейшим?

Но делать нечего — надо играть... У Малого зала толпился народ, в самом же зале атмосфера была — что в бане, народу битком. Занять место за столом было нелегким делом, но два знакомые шахматиста второй категории, восседавшие вдвоем на одном стуле, милостиво приняли меня в свою компанию. Вероятно, Капабланка не сразу понял, кто играет на моей доске, так как после его хода откуда-то сбоку высовывалась рука и свершался ход.

Чемпион мира был самоуверен и весьма красив, несколько портили впечатление полноватые щеки. После приветствий сеанс начался...

1. d2-d4 d7-d5 2. c2-c4 e7-e6 3. Kb1-c3 Kg8-f6 4. Cc1-g5 Kb8-d7 5. e2-e3

Выбору дебюта не следует удивляться. Тогда все современные нам начала — индийские, защита Нимцовича, защита Грюнфельда и прочие — только появлялись на свет божий. Здесь мой партнер, конечно, не попался на теоретическую ловушку (5. cd ed 6. К : d5 К : d5 7. С : d8 Cb4 +).

Однако все же я не стал играть ортодоксальную защиту (5. ... Ce7) и предпочел менее известный вариант, который два года спустя получил название вестфальского.

5. ... Cf8-b4 6. c4 : d5 e6 : d5 7. Фd1-b3

Несильнейший план игры. Известно, что простое разви-

тие, а именно 7. Cd3 гарантирует белым перевес.

7. ... c7—c5 8. d4 : c5

Вторая неточность. Белые проигрывают темп и без какой-либо причины теряют контроль над полем c5.

8. ... Фd8—a5 9. Cg5 : f6

Чтобы отвлечь черного коня d7 от поля c5 и избавиться от угрозы Ke4.

9. ... Kd7 : f6 10. 0-0-0

Такой ход Капабланка мог сделать только в сеансе! Равную игру обещало продолжение 10. a3. Теперь же белый король будет в опасности.

10. ... 0-0 11. Kgl—f3

Конечно, после 11. К : d5 К : d5 12. Ф : d5 Ce6 дела белых были бы плохи.

11. ... Cc8 : e6 12. Kf3-d4 Ла8—c8 13. c5—c6.

Капабланка пытается закрыть линию c; материальные потери уже неизбежны.

13. ... Cb4 : c3! 14. Фb3 : c3

Белые вынуждены отдать пешку a2, ибо 14. bc Ke4 представляется совсем неблагоприятным.

14. ... Фa5 : a2 15. Cfl-d3 b7 : c6. 16. Крcl-c2 c6-c5 17. Kd4 : e6

Разумеется, не 17. Ла1 ввиду 17. ... cd. Теперь же 18. Ла1 — неприятная угроза!

17. ... Фa2-a4 + !

Это черные должны были иметь в виду еще при 14-м ходе.

В итоге форсируется прозаический эндшпиль с лишней пешкой у черных.

18. b2—b3 Фa4—a2 + 19. Фc3—b2 Фa2 : b2 + 20. Крc2 : : b2 f7 : e6 21. f2-f3.

Иначе последовало бы Kg4. Следующим своим ходом черные обеспечивают как перевод королевской ладьи на линию b, так и продвижение пешки c.

21. ... Лc8—c7 22. Лdl—al c5—c4 23. b3 : c4 d5 : c4 24. Cd3-c2 Лf8—b8 + 25. Крb2—cl Kf6—d5 26. Лhl—el c4—c3

Против согласованных действий далеко продвинутой проходной пешки, двух ладей и коня нет удовлетворительной защиты. Главная угроза черных — проникнуть ладьей на вторую горизонталь. Поэтому белые создают контругрозу Л : c3, чтобы помешать проникновению черной ладьи на поле b2.

27. Лal—a3 Kd5—b4

А теперь грозит 28. ... К : c2 29. Кр : c2 Лb2 +

28. Лel—e2 Лb8—d8

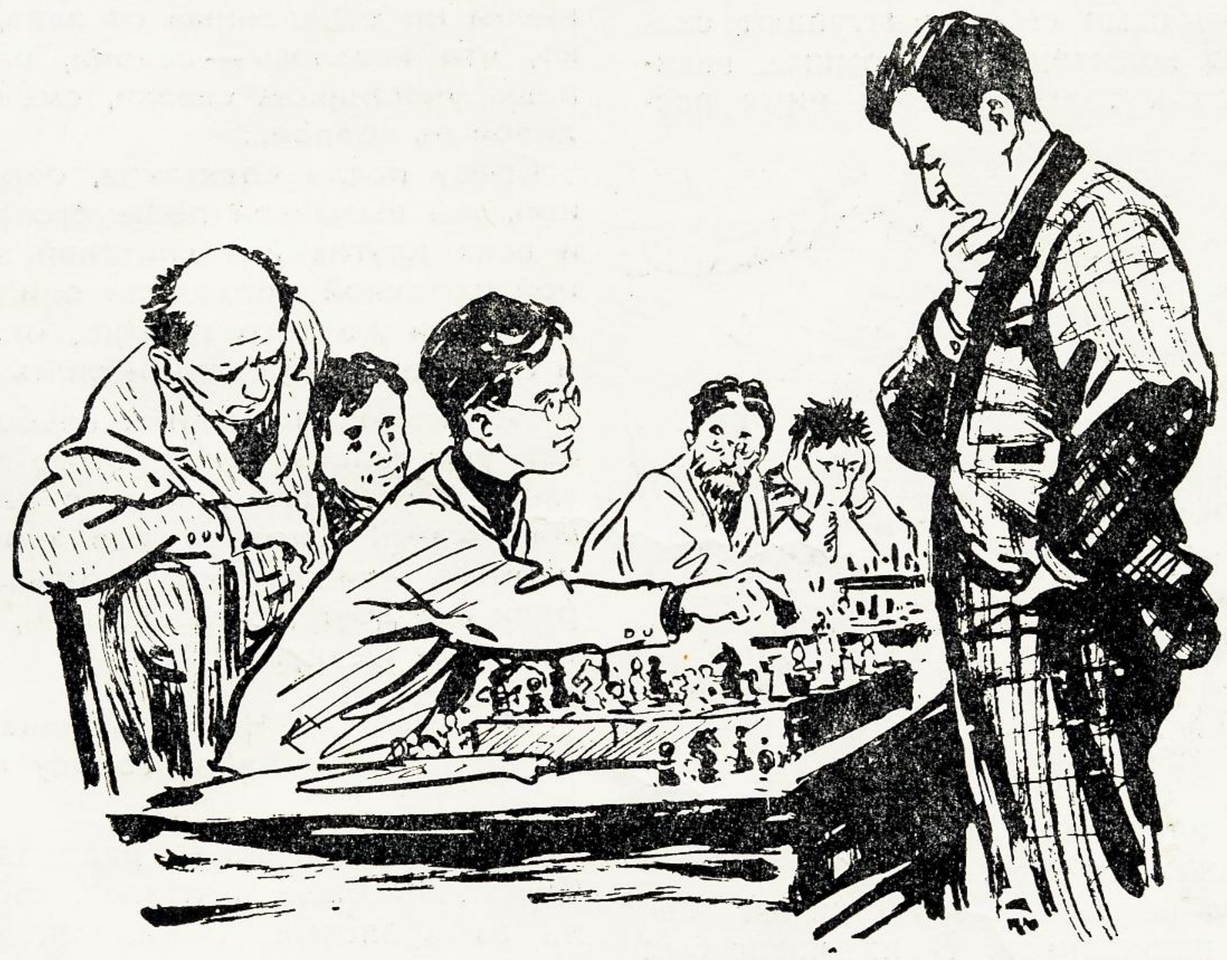
На поле b2 ладья не проникла; быть может, ей удастся попасть на поле d2? Белые связаны по-прежнему, например, на 29. Cb3 следует 29. ... c2! 30. С : c2 Лdc8

29. e3—e4 Лc7—c6!

Теперь партия кончена, так как угроза Л : c3 ликвидирована, — черная ладья проникает на вторую горизонталь, и белые теряют слона.

30. Лe2—e3 Лd8—d2 31. Лe3 : c3 Лd2 : c2 + 32. Лc3 : c2 Лc6 : c2 + и белые сдались.

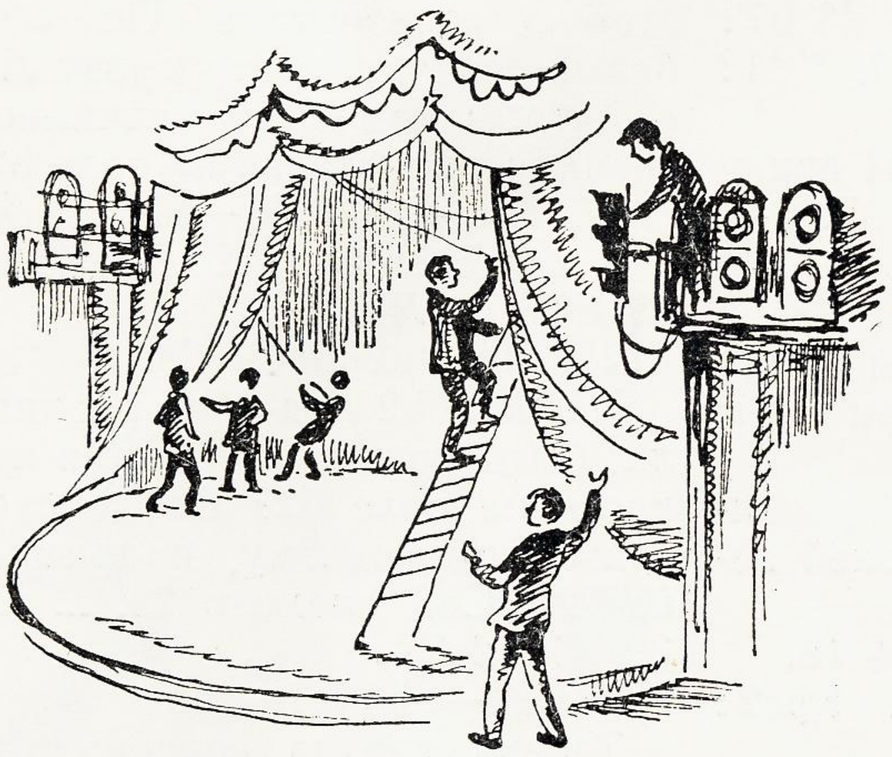
Партия, которой можно не стыдиться обоим партнерам: ведь Капабланка играл одновременно против тридцати участников сеанса, а автору этих строк тогда едва исполнилось четырнадцать лет.



ДРУЗЬЯ ТВОИ-ТЮЗЯНЕ

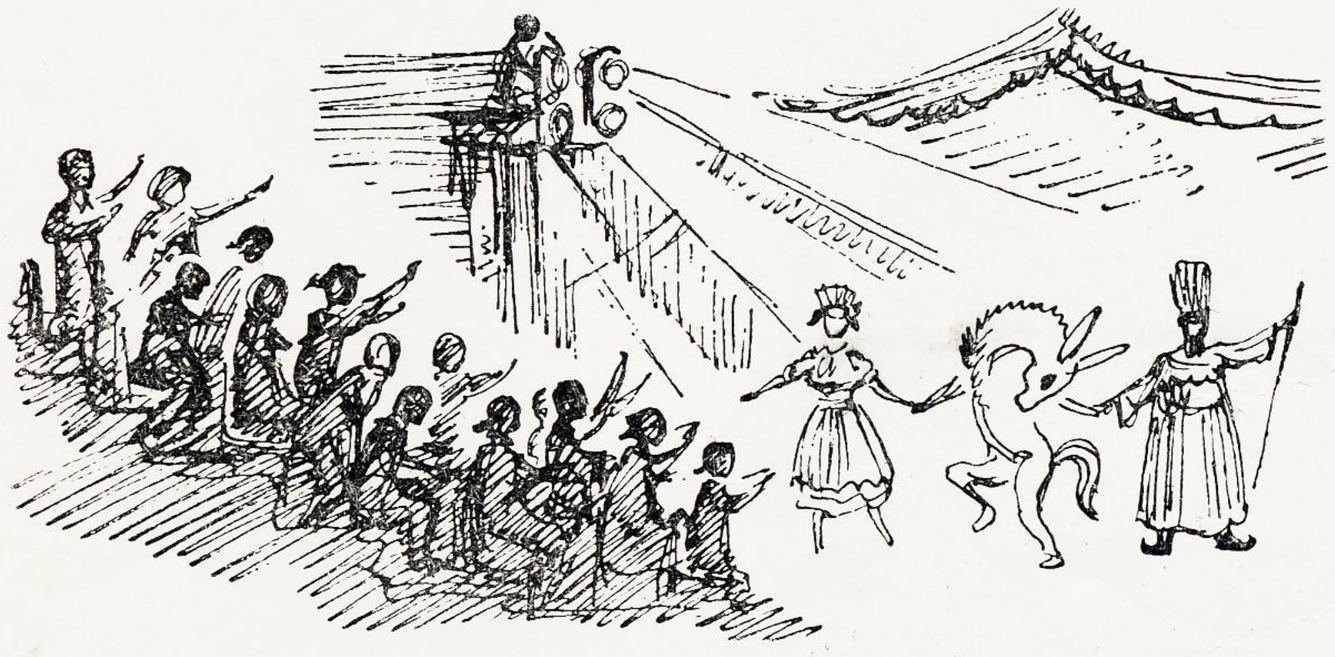
Эти страницы посвящаются «дедушке» детских театров—ленинградскому ТЮЗу, которому исполнилось 40 лет

Рисунки К. Овчинникова



Осень 1921 года. Только что кончилась гражданская война. В стране — разруха, голод. А в Петрограде, в особняке на тихой Моховой улице уже стучат молотки плотников — сцена почти готова! — суетятся электромонтеры и осветители, а в соседней школе полным ходом идут репетиции хоров из «Конька-Горбунка» — первого спектакля ТЮЗа. В них принимают участие не только артисты, но и педагоги, художники — словом, все работники нового театра. Костюмы тоже создаются коллективно. А декорации пришлось заказывать в чужой мастерской. И теперь все волнуются — поспеют ли они в срок? Готовы ли кони-златогривы? Ведь скоро спектакль...

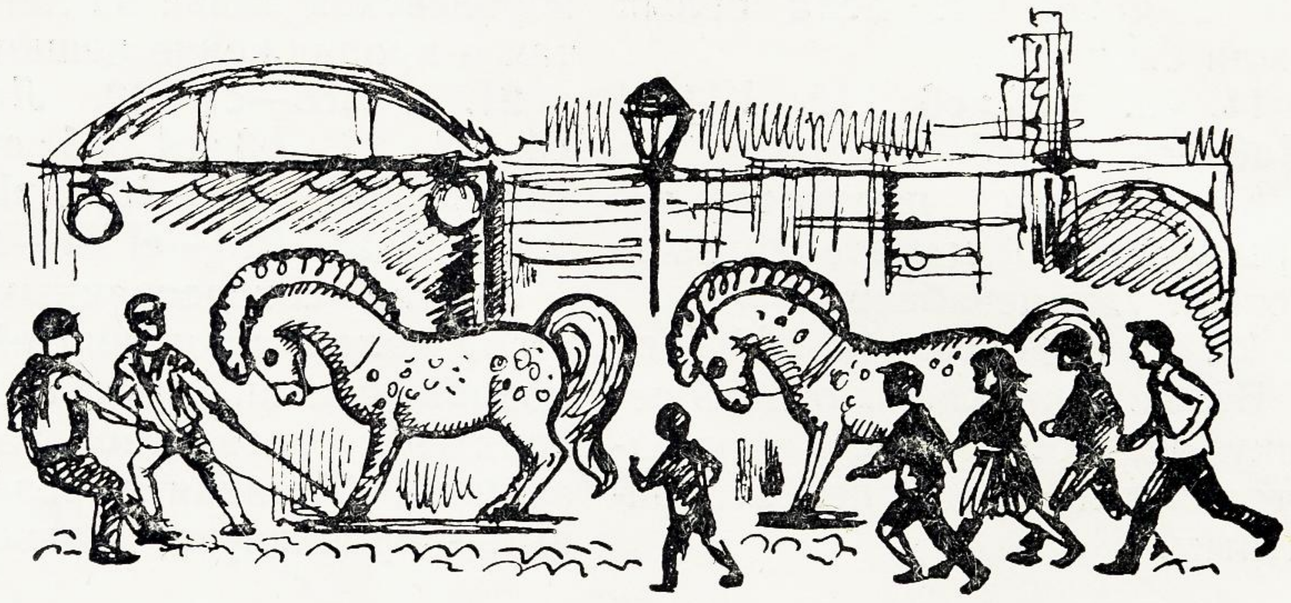
И вот наступает час генеральной репетиции. На нее приглашены зрители — соседняя школа. Все готово к спектаклю, а коней нет и нет. Внезапно в конце улицы возникает необычное шествие. Окруженные огромной толпой мальчишек как бы сами собой выступают сказочные кони с алмазными копытами — огромные, величавые. Они приближаются к театру. Перед ними распахиваются двери. Вслед за конями врываются в ТЮЗ зрители и по-хозяйски занимают места.



«Конек-Горбунок» долго не сходил с тюзовской сцены. Его видели тысячи школьников. В их числе был Саша Бартен, ныне ленинградский писатель Александр Александрович Бартен.

...Свет погас, в зале стихло, и тогда мы услышали хор. Даже сейчас, много-много лет спустя, я отчетливо помню, как изумился тому чудесному превращению, что произошло в темноте за какие-то доли секунды. Ярко залитая светом площадка была уже совсем другой. По ее краям подымались стройные резные башенки с остроконечными куполами. Между ними высокой аркой изогнулся деревянный мост. И вот появились на нем белобородые деды-сказочники, сказку сказывать начали...

Нет, пусть те театры, в которых бывал я до этого дня, и богаче и краше своим внешним убранством, — таких чудес, как здесь, в них не было. Говорящий почеловечески Конек-Горбунок, Жар-Птица, Месяц-Месяцович, Царь-Девица, Чудо-Юдо-Рыба-Кит... А больше всего увлекало то, как шел этот спектакль — шел, ничем не отделенный от зала, прямо в зале, так близко, что казалось — вскочи, шагни вперед, и сам станешь участником сказки, смешаешься с пестрой, шумливой ее толпой...



Сразу после спектакля, окружив сцену плотной стеной, мы вызывали по много раз Конька, Иванушку да и всех других исполнителей. Взявшись за руки, длинной цепочкой проходили они перед нами. А мы аплодировали до того громко, что ладони начинало жечь, и опять аплодировали и опять вызывали...

А сколько школьных альбомов, сколько стенных газет украсилось после этого спектакля изображением умного, славного конька с настороженно приподнятыми ушами! Сколько раз перед трудной письменной работой или другим школьным испытанием подбодряли мы друг друга словами, с которыми Конек обращается к Ивану:

Что, Иванушка, невесел,
буйну голову повесил?...

Шумели, смеялись, радовались не только зрители. Счастливы были и тюзяне, собравшиеся после спектакля за кулисами. Обнимали, поздравляли друг друга. И подлинным героем дня был небольшого роста человек, чем-то похожий на волшебника, по велению которого ожила эта прекрасная сказка, — руководитель театра Александр Александрович Брянцев.

Почти сорок лет, до самой смерти, он бессменно руководил театром. Это был человек скромный и сердечный, трудолюбивый и вдохновенный. Вот что расска-

зывает о нем Народная артистка республики Н. Н. Казаринова.

...В 1930 году я была принята на производственную практику в ТЮЗ и на первую же репетицию — проспала... Когда Александр Александрович узнал, что у меня нет часов, он без лишних разговоров снял с цепочки свои и вручил их мне. При этом он спокойно сказал:

— Я надеюсь, что Вы больше никогда не заставите ждать себя...

Я готова была сквозь землю провалиться.

Через несколько месяцев я вернула часы Александру Александровичу. Но этот эпизод навсегда остался в моей памяти. Больше я не опаздывала.

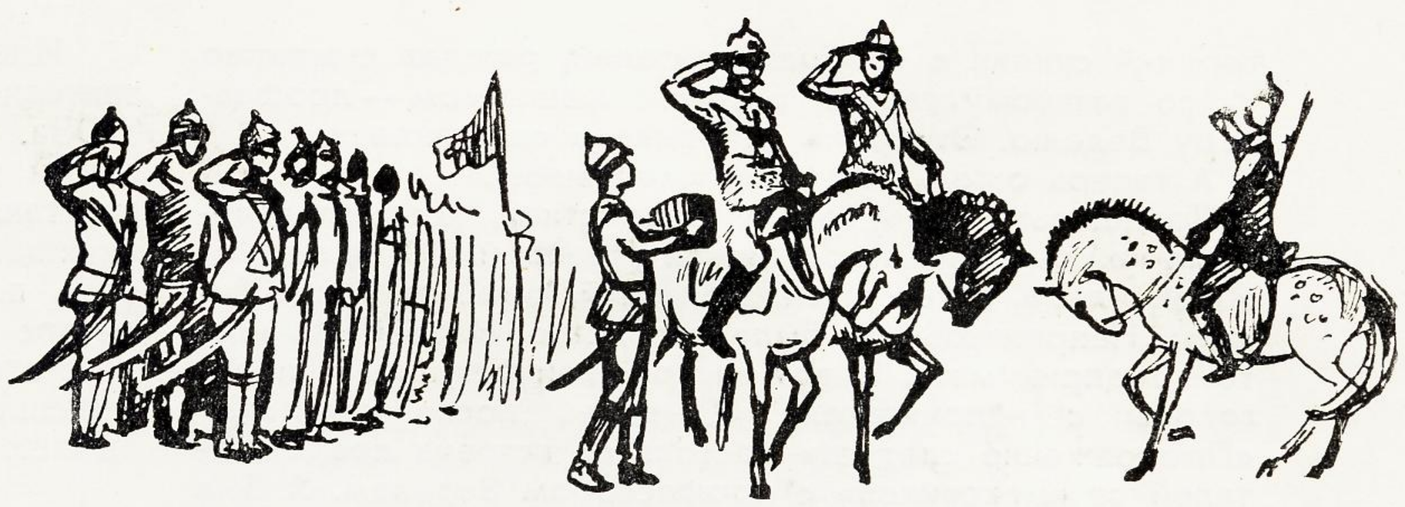
Приходит на память еще один случай. После окончания Театрального института мне пришлось оставить общежитие. Жить было совершенно негде. И вот со всем своим имуществом — керосинкой, постелью и деревянным сундучком — перешла я Моховую улицу и уселась в вестибюле ТЮЗа, не представляя, что делать дальше. Вдруг как из-под земли появился Александр Александрович и стал расспрашивать меня. Узнав, в чем дело, он тут же предложил мне переехать в его квартиру, в комнату, где уже приютили одну девушку, тоже не имевшую жилья. А через несколько дней в комнате, где жил сам Александр Александрович, появился еще один жилец — актер ТЮЗа Грин. Его поместили на тахте...

Главное в театре — спектакли. Может быть, кое-кто из вас думает: что тут сложного? Выбрали пьесу, распределили роли, выучили наизусть и — спектакль готов. Так-то оно так, да...

Когда в ТЮЗе ставили «Музыкантскую команду», понадобилось, чтобы все участники спектакля — драматические актеры — превратились в музыкантов, научились играть на духовых инструментах.

А когда ставили «Детство маршала»... Но об этом надо рассказать подробнее.

Пьеса была посвящена детским годам Семена Михайловича Буденного. Театру хотелось, чтоб ребята как можно лучше узнали героя, вместе с ним прошагали через его невеселое, трудное детство, полюбили его за гордость, за волю и храбрость. А чтобы решить эту задачу, участники спектакля предприняли экспедицию в детство маршала... Режиссер Г. Н. Каганов, главный художник театра В. И. Байер и актриса



С. Ш. Иртлач уехали в Сальские степи, к матери товарища Буденного. А. А. Брянцев и композитор Н. М. Стрельников — к самому маршалу, в Москву.

... —Чем могу быть полезен вашим зрителям? — спросил Семен Михайлович, когда мы с композитором Стрельниковым вошли в его кабинет.

— Мы хотим рассказать ребятам про Ваше детство, про то, как из простого мальчика может вырасти маршал, — ответили мы.

Семен Михайлович вспомнил несколько случаев из своего детства, и, к нашему удовольствию, они совпали с тем, что рассказывалось в пьесе. Был там, например, эпизод, когда на базаре, поспорив с известным плясуном-цыганом, Сема переплясал его. Оказалось, что такой случай и на самом деле был в жизни юного Буденного. Правдой оказалось и то, что он с детства очень любил гармонь, мастерски играл на ней, знал много песен. Николаю Михайловичу Стрельникову, конечно, не терпелось их услышать. Воспользовавшись обеденным перерывом, Буденный повез нас к себе домой. Мы очень удивились, увидев в комнате сразу одиннадцать гармоней. Оказалось, что при посещении воинских частей Буденному неизменно преподносят один и тот же подарок — гармонь.

Семен Михайлович наигрывает «Казачка». Под эту мелодию он лихо отплясывал на базаре, состязаясь с цыганом. Николай Михайлович тут же записывает мелодию. Снова играет Буденный. Это — любимые песни и частушки, которые он помнит с детства. Вместе с композитором они проводят так добрый час — один за роялем, другой — с гармонью.

Когда мы вернулись в Ленинград, у Николая Михайловича была уже почти готова музыка к спектаклю...

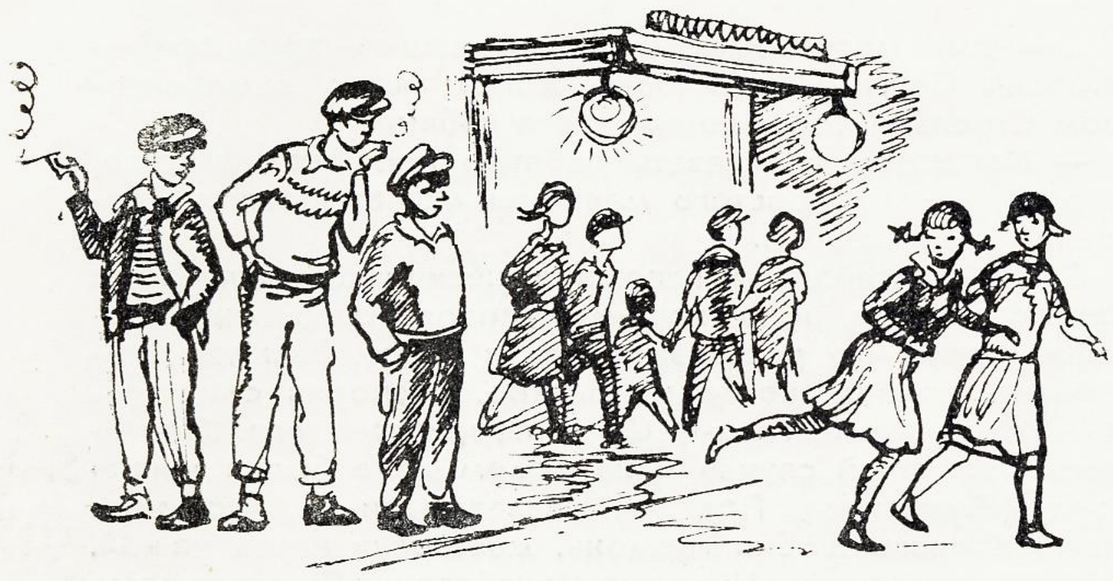
В летописи театра есть один любопытный эпизод. Это история, известная под названием «моховики». Лучше всех о ней рассказывает ее участник Народный артист республики Леонид Федорович Макарьев.

... Чтоб история с «моховиками» была понятна, ее надо начать с пьесы Бруштейн «Продолжение следует». Ставили мы ее в начале 30-х годов, когда над миром нависала зловещая тень фашизма. Это было пламенное антифашистское произведение. Спектакль вызывал

горячий отклик в сердцах зрителей, рождал симпатию к его главному герою, борцу с фашизмом — профессору Веделю. Эту роль исполнял в спектакле я.

А теперь о том, кто такие «моховики».

Представьте себе группу подростков, которая вздумала каждый вечер появляться у дверей ТЮЗа, на Моховой улице, пугая наших зрителей, отнимая у них билеты. Неприятное это было соседство. Надо было что-то предпринимать. И вот мы решили вступить в переговоры с неприятелем. Однажды, после спектакля «Продолжение следует» состоялась встреча представителей от «моховиков» с профессором Веделем. Я был в белом халате и весь еще в образе профессора-борца. Видимо, это на «моховиков» подействовало. Мы поговорили по душам, а потом подписали торжественный



договор (правда, не кровью, а чернилами) о том, что «моховики» из врагов ТЮЗа становятся его друзьями и помощниками. Они будут охранять мир и спокойствие на Моховой, заботиться о безопасности зрителей. Брал на себя обязательства и театр. Отныне «моховики» — желанные гости в ТЮЗе, они приглашаются на все премьеры и праздники, для них создается специальный драматический кружок. Кстати сказать, кружок этот вел наш артист, бывший беспризорник Никитин.

Дружба с «моховиками» длилась долго, пока они на наших глазах не выросли из разболтанных, никчемных мальчишек в хороших, настоящих людей. Кто работал на заводе, кто учился. А когда грянула война, многие из них ушли на фронт. Мы получали от ребят трогательные письма. Они помнили ТЮЗ, как родной дом...

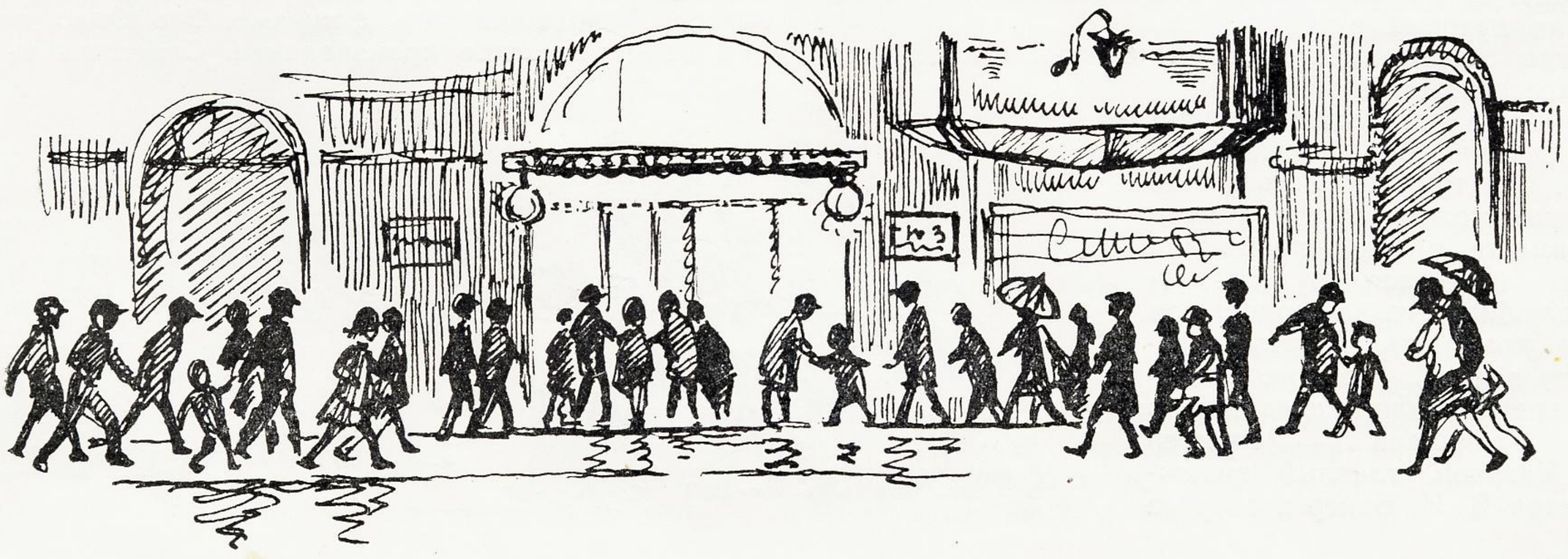
ТЮЗ — театр необычный. Открывая парадную дверь, швейцар приветствует ребят так: «Здравствуйте, отличники!» И в эту минуту даже самому отъявленному лодырю почему-то становится неловко и хочется хоть ненадолго стать отличником...

Или билетеры. Они такие же школьники, как сами зрители. Только носят почетное звание делегатов ТЮЗа. Свой делегат есть в каждой школе. Делегат — самый ярый театрал. Делегат не пропускает ни одного спектакля. Делегат может так рассказать о театре товарищам, что даже всем известные домоседы захотят туда пойти. Делегат участвует в обсуждении и просмотре новых спектаклей. А все делегаты вместе — это делегатское собрание. Лена Попова — председатель нынешнего делегатского собрания. Вот что она рассказывает:

... Недавно на спектакле «Случай в интернате» я услышала разговор двух приятелей. Один хвастал, что купил в фойе программу за старый пятачок, да еще и сдачи получил три копейки. Другой хвалил своего друга. Мне стало неловко за них, я хотела вмешаться в разговор, но тут погас свет, началось действие, и я тех мальчиков больше не видела. А на другой день, утром, когда в театре еще никого не было, один из этих мальчиков пришел в ТЮЗ и рассказал вахтеру о случившемся накануне. Он просил передать продавщице новые пять копеек и никому не рассказывать об этом.

Конечно, я не знаю точно, но мне кажется, что мальчик недаром пришел утром в театр. Мне кажется, что его заставила задуматься пьеса «Случай в интернате». Она ведь как раз о честности и доверии...

Каждый день открываются двери дома на Моховой, каждый день собираются в нем сотни ребят. Но не все желающие могут попасть на спектакли — зал театра очень мал, он вмещает только пятьсот человек. Поэтому в Ленинграде строится новое здание детского театра. Оно будет вдвое больше, чем старое, и вдвое больше ребят поместится в его зале. А в остальном это будет тот же ТЮЗ — веселый и добрый, умный и надежный друг ребят.



ШУРОЧКА В ЗАТРУДНЕНИИ

Шурочка провела каникулы у тети. Приехав домой, она тотчас же бросилась на почту. Купила конверт и бумагу и лихорадочно стала писать.

Написала на конверте:

«Город Дзержинск Горьковской области. Улица Чкалова, дом № 16, квартира № 53. МАЛЬКОВОЙ Ольге Павловне».

А потом принялась за письмо.

«Дорогая тетечка, ты не представляешь, какой получился кошмар, только не сердись, пожалуйста! Ведь я забыла альбом! Который ты купила для нашей Тани к рождению! Помнишь, мы из магазина зашли к Александру Ивановичу и Елене Семеновне, и вы еще стали спорить насчет космоса и говорить про колонии, а мы с Людочкой пошли в ее комнату и рассмотрели весь альбом, а потом ты меня позвала, сказала, как бы не опоздать в кино, и я заспешила и забыла альбом на столе у Людочки. А потом вспомнила, но тебе не сказала. Я хотела зайти и взять без разговоров. И забыла, такой ужас! Но это ничего, тетечка, вполне можно успеть. Сегодня 10-е, если ты завтра, 11-го, рано утром, до дежурства, зайдешь к Людочке и сразу отправишь, то бандероль придет к нам через три дня, я спрашивала, значит, 14-го или 15-го. А Танино рождение ведь 15-го, и то праздновать будем вечером, так что успеть можно...»

Тут Шурочка остановилась и похолодела. Ведь завтра утром письмо никак не будет у тети! Нужно телеграфировать.

Шурочка сосчитала свои деньги. Оказалось — ровно на пятнадцать слов, вместе с адресом.

Шурочка испортила семь телеграфных бланков. Телеграмма не получалась.

Не поможете ли вы Шурочке уложиться в пятнадцать слов вместе с адресом?

А может быть, и пятнадцати слов много?

Самые лучшие, самые короткие и дельные телеграммы будут напечатаны в журнале вместе с именами тех, кто их составил.

Н. Гернет

ВЕЛИКИЙ ТАЛАНТ

Сергей Вольф

Рисунок В. Голявкина

Кто никогда не играл на флейте, не знает, что это такое.

На переменке ко мне подошел староста Глеб.

— Ну, как флейта? — спросил он.

— Какая флейта? — удивился я.

— Поигрываешь помаленьку, а?

— Отстань, — сказал я. — Ни на чем я не поигрываю. Я ее и в глаза никогда не видел.

— Плохо дело, — сказал Глеб. — Пора научиться.

— Это еще зачем?

— Пора, пора, — сказал Глеб. — Учись.

— Не буду, — сказал я.

— Слушай, — сказал Глеб. — Я тебе не нянька. Ты пионер?

— Пионер.

— Учишься хорошо?

— Ну, хорошо... ничего учусь.

— Маме помогаешь?

— Когда как. В общем вроде помогаю.

— Ну, вот видишь, а на флейте не играешь. Учись, учись, пора.

И убежал.

Я подумал, может, и правда пора. Ну, что у нас за староста. Подойдет к тебе, поговорит, и вроде все ясно.

После уроков Глеб сказал:

— Зайди ко мне вечерком, у меня там есть кой-какие флейты, — и добавил: — Ты, наверное, думаешь, зачем это все, и никак не можешь догадаться. Так вот: 6-а посадил березу, 6-в сделал модель корабля, 6-б еще чего-то — у каждого свое, а у нас будет симфонический оркестр. Все тридцать человек на чем-нибудь играют. Надо что-то непохожее. Необыкновенное. Учись на флейте, через три дня концерт.

— А когда репетиция? — спросил я.

— Боюсь, не успеем, — сказал Глеб. — Мы сразу. Не бойся. Ты у нас великий талант. Вот это будет сюрприз. Все ахнут. Ну, привет!

И убежал.

Три дня я ходил сам не свой. Ни с кем ни о чем не говорил. Глеб сказал, что это тайна. Тайна и сюрприз. В день концерта Глеб повесил в школе афишу. Все были поражены.

Глеб назначил сбор музыкантов без пяти семь.

Когда я с флейтой пришел в школу, народу в зале было полно. Глеб встретил меня в раздевалке.

— Ну, как дела? — спросил он.

— Ничего у меня не выходит, — сказал я. — Хочу сыграть одно, а получается другое. Лучше мне сегодня не выступать.

— Не глупи, — сказал Глеб. — Класс хочешь подвести. И так всего семь человек пришло, ты восьмой. В музыке это называется октет. Я так и скажу: «Выступает октет 6-г класса». Пошли.

Мы прошли за кулисы. На сцене было темно.

— Они уже здесь, — сказал Глеб и в темноте провел меня. — Вынь флейту. Занавес откроют в полной темноте, потом зажгут свет, и все ахнут.

Занавес открыли, Глеб дал сигнал, свет ярко вспыхнул, зал ахнул. Я огляделся вокруг — на сцене было нас трое: Валерка Зуев с барабаном, я с флейтой и Глеб с какой-то палочкой. Когда в зале стало тихо, Глеб сказал:

— Симфоническое трио 6-г класса. Римский Корсаков. «Снегурочка». Дирижирует Глеб Луковкин. Играй, — шепнул он мне.

Валерка ударил в барабан.

— Что играть? — шепнул я Глебу.

— «Снегурочку», — шепнул он, размахивая руками.

— Я не знаю, — шепнул я.

— Ну, и зря, — зашептал Глеб. — Играй.

Я заиграл.

Вот это был хохот. Все в зале прямо катались со смеху. Валерка Зуев хотел убежать. Я замолчал.

— Все хорошо, — зашептал мне Глеб, удерживая Валерку. — Играй.

— Не буду, — зашипел я.

Глеб перестал махать рукой (другой он держал Валерку) и объявил публике:

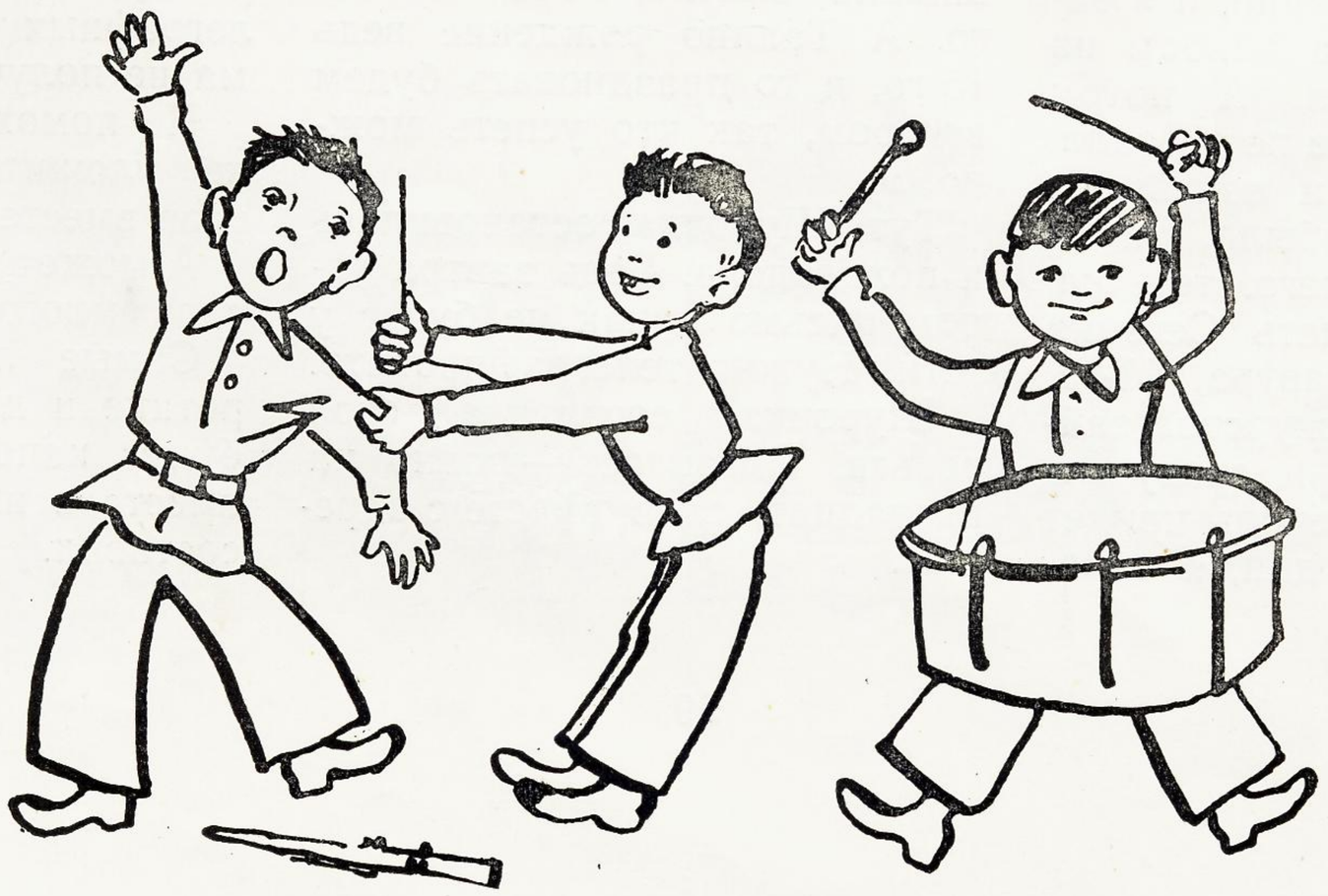
— Лермонтов. «Бородино». Прочтет Алеша Петров.

И я начал читать «Бородино».

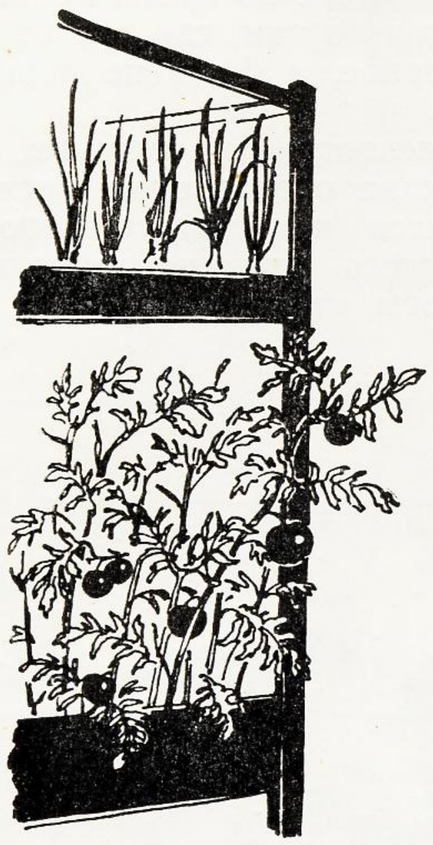
Я здорово читал. С выражением. Иногда Валерка подыгрывал мне на барабане, и получалась полная картина сражения.

Мне хлопали минут десять.

— Ты великий талант, — сказал мне Глеб, когда мы с коцерта шли домой. — Ты должен всех научить так читать. Весь класс. Мы дадим концерт. Прочтем хором какое-нибудь стихотворение. Все ахнут. Приходи завтра вечерком. Это дело надо обдумать.



ЧТО?



ОВОЩИ НА ВОДЕ

Шестьдесят лет тому назад на нижегородской ярмарке великий русский ученый Климент Аркадьевич Тимирязев показал овощи, которые выросли не в почве, а в воде, насыщенной питательным веществом.

Но то были лишь интересно задуманные опыты.

А в наше время на далеком Севере ученые собираются построить настоящую фабрику овощей, где растения будут существовать в гравии, постоянно омываемом питательным раствором. И освещать их будут не лучи солнца, а лучи искусственного светила, состав которых и в инфракрасной и в ультрафиолетовой части будет походить на солнечный свет.

Представьте себе такую фабрику овощей.

В просторном, залитом солнечным светом помещении длиной в полтораста метров стоят ряды стеллажей. Тут гнутся кусты под тяжестью помидоров, там — огромные зеленые огурцы, здесь заросли лука, редиски, петрушки...

В гравии корни растений находят опору, а насос непрерывно гонит раствор с подкормкой. Ученые подобрали такие условия для растений, при которых на одном квадратном метре за один урожай получают до 18 килограммов овощей. Но на фабрике получают в год не один, а шесть урожаев. Значит, один квадратный метр даст в год больше ста килограммов помидоров, то есть сможет прокормить одного человека.

Такое производство овощей на Севере, где могучие реки уже дают много электрической энергии, обойдется совсем недорого. Больше того, такие огороды можно будет устроить и за стенами фабрики, прямо на квартирах полярников.

О. Лялин, сотрудник Агрофизического института

МЕХАНИЧЕСКИЙ ЖИРАФ

Дом построен. А знаешь, сколько надо времени, чтобы пристроить на место водосточную трубу?

Несколько часов работы в люльке, которая висит на одном конце троса, а другой прикреплен к лебедке. Не раз надо повернуть тяжелый барабан лебедки, прежде чем люлька медленно начнет подниматься...

И вот сконструирована машина — «механический жираф». Это подъемная вышка с металлической корзиной наверху. Рабочий в корзине нажмет кнопку, и вышка передвигается вдоль стены. Все движения вышки механизированы. С вышек можно навешивать водосточные трубы, ремонтировать здания, устанавливать фонари на улицах. Можно даже тушить пожары и ... снимать кинофильмы.

В. Ланцов, инженер

ГДЕ?

САМОЛЕТЫ СТОРОЖАТ УРОЖАЙ

Сорок лет тому назад на защиту урожая в нашей стране встала сельскохозяйственная авиация.

Против азиатской саранчи и вредителей леса выпустили самолеты типа «Конек-Горбунок». С такого самолета разбрасывали отравленную приманку для сусликов, крыс, мышей.

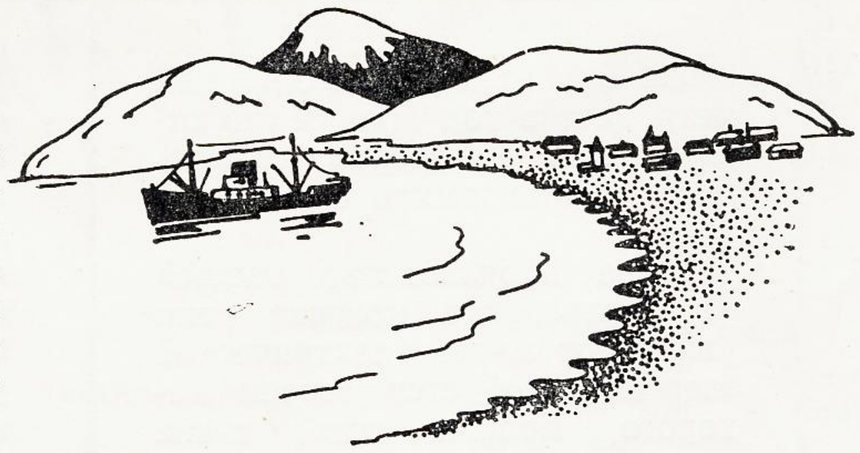
А это современный вертолет марки «К-15». Он оборудован опылителем и опрыскивателем. Вертолет охраняет от вредителей поля кукурузы.

КОГДА?

ПОЧЕМУ?

ЧТО?

МОРСКИЕ ФЕСТОНЫ



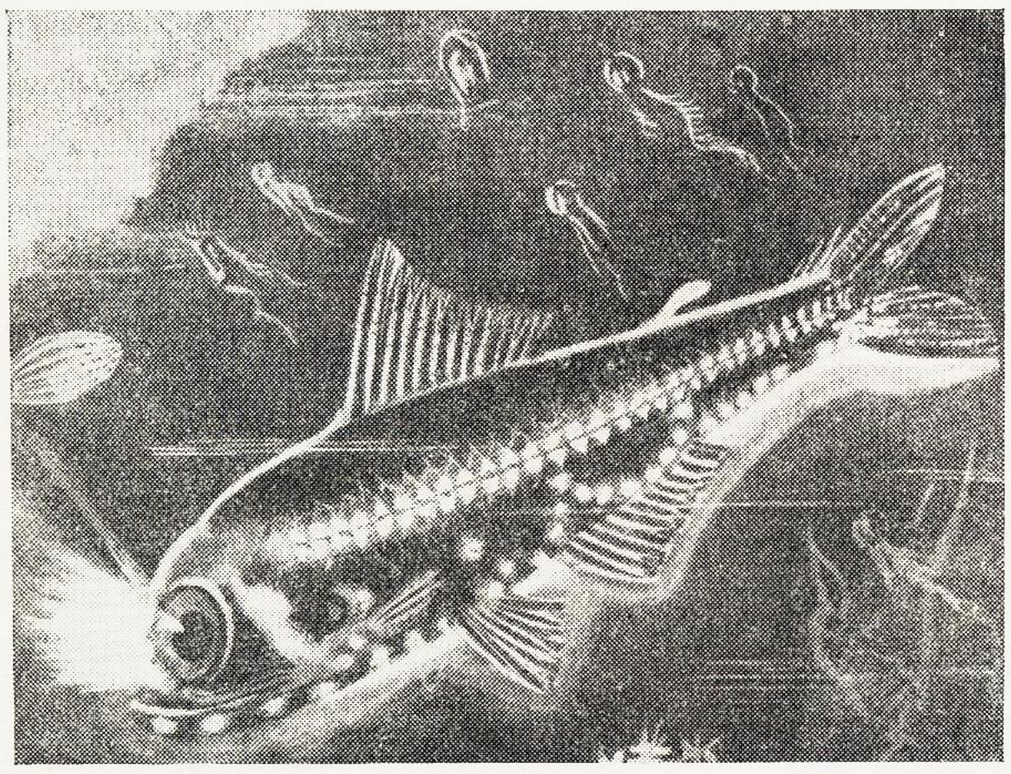
Иногда на морском побережье наблюдается красивое явление — возникают, так называемые, «морские фестоны».

Так выглядят фестоны на побережье Гренфорд (Шпицберген). Они возникают обычно на море во время волнения, но только там, где дно не мелководное, а берег не обрывистый.

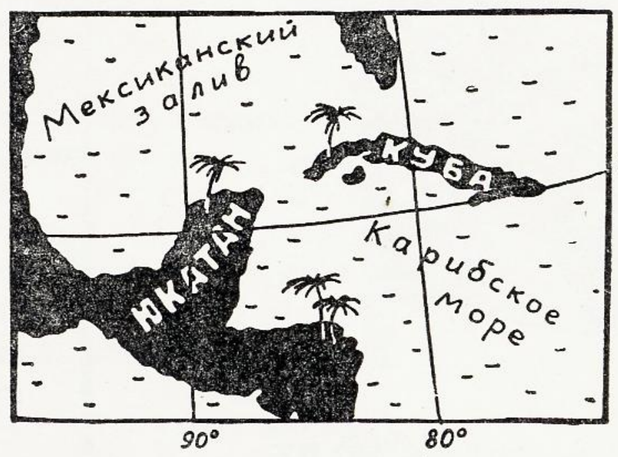
Океанографы считают, что причина образования фестонов кроется как раз в строении морского дна и прибрежной полосы моря.

В Марианской впадине — самой глубоководной на земном шаре — через стекло батискафа французские исследователи сфотографировали удивительную рыбу. Ее можно назвать живой электрической станцией.

На голове у рыбы прожектор. Когда рыбе нужно поесть, прожектор «включается», и мальки сами спешат на огонек. Рыбе остается только проглатывать пищу.



ГДЕ?



Всем нам хорошо известный полуостров в Центральной Америке уже несколько веков носит пышно и странно звучащее имя ЮКАТАН.

А что оно означает? По-индейски: «Что ты лопочешь?» или «Ничего не понимаю».

Самое засушливое место на земном шаре — Атакама.

Ее граница с востока — Тихий океан, с запада — Анды. Эта суровая пустыня очень богата полезными ископаемыми: золотом, серебром, медью. Однако добывать их нелегко: в пустыне царит страшная засуха. Воздух настолько сух, что волосы и ногти человека обламываются у самого корня.

Во время восхода солнца «поют» камни пустынной Атакамы. На горе «Черро Инкатанадо» перемещается песок, при этом слышатся звуки, похожие на мрачное завывание. Местные жители считают, что это рычит страшное чудовище — сторож сокровищ Атакамы.

Какого цвета до, ре, ми?

Тайна цвета и звука едва ли не самая увлекательная на свете: Ломоносов и Ньютон, Гете и Скрябин пытались разгадать ее. Ньютон пробовал установить связь между звуком и цветом и наделил каждую ноту определенным цветом солнечного спектра. Нота «до» получила у него красный цвет, «ре»—оранжевый, «ми»—желтый...

Советские ученые достигли в наше время больших успехов в этой области. Недавно совершила свое первое заграничное путешествие новая установка, сконструированная в СССР. Она позволяет демонстрировать цветовую музыку.

Рисунки Е. Бианки. фотографии. А. Фуникова и С. Григорьяна

КОГДА?

ПОЧЕМУ?

РЫЦАРИ ЧЕРНОЙ ШАЙБЫ

Всеволод Бобров

Заслуженный мастер спорта СССР
Первый капитан сборной страны
по хоккею с шайбой
Чемпион мира и олимпийских игр

Рисунки В. Звонцова

Говорят, что первыми хоккеистами были индейцы. Шла борьба индейских племен против чужеземных захватчиков — французов, англичан, испанцев. У пришельцев — ружья и пушки, у индейцев — луки да стрелы. Индейцам приходилось пускаться на хитрости.

Построили англичане крепость среди дремучих лесов и неизведанных озер. Высокие стены, сильный гарнизон. Попробуй, возьми крепость штурмом! И вот однажды зимой сидят английские солдаты на крепостной стене и видят: на озере собрались индейцы. У каждого на ногах коньки, в руках длинные палки, и всей гурьбой индейцы гоняют по льду какой-то маленький предмет. Как ни вглядывались солдаты, нипочем не могли разглядеть, что же это за игра такая. А любопытство разбирает солдат, да и индейцы играют весело, мирно. Вышли солдаты из ворот крепости, подошли поближе и совсем увлеклись игрой — уж очень интересно! Тут раздался боевой клич индейцев, вместо палок-клюшек замелькали томагавки, индейцы перебили солдат и ворвались в крепость. Дорого обошлось англичанам первое знакомство с хоккеем.

Это было на канадской земле. Вот уже почти сто лет вся Канада от мала до велика играет в хоккей. Хоккей перекочевал и на европейский континент, начались турниры на первенство Европы и мира. Таких турниров было сыграно добрых три десятка, когда хоккеем стали увлекаться в Советском Союзе.

Было это в первые послевоенные годы. Помню, тренер принес на занятие необычные угловатые клюшки и плоский резиновый кругляш. Теперь каждый пионер знает, что такое шайба. А в тот день мы увидели ее впервые. В хоккей мы играли давно, но игра наша была другая. Мы привыкли к простору, а тут перед нами появилась маленькая площадка с высокими деревянными бортами. Ворота маленькие, кажется, что вратарь может закрыть их одним своим телом. А главное — непривычно играть с шайбой. Ведешь ее по льду, а она так и норовит выскользнуть из-под клюшки. Ударишь шайбу клюшкой — не летит. Оказывается, не так просто ее, капризную, бросать. Целая наука.

Зато уж, если удастся бросок, черной молнией мелькнет шайба и забьется в сетке ворот. Весит шайба около двухсот граммов и при сильном броске развивает скорость в двести километров в час! Ударит по руке или ноге — сразу вспухнет синяк. Однако, игроки с синяками не ходят.

У каждого игрока — легкие прочные наплечники, нагрудники, перчатки, наколенники. Вратарь снаряжен еще основательнее: на ногах широкие кожаные щитки, на голове шлем, в руках особенная, широкая клюшка. Прямо рыцарь в латах. Да и все хоккеисты похожи на рыцарей. Рыцари черной шайбы.

Стали мы входить в науку хоккея, а тут как раз подошло время чемпионата мира. Советская команда решила принять в нем участие. Это было в 1954 году в Швеции.

Газеты дружно предсказывали победу канадцев. Ведь хоккей — национальный канадский вид спорта. Канадцы очень редко теряли мировое первенство, а однажды забили норвежцам сорок девять шайб, не пропустив в свои ворота ни одной.

Мы приехали в Швецию. Собрались на тренировку. Глядим: сидят на пустых трибунах высоченные крепкие парни. Канадцы. Посидели немного, посмотрели, как мы тренируемся, потом заулыбались и ушли прочь. На другой день газеты уже писали, что канадцы не считают советскую команду серьезной соперницей.

Был в газете и рисунок: дюжий канадский хоккеист усаживает за школьную парту маленького испуганного советского спортсмена. Мы внимательно рассмотрели рисунок. Что ж, урок не урок, а встреча с канадцами — серьезный экзамен для любой команды.

Настал день встречи. Решалась судьба всего чемпионата: мы отставали от канадцев на одно очко, и нас устраивала только победа.

Судья дал свисток, и шайба заметалась по льду. Началась борьба рослых, сильных канадских хоккеистов с нашими игроками, не каждого из которых назовешь богатырем. Мчится наш спортсмен с шайбой, а навстречу ему выкатывается этакий верзила! Кажется, не сдобровать нашему. Но недаром мы в детстве играли в русский хоккей. Он научил нас быстро и вертко бегать на коньках. И мы показали канадцам, что такое скорость.

На ворота канадцев шла атака за атакой. Канадцы никак не ожидали такого напора, а мы нажимали и нажимали. И вдруг над площадкой вспыхнула красная лампа. Гол! Мы забили гол в канадские ворота! Зрители на трибунах не верили глазам. А черная молния раз за разом ударяла в ворота канадцев. Теперь дело пошло на лад!

В хоккее крупный счет — не редкость. Но счет этого первого поединка с канадцами — 7 : 2 в нашу пользу — говорит о многом. Даже в газете, в той самой газете, которая писала о неминуемой победе канадцев, снова появилась картинка. Только на этот раз огромный советский спортсмен усаживал за школьную парту маленького испуганного канадца.

Много секретов у черной хоккейной шайбы, и, встречаясь с канадцами в первый раз, мы знали далеко не все эти секреты. Но всей командой мы отдали свои силы борьбе, и шайба покорилась нам. Смелый и дружный натиск — вот чего требует хоккей.

Теперь наши хоккеисты — признанные мастера мирового класса. Но простая истина — спорту нужна смелость — не устарела. Ее должны помнить и чемпионы мира, и игроки сборной команды вашей школы.

В «КОСТРЕ» № 1

ФОТОЗАГАДКА КАДРИКА — грустная. Это испорченная страница учебника.

ВЕСЕЛЫЕ РЕБЯТА договорились: «НАШ ЗАКОН — СКУКУ ВОН!»

На четвертой странице обложки рисунок М. Беломлинского и Г. Ковенчука

Редактор Г. М. Чернякова

Редакционная коллегия: ***В. М. Конашевич, Н. С. Косарева, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставко, Е. В. Серова, Н. В. Теребинская*** (*ответственный секретарь*), ***В. В. Торопыгин*** (*заместитель редактора*), ***Л. В. Успенский, Н. А. Ходза.***

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор *Т. Дидковская*

Технический редактор
А. А. Двораковская
Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А-4-57-76.

М-08042. Подписано к печати 15/I 1962 г. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 8+2 вкл. 6,98 усл. печ. л 8,8 уч.-изд. л
Тираж 260 000 экз. Заказ № 1 Цена 25 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза. Ленинград, Измайловский пр., 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

25 к.

Пионерский патруль задержал нарушителя: ты что, голубчик, под машину захотел?

Посмотрите, нет ли поблизости еще нарушителей.

Сталь 74